

ЛОРА
ПЕРСЕЛЛ
БЕЗМОЛВНЫЕ
КОМПАНЬОНЫ

«Захватывающая, жуткая, изящно
рассказанная история – прекрасный
образец викторианской готики».

The Guardian

Annotation

Когда Элси выходила замуж за аристократа Руперта Бейнбриджа, она верила, что впереди у нее прекрасная беззаботная жизнь. Но судьба распоряжается по-своему. Вскоре после свадьбы Элси теряет мужа и отправляется в заброшенное поместье в английской глубинке, чтобы горевать подальше от людских глаз. Однако и там она не находит утешения: слуги настроены враждебно, кузина мужа ведет себя странно, а главное, всё в старинном доме пропитано страхом...

- [Лора Перселл](#)
    -
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

Лора Перселл

Безмолвные компаньоны

Laura Purcell
The Silent Companions

© 2017 by Laura Purcell
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Посвящается
Джулиет*

Больница св. Иосифа

Новый доктор застиг ее врасплох. Не то чтобы в его появлении было что-то необычное – врачи приходили и уходили достаточно часто. Но этот был молод. Новичок как в профессии, так и в этом месте. Было в нем что-то светлое, настолько, что глаза начинали болеть.

– Это она? Миссис Бейнбридж?

Миссис. Как это мило. Она не могла припомнить, когда в последний раз к ней обращались именно так. Слова прозвучали как старая, давно забытая мелодия. Он оторвался от своих записей, поднял глаза, внимательно взгляделся в ее лицо.

– Миссис Бейнбридж, меня зовут доктор Шеферд. Я здесь, чтобы помочь. Чтобы удостовериться, что для вас делается все возможное и вам обеспечен надлежащий уход.

Уход. Ей захотелось встать с кровати, на краешке которой она сидела, взять его под ручку и мягко выпроводить за дверь. Это место

было не для невинных. Рядом с ассистенткой, пожилой приземистой ведьмой, он казался таким живым, полным энергии. Крашенные известью стены еще не впитали краску с его лица, не успели заглушить голос, заставив звучать его тускло. В глазах доктора она заметила искорку интереса. Это встревожило ее куда больше, чем хмурый взгляд ассистентки.

– Миссис Бейнбридж? Вы понимаете меня?

– Я вам говорила, – хмыкнула ассистентка. – От нее ничего не добьешься.

Доктор вздохнул и, сунув бумаги под мышку, подошел ближе.

– Такое случается. Обычно после сильных потрясений. Иногда шок так силен, что пациент не способен заговорить. Похоже, верно?

Невысказанные слова так и бурлили в груди. Они так рвались наружу, что у нее болели ребра и пощипывало губы. Но это были лишь призраки, отголоски произошедшего. Всего того, что она ни за что не хотела бы пережить снова.

Доктор наклонился так, что их головы оказались на одном уровне. Она отчетливо видела его глаза за стеклами очков, широко раскрытые и немигающие. Два светлых кружка, едва подкрашенных мятно-зеленым.

– Это лечится. Временем и терпением. Я видел подобное.

Ассистентка недоверчиво вздохнула.

– Не подходите близко, доктор. Она та еще злюка. Один раз мне в лицо плюнула.

Как спокойно он на нее смотрит. Приблизился настолько, что она почувствовала исходящие от него запахи карболового мыла и гвоздики. Память вспыхнула ярко, словно от кресала посыпались искры. Она не захотела подносить к искре трут.

– Вы не хотите вспоминать, что с вами произошло. Но говорить вы *можете*. Вы, конечно же, очень сильно надышались дыма.

– Да не заговорит она, доктор. Она не дуручка. Понимает, куда в случае чего можно отсюда угодить.

– Но она же может писать? – Он осмотрел палату. – Отчего здесь нет ничего, чем она могла бы писать? Вы даже *не попытались* наладить с ней общение?

– Не решились доверить ей перо.

– Так принесите грифельную доску и мел из моего кабинета, – врач пошарил в кармане и протянул ассистентке ключ. – Принесите их. Прямо сейчас, будьте любезны.

Ассистентка, хмурясь, взяла ключ и поспешила к двери.

Они остались одни. Она чувствовала на себе взгляд доктора – не тяжелый, однако под ним ей было неуютно, как от щекочущего прикосновения ползущего по ноге насекомого.

– Медицина меняется, миссис Бейнбридж. Я не из тех людей, которые прописали бы вам электрический шок или ледяную ванну, – врач наклонил голову набок. – Вы должны знать, что против вас были выдвинуты определенные... обвинения. Кое-кто полагает, что вас следует содержать в помещении с более строгой охраной. Утверждают даже, что вам и вовсе не место в этой лечебнице.

Обвинения. Ей ни разу не объяснили суть обвинений, просто называли убийцей, и некоторое время она старалась хоть как-то оправдать репутацию преступницы: швырялась кружками, царапала сиделок. Но сейчас у нее появилась своя комната, она получала более сильные лекарства, и было жалко сил на то, чтобы играть эту роль. Уж лучше спать. Чтобы забыть.

– Я здесь, чтобы определить вашу дальнейшую судьбу. Но чтобы я мог помочь вам, необходимо, чтобы вы помогали *мне*. Вы должны рассказать мне, что же произошло.

Как будто он смог бы понять. То, что ей пришлось видеть, нельзя постичь его узким научным умишком. Он станет отрицать, что это возможно, до тех пор, пока они не доберутся до него самого и не пожмут его руки своими, обветшалыми и расщепленными.

Доктор улыбнулся, и на левой щеке у него появилась ямочка.

– Понимаю, о чем вы думаете. Все пациенты говорят одно и то же – уверяют, что я им не поверю. Признаюсь, нередко приходится выслушивать бред, но почти не бывает, чтобы он не имел под собой основания. Его порождают некие впечатления и переживания. Даже если все звучит необычно, я все равно хотел бы выслушать ваш рассказ – узнать, что *по-вашему* произошло. Мозг подчас не справляется с той информацией, которую пытается переработать. Он подбирает происшедшему странные, необычные объяснения. Узнав, что ваш разум сообщает о травме, я смогу понять, как он работает.

Она улыбнулась в ответ. То была неприятная улыбка – одна из тех, от которых разбегались сиделки. Доктор и глазом не моргнул.

– И, возможно, нам удастся ваше затруднительное положение сделать вашим преимуществом. Когда возникает психологический шок, он не мешает, а нередко и помогает жертве описать его. Отстраненно. Как будто все случилось с другим человеком. – Скрипнула дверь, это вернулась ассистентка, неся мел и грифельную дощечку. Доктор Шеферд забрал их и шагнул к кровати, протягивая предметы, словно ветвь оливы. – Итак, миссис Бейнбридж. Вы постараетесь? Для меня? Напишите что-нибудь.

Нерешительно протянув руку, она взяла мелок. Странно было ощущать его в руке. Прошло так много времени, что она не могла припомнить, как это делается. Она поднесла мел к доске и провела вертикальную черту. Раздался скрип – отвратительный, резкий звук, от которого у нее заныли зубы. Она перепугалась, нажала слишком сильно. Кончик мела обломился.

– Я уверен, что с карандашом ей было бы проще управиться. Взгляните, она не опасна. Просто пытается сделать то, о чем ее просят.

Ассистентка сверкнула глазами.

– Пусть это будет на вашей совести, доктор. Со временем принесу и карандаш.

Между тем ей удалось нацарапать несколько букв. Тонких, еле видных, но она боялась сильнее давить на мел. Однако на доске можно было различить дрожащее *Здравст...*

Доктор Шеферд вновь наградил ее улыбкой.

– Ну вот! Продолжайте заниматься. Вы ведь можете постараться, миссис Бейнбридж, и сделать то, о чем я просил? Записать все, что помните?

Проще некуда.

Он был слишком юн. Слишком свеж и полон надежд, чтобы осознать, что и в его жизни случится что-то такое, что он захочет стереть из памяти – что накопятся целые годы из таких невыносимых мгновений.

Ей удалось загнать их так глубоко, что сейчас она могла добраться только до одного или двух. И этого хватило, чтобы лишней раз убедиться: она не хочет выживать из памяти остальное. Стоило

попытаться мысленно вернуться назад, как она видела *их*. Их ужасные лица преграждали путь в прошлое.

Рукавом она вытерла доску и снова стала писать. *Зачем?*

Доктор Шеферд поморгал.

– Ну... А как вы думаете?

Лечение.

– Верно. – Ямочки снова появились. – Хотите, чтобы мы вас вылечили? Выпустили из больницы?

Боже праведный. *Нет.*

– Нет? Но... Я не понимаю.

– Я же вам говорила, доктор, – прозвучал резкий, сорочий голос ассистентки. – Она это сделала, так и знайте.

Она подобрала ноги и легла в постель. Голова раскалывалась от боли. Обеими руками она вцепилась в свою бритую голову, пытаясь удержать мир на месте. Отросшая щетинка колола пальцы. Волосы отрастали, месяц за месяцем пролетало время – здесь, взаперти.

Давно ли это случилось? Год назад – так ей казалось. Можно было бы спросить их, написать свой вопрос на доске, но она боялась узнать правду.

Ей пора принять лекарство, пора заглушить и погасить мир.

– Миссис Бейнбридж? Миссис Бейнбридж, как вы себя чувствуете?

Она не открыла глаза. Довольно, довольно. Четыре слова, и сказано уже слишком много.

– Возможно, я сегодня был слишком настойчив, – сказал он. Но продолжал топтаться, склоняясь к кровати, беспокоя ее.

Все это неправильно. Она изнывала.

Наконец, она услышала, как доктор выпрямился. Брякнули ключи, заскрипела открываемая дверь.

– Кто следующий?

Дверь закрылась, мгновенно приглушив голоса. Звуки слов и шагов быстро удалялись по коридору.

Она осталась в одиночестве, но это не успокоило ее, как обычно. Вдруг все то, на что она обычно не обращала внимания, показалось до боли громким: гроыхание замка, смех где-то вдалеке.

В отчаянии она уткнулась лицом в подушку и попыталась забыться.

Правда. Она не могла перестать думать о ней в холодные серые часы молчания.

В комнату отдыха не приносили газет – по крайней мере, пока ей было разрешено там находиться, – но слухи имели обыкновение просачиваться сквозь трещины в стенах, под двери. Выдумки репортеров проникли в лечебницу задолго до того, как она сама здесь оказалась. С того дня, как она попала сюда, за ней закрепилось новое имя: *убийца*.

Другие пациенты, ассистенты и медсестры, даже сиделки, когда думали, что их никто не слышит – все они кривили рты и щерились, произнося и повторяя это. *Убийца*. Словно хотели ее испугать. *Ее*.

Не несправедливость обвинения была ей отвратительна, а сами эти звуки, шипящие, скребущие ей уши, словно... *Нет*.

Она поерзала в постели и, стараясь успокоиться, крепко обняла себя голыми руками, покрытыми гусиной кожей. До сих пор ей ничто не угрожало. Она была в безопасности за толстыми стенами, за собственным молчанием, за прекрасными лекарствами, способными заглушить прошлое. Но новый доктор... Он словно часы, неотвратимым и неумолимым тиканьем сообщаящие, что ее время истекает. *Возможно, вам место вовсе не в лечебнице*.

В груди нарастал панический страх.

Снова все те же три возможности. Не говори ни слова, и тебя признают виновной. Конечный пункт: виселица. Не говори ни слова, и каким-то чудом будешь оправдана. Конечный пункт: холодный, враждебный мир, в котором не будет лекарства, чтобы помочь забыться.

Оставалась единственная возможность – правда. Но какова она?

Оглядываясь в прошлое, она могла ясно различить лишь лица своих родителей. Вокруг них неясной массой сгрудились темные фигуры. Пугающие, полные ненависти, которая изуродовала ей жизнь.

Но в это никто не поверил бы.

В окно светила полная луна, серебристые лучи падали на стену, касаясь ее головы. Она лежала, глядя на них, когда ей в голову пришла мысль. В этом месте хаоса всё вверх ногами. Правда безумна, она не

укладывается в рамки здорового человеческого воображения. И потому правда – единственное, что гарантирует, что ее оставят под замком, взаперти.

Спустив ноги с кровати, она соскользнула на пол, оказавшийся холодным и немного липким. Сколько здесь ни прибирали и ни мыли, в воздухе все равно висел запах мочи. Она свернулась в клубочек на полу и посмотрела, наконец, на громоздкое темное пятно в другом конце палаты.

Доктор Шеферд распорядился поставить это там: первый новый предмет в неизменной обстановке. Всего лишь письменный стол. Но это – еще один инструмент, призванный вскрыть склеп и предать эксгумации всё, что она давно похоронила.

С бьющимся где-то в горле сердцем она поползла по полу. Здесь, внизу, ей было как-то спокойней лежать, глядя на ножки с засечками. *Дерево*. Она вздрогнула.

Конечно, здесь у нее нет причин опасаться. Конечно, не могут же они захватить любой кусок дерева и... Это просто невозможно. Но и все, что случилось, тоже было невозможно. Во всем этом не было ни капли здравого смысла. И все же это *случилось*.

Медленно она встала и осмотрела поверхность стола. Доктор Шеферд приготовил для нее письменные принадлежности: бумагу и толстый тупой карандаш.

Она подвинула лист бумаги к себе. В полумраке ей виделась белая пустота, ожидающая слов. Она сглотнула, чтобы унять боль в горле. Как вновь пережить все это? Как справиться с собой и описать это для них, все сначала?

Она вглядывалась в пустой лист, стараясь различить где-то в просторах небытия ту женщину из далекого прошлого.

Бридж, 1865

Я не умерла.

Элси повторяла эти слова, пока ее экипаж колесил по сельским дорогам, разбрасывая во все стороны комья грязи. Колеса чавкали в мокрых колеях. *Я не умерла*. Но ей было трудно в это поверить, глядя на призрак в забрызганном дождем окне – свое отражение: бледную

кожу, впалые как у трупа щеки, почти неразличимые под черной вуалью локоны.

Небо над ней было стального серого цвета, однообразие ландшафта нарушали только вороны. Миля за милей, а картина не менялась. Скошенные поля, похожие на скелеты деревьев. *Они меня хоронят*, вдруг осенило ее. *Хоронят меня вместе с Рупертом*.

Никто не предполагал, что все так сложится. К этому времени они уже должны были вернуться в Лондон, открыть дом, распахнуть двери, разливать по бокалам шипучее вино, зажигать свечи. В этом году в моде были яркие цвета. Салоны утопали в небесно-лазурном, лилово-розовом, в пурпуре и парижской зелени. Ее место было там, в центре всего этого: она – желанная гостя на каждом блестящем званом вечере, она идет под руку с хозяином в полосатом жилете, ее приглашает к столу сама хозяйка. Новобрачная всегда пользуется особыми привилегиями.

Но не вдова. Вдова скрывается в тени и скорбно прячется от глаз, погребая сама себя. Она стала русалкой, тонущей в черном крепе, подобно самой королеве. Элси вздохнула и взгляделась в черную пустоту – отражение своих глаз. Должно быть, она плохая, бесчувственная жена, но ей совершенно не хотелось скорбно уединиться. Сидеть в безмолвии и предаваться воспоминаниям о добродетелях Руперта? Этим горю не поможешь. Утешиться можно только переключившись на что-то другое. Она хотела бы пойти в театр, покататься на грохочущих омнибусах. Да что угодно, лишь бы не трястись вот так, одной, мимо бесконечных мрачных полей.

Впрочем, она была не совсем одна. Напротив сидела Сара, уткнувшись носом в толстый том в засаленном кожаном переплете. Читая, она проговаривала слова шепотом, ее широкий рот двигался. Элси уже чувствовала к ней презрение. Коровьи карие с поволокой глаза, в которых не было ни проблеска ума, узкие скулы, тонкие волосы, которые вечно выбивались из-под чепца. Продавщицы в лавках и то, бывало, отличались большей утонченностью.

– Она составит тебе компанию, – обещал Руперт. – А ты пригляди за ней, пока я буду в Бридже. Покажи ей окрестности. Бедная девочка редко выходит из дому.

Он не преувеличил. Его кузина Сара ела, дышала и моргала – иногда она читала. И все. Никаких устремлений, ни малейшего

желания улучшить свое положение. Она довольствовалась скромной ролью компаньонки при чудаковатой старой даме до тех пор, пока карга не умерла.

Руперт – добрый кузен – взял ее к себе. А в результате она повисла на шее у Элси.

Желтые широкие, как веера, листья слетали с каштанов и падали на крышу экипажа. *Шлеп, шлеп.* Комья земли на гроб.

Еще час или два, и солнце начало клониться к закату.

– Долго ли еще?

Сара подняла свои остекленевшие глаза.

– Ммм?

– Долго еще?

– До чего?..

Боже милостивый.

– До нашего приезда.

– Я не знаю. Я никогда прежде не бывала в Бридже.

– Что? Вы тоже не видели дома?

От такого старинного семейства, каким были Бейнбриджи, можно было ожидать большего интереса к своему родовому гнезду. Но даже Руперт в свои сорок пять лет ничего не мог рассказать об этом месте. Он, казалось, вспомнил о своем наследстве лишь когда стряпчие приступили к составлению их брачного контракта.

– Поверить не могу. Неужели вы не были там даже в детстве?

– Нет. Мои родители часто упоминали парк, но я его так ни разу и не видела. Руперт не проявлял к имению интереса, пока...

– Пока не встретил меня, – договорила за нее Элси.

Ей с трудом удалось сдержать подступившие слезы. Счастливая совместная жизнь была так близко! Руперт поехал вперед, чтобы к весне подготовить поместье для наследника, которому предстояло в будущем стать его владельцем. А что теперь? Он оставил ее одну, а у нее нет никакого опыта управления загородным поместьем. Как ей в одиночку справиться с семейным наследием, неотвратимыми родами, младенцем? Элси представила, как сама нянчит ребенка в обветшалой комнате с потертой уныло-гороховой обивкой и каминными часами, оплетенными паутиной.

Конские копыта мерно чавкали по грязи. Окна запотели. Элси протерла стекло рукавом. Глазам представилась унылая картина.

Заросший, неухоженный сад, ветхость и убожество. Из травы, будто надгробные плиты, торчали останки серой кирпичной стены, а вокруг все поросло клевером и папоротником. Природа вступала в свои права, заросли ежевики и мох отвоевывали пространство.

Как могло случиться, что дорога к дому Руперта находится в таком состоянии? Он был педантичен и дотошен в делах, силен в математике и держал свои бухгалтерские книги в безупречном порядке. Так как же он допустил, чтобы одно из его владений выродилось в такой кошмар?

Экипаж, затрещав, накренился и вдруг встал как вкопанный. Впереди на козлах чертыхнулся Питерс.

Сара, закрыв книгу, отложила ее в сторону.

– Что там такое?

– Думаю, мы почти у цели, – вытянувшись вперед, Элси изо всех сил вглядывалась в даль. Легкий туман поднимался, змеясь, стелился над бегущей вдоль дороги речкой и окутывал горизонт.

Наверное, Фейфорд уже совсем рядом? Они, кажется, провели в дороге уже много часов. Посадка на поезд в Лондоне, темная, цвета дешевого виски, заря – Элси казалось, что все это происходило с ней неделю назад, а не нынче утром.

Питерс щелкнул кнутом. Лошади всхрапнули и рванули, чуть не оборвав упряжь, но экипаж только закачался.

– Что же делать?

Вновь щелкнул кнут. Зачмокали по грязи копыта.

Стук костяшек пальцев по крыше экипажа.

– Прошу прощения! Придется вам выйти, мэм.

– Выйти? – переспросила она. – Но мы не можем стоять в такой слякоти!

Питерс соскочил с козел, с всплеском приземлившись. Сделав несколько шагов по жидкой глине, он оказался у дверцы экипажа и распахнул ее. Внутри тут же заполз туман, игриво завившись у порога.

– Боюсь, выбора нет, мэм. Колесо увязло по самую ось. Нам только и остается, что толкнуть и понадеяться, что дальше лошадки справятся сами. Чем меньше веса, тем лучше.

– Не так уж много весят две дамы, не правда ли?

– Довольно, чтобы лошади почуяли разницу, – сухо ответил кучер.

Элси застонала. Туман прижимался к ее щеке, влажный, как дыхание собаки. Он принес запах реки с густым земляным оттенком.

Сара куда-то засунула свой томик и подобрала подол. Помедлив, она подхватила нижнюю юбку так, что стали видны лодыжки.

– После вас, миссис Бейнбридж.

В других обстоятельствах Элси было бы приятно, что Сара ей уступает. Но сейчас ей меньше всего хотелось выбираться из экипажа первой. Туман поразительно быстро сгущался. Она с трудом различала силуэт Питерса и протянутую ей руку.

– А лесенка? – без всякой надежды спросила она.

– При таком наклоне ее нипочем не вытянуть, мэм. Придется вам прыгать. Да тут невысоко. А я подхватчу.

Элси собрала в кулак всю свою волю. Подавив вздох, она зажмурилась и прыгнула. Питерс в последний момент подхватил ее руками за талию и поставил прямо в грязь.

– Теперь вы, мисс.

Не дожидаясь, пока Сара своей ножищей наступит ей на подол, Элси побрела прочь, то и дело оступаясь. Ей казалось, что она идет по рисовому пудингу. Башмачки скользили и застревали под самыми причудливыми углами. Она не видела, куда ставит ноги, туман вился у колен, застилая землю. Возможно, это и к лучшему – ей не хотелось видеть, как край нового бомбазинового ^[1] платья волочится по грязи.

Кое-где из тумана выступали деревья – каштаны. Элси никогда не видела ничего подобного; туман не был ядовито-желтым, как знаменитый туман Лондона, и не висел, а *двигался*. Когда серебристо-серые облака отплыли в сторону, открылись потрескавшаяся стена и линия деревьев вдоль нее. Из стены выпали кирпичи, и на их месте теперь зияли щербины, как от выпавших зубов. Приблизительно посередине в стене была пустая, гниющая оконная рама. Элси попыталась к ней присмотреться, но вернулся туман и снова все поглотил.

– Питерс? Что это за мрачное здание?

Промозглый сырой воздух вдруг прорезал крик. Элси, задохнувшись от ужаса, резко оглянулась, но перед глазами лишь клубилась белая дымка.

– Спокойно, мисс, – раздался голос Питерса. – Все в порядке.

Элси перевела дух и увидела, как облачко пара от ее дыхания смешалось с туманом.

– Что случилось? Я вас не вижу. Сара упала?

– Нет, нет. Я подхватил ее как раз вовремя.

Вероятно, для девушки это было самым ярким впечатлением за целый год. Шутка готова была сорваться с языка Элси, но тут она услышала новый звук: более низкий, более настойчивый. Глухой, протяжный стон. Лошади – должно быть, они тоже это слышали – шарахнулись и захрапели.

– Питерс? Что это было?

Звук раздался снова: гулкий и скорбный. Элси он очень не понравился. Она не привыкла ко всем этим деревенским звукам и туманам – и не желала привыкать. Придерживая шлейф, она неверной походкой поковыляла назад, к экипажу. Но поторопилась – поскользнулась, почва ушла из-под ног, и Элси со всего маху полетела в грязь прямо на лопатки.

Она лежала на спине совершенно ошеломленная. Холодная жижка просочилась в щель между воротником и капором.

– Миссис Бейнбридж? Где вы?

От удара у нее выбило воздух из легких. Боли не было – о ребенке можно было не тревожиться, Элси просто не могла подать голос. Она всматривалась в клубящуюся белизну. Ткань платья насквозь пропиталась влагой. Где-то в дальнем уголке сознания она оплакивала испорченный черный бомбазин.

– Миссис Бейнбридж?

Странный стон раздался снова, на этот раз ближе. Туман зловеще зашевелился над Элси, словно неуспокоенный дух. Она различила у себя над головой чьи-то очертания: к ней кто-то наклонился. Элси слабо застонала.

– Миссис Бейнбридж!

Съежившись в комок, Элси наконец разглядело то, что остановилось в двух дюймах от её лица. Два пустых глаза. Мокрый нос. Черные крылья, как у нетопыря. Оно втянуло воздух, а потом опустилось к ней. *Опустилось.*

Корова. Просто-напросто корова, на привязи – длинной истертой веревке. От пережитого смятения к Элси вернулся голос.

– Кыш! Уходи, мне нечего тебе дать.

Корова не тронулась с места. Элси засомневалась, в состоянии ли она еще двигаться – у животного был нездоровый вид. Голова сидела на тощей жилистой шее, а вокруг торчащих ребер вилась стая мух. Бедная скотинка.

– Вот вы где! – Питерс пинками отогнал корову. – Что стряслось, а, мэм? Вы в порядке? Сейчас я вам подсоблю.

Только с четвертой попытки ему удалось поставить Элси на ноги. Ее платье с трудом оторвалось от липкой трясины. Бесповоротно испорчено.

Питерс не сдержал кривой усмешки.

– Не волнуйтесь, мэм. Все равно, сдастся мне, в этом местечке вам наряжаться не придется.

Элси посмотрела ему через плечо – туда улетали, кружась, последние волокна тумана. Да нет же. Это невозможно. Не может же деревенька, выплывшая из дымки, оказаться Фейфордом?

Рядок покосившихся домишек под кронами деревьев, в каждом либо окно разбито, либо дверь просела и покосилась. Трещины и дыры в стенах наскоро замазаны глиной и грязью. Обветшавшая солома на кровлях поредела и покрылась плесенью.

– Не удивительно, что мы застряли, – Питерс махнул рукой в сторону ведущей к домам дороги, больше напоминавшей мутную бурю реку. – Добро пожаловать в Фейфорд, мэм.

– Не думаю, что это может быть Фейфорд, – сказала она.

Откуда-то сзади выплыло бледное лицо Сары.

– А я полагаю, это именно он! – прошелестела девица. – О боже.

Элси только ахнула. Оказаться запертой в деревне – уже само по себе достаточно скверно, но *здесь*? Выходя за Руперта, она рассчитывала поправить свое положение, ей виделась жизнь среди упитанных, довольных крестьян и смиренных арендаторов.

– Пойдите-ка здесь, дамы, – сказал Питерс. – А я попробую вытащить колесо, пока туман рассеялся.

Он пошел к экипажу, осторожно ступая по грязи.

Сара подобралась к Элси ближе. Впервые за все время ее присутствие обрадовало Элси.

– Я так надеялась, что мы будем совершать приятные прогулки по сельской местности, миссис Бейнбридж, но, боюсь, как бы не пришлось нам просидеть всю зиму взаперти.

Взаперти. Слово было похоже на ключ, провернувшийся в замке. Старое, еще из детства, чувство, что она в ловушке. Как же она сможет отвлечься от мыслей о Руперте, если придется сидеть взаперти?

Есть книги, с надеждой подумала Элси. Карточные игры. Но немного времени нужно, чтобы все это приелось.

– Миссис Крэббл когда-нибудь играла с вами в триктрак, Сара?

– О да. И еще, конечно... – она замолчала, вытаращив глаза.

– Сара? В чем дело?

Та молчала, повернув голову к домишкам. Элси проследила за ее взглядом. Из окон выглядывали чумазые лица. Никудышные люди, хуже той коровы.

– Это, должно быть, мои арендаторы, – Элси подняла было руку, решив, что надо бы им помахать, но мужество почти сразу покинуло ее.

– Не следует ли нам... – пропищала Сара, – не следует ли нам попытаться поговорить с ними?

– Нет. Держитесь от них подальше.

– Но у них такой жалкий вид!

Она была права. Элси не могла представить, чем можно им помочь. Явиться к ним с корзинкой угощений и прочитать отрывок из Библии? Кажется, именно так делают обычно богатые леди? Почему-то ей казалось, что эти люди едва ли оценили бы этот поступок.

Заржала лошадь. Элси услышала брань и, оглянувшись, успела увидеть, как колесо экипажа, угрожающе клокоча, вырвалось из трясины, с головы до пят окатив Питерса грязью.

– Ну вот, – кисло сказал кучер, покосившись на платье Элси, – теперь нас таких двое.

Когда экипаж стронулся с места и немного проехал вперед, Элси заметила позади полуразвалившуюся церковь, почти руины. Шпиль отсутствовал, на его месте торчал только зазубренный деревянный шип. Здание окружала чахлая желтая трава, вплотную подобравшаяся к надгробиям. Из-под навеса у входа на кладбище за ними кто-то наблюдал.

В животе у Элси как будто запенились пузырьки. Ребенок. Она прижала руку к перемазанному грязью корсажу, а другой ухватила за Сару.

– Идемте. Вернемся в коляску.

– Ах да, – Сара поковыляла вперед. – Хорошо бы как можно скорее попасть домой!

Элси не разделяла ее энтузиазма. Ведь если деревня оказалась таким крысиным гнездом, неизвестно, что они обнаружат в доме...

* * *

Река что-то им нашептывала; торопливый, бесплотный звук. Через поток был перекинут каменный, в пятнах мха мост – должно быть, тот самый, что дал название поместью.

Он ничем не походил ни на один из лондонских мостов. Вместо современной архитектуры и конструкций Элси увидела полуразрушенные арки в водяных брызгах и пене. По обе стороны реки на столбах восседало по паре утративших цвет каменных львов. Это навело ее на воспоминания о Воротах предателей в лондонском Тауэре.

Но сама река не была похожа на Темзу – не мутно-серая и не рыжевато-бурая, а прозрачная. Элси прищурилась, заметив какое-то движение под поверхностью. Там стремительно промелькнуло что-то темное. Рыба?

Когда они перебрались на тот берег, откуда ни возмись перед ними возникла старенькая сторожка. Питерс придержал лошадей, и экипаж замедлил ход, но навстречу никто не вышел. Элси опустила окно и поморщилась от неприятного ощущения, когда к руке прикоснулся холодный и влажный на ощупь рукав.

– Езжай дальше, Питерс.

– Вижу! – воскликнула Сара. – Вон он, дом!

Дорога шла под уклон к веренице холмов, за которыми уже клонилось к закату солнце. В самом конце, припав к земле, в полукружии желтых и рыжих деревьев, стоял Бридж.

Элси подняла вуаль. Она увидела приземистое здание времен короля Якова, с тремя фронтонами на крыше, стеклянным световым куполом и красными кирпичными трубами. С карнизов вниз стекал плющ, он же полностью скрывал башни по обе стороны здания. Дом казался мертвым.

Мертвым здесь было всё. Цветники простирались ниц под бессмысленным взглядом окон, живые изгороди увяли и были испещрены дырами. Клумбы были сплошь покрыты сухими стеблями сорняков. Даже лужайки пожелтели и облысели, словно по всей земле медленно распространялась какая-то ползучая зараза. Процвел только чертополох, воинственно вздымая свои фиолетовые пики прямо посреди посыпанной гравием дорожки.

Коляска остановилась на площадке напротив фонтана, составлявшего центральную часть этого пришедшего в упадок участка. Давным-давно, когда камень еще был белым, а скульптурные изображения собак на верхушке фонтана новенькими, всё это, вероятно, выглядело красиво и радовало глаз. Теперь же из кранов не вытекало ни капли воды. По дну пустого бассейна, как живые, вились трещины.

К Элси приблизилась Сара.

– Все высыпали наружу, чтобы на нас посмотреть, – сообщила она. – Вся прислуга!

От неожиданности у Элси защемило сердце. Она слишком углубилась в разглядывание парка. Теперь и она заметила трех женщин в черном, стоявших у входа в дом. На двух были белые чепцы и передники, а третья вышла с непокрытой головой – Элси разглядела узел жестких, с проседью волос. Рядом с нею навытяжку стоял мужчина.

Элси опустила глаза на свое платье. Подол весь в пятнах, как те ржавые железные ворота. Грязь тянула шелк книзу, мокрая юбка липла к коленям. Что подумает прислуга, когда увидит новую хозяйку в таком виде? Даже в своей фабричной униформе она, пожалуй, выглядела бы чище и опрятней.

– Госпожа должна познакомиться со своей прислугой. Но я, признаться, не думала, что буду при этом выглядеть как пирог из глины.

Внезапно дверца распахнулась. Элси подскочила. Перед ней стоял худощавый молодой человек, облаченный в черный костюм.

– О, Джолион, это ты. Слава богу.

– Элси? Что, черт побери, случилось? – светло-русые волосы рассыпались по лицу Джолиона, как бы подчеркивая написанное на нем недоумение.

– Несчастный случай. Экипаж застрял в грязи, а я упала, – она показала на юбку. – Я не могу знакомиться с прислугой в таком виде. Отправь их в дом.

Он колебался. Щеки под бакенбардами зарумянились.

– Но... Все это выглядит так странно. Что мне им сказать?

– Откуда я знаю! Скажи что-нибудь! – Элси заметила в своем голосе визгливые нотки и поняла, что слезы подступили опасно близко. – Придумай какую-то отговорку.

– Прекрасно, – отступив, Джолион захлопнул дверцу. Она увидела, как он поворачивает к дому. Ветер игриво поднял завитки волос, ниспадавшие ему на воротник.

– Миссис Бейнбридж... нездоровится. Она намерена сразу же лечь в постель. Разожгите огонь и приготовьте для нее чай.

В ответ послышалось бормотание, но вскоре снова захрустел гравий – Джолион торопливо возвращался к экипажу. Элси вздохнула с облегчением. Ей не придется стоять перед ними – по крайней мере пока.

Из всех людей слуги представлялись Элси самыми строгими и придирчивыми: они ревностно оберегают состояние своего господина, поскольку от него напрямую зависит их собственное благополучие. Когда Элси появилась в лондонском доме Руперта, прислуга высокомерно встретила ее – девушку со спичечной фабрики. Признание, что после смерти матери ей пришлось обходиться без служанки, было встречено холодным презрением. Только уважение к Руперту и его предупредительные взгляды заставляли их держаться в рамках приличий.

Сара вытянула шею.

– Как же вы справитесь? Вам необходимо поскорее переодеться, пока вас никто не видит. А Розы здесь нет!

Нет. Розы не пожелала расставаться с лондонской жизнью ради этого захолустья. Элси не могла винить ее в этом. Честно говоря, втайне она даже испытала облегчение. Ей всегда было неловко переодеваться в присутствии горничной, чувствовать прикосновение чужих рук к своему телу. И все же ей предстояло нанять новую, ради приличия. Не хотелось, чтобы ее ославили на всю округу как одну из эксцентричных вдовушек, которых немало в глубинке.

– Полагаю, я сумею справиться сегодня без Розы.

Сара просияла.

– Я могу помочь с пуговками на спине. Я хорошо справляюсь с застежками.

Что ж, одной заботой меньше.

У дверцы снова возник Джолион, распахнул ее и протянул руку.

– Прислуга отправлена в дом. Можно выходить.

Промахиваясь мимо ступенек, Элси кое-как спустилась на россыпь камушков. При виде ее платья Джолион вздернул брови.

– Боже праведный!

Она торопливо отдернула руку.

Пока Джолион помогал Саре спуститься, Элси смотрела на дом. Ничего. Шторы задернуты, превращая окна в непроницаемые черные экраны. Плющ жался к стене.

– Идем же. Сундуки уже унесли в твою комнату.

Они поднялись на невысокое крыльцо, к открытой двери. Элси еще не переступила порог, а в ноздри уже ударил запах затхлости. Кто-то, впрочем, явно попытался смягчить его более мягкой нотой. Это были ароматы, обычные для бельевого шкафа: лаванда и зеленые травы.

Джолион шел размашисто – он и в Лондоне всегда ходил так, – громко топая по серым, выложенным ромбами плитам каменного пола. Элси с Сарой семенили за ним, с любопытством осматривая дом.

Через входную дверь они попали сразу в Большой холл поразивший их размерами и каким-то древним великолепием. В глаза бросались детали, восходившие к средневековью: рыцарские доспехи, веером размещенные на стенах мечи, изъеденные жучком потолочные балки.

– Вы знали, что здесь однажды останавливался Карл I со своей королевой? – спросила Сара. – Мне рассказывала мама. Вообразите только, они прохаживались вот тут, по этому самому полу!

Элси в эту минуту куда больше интересовал огонь, ярко разгоревшийся за чугунной решеткой. Поспешив к камину, она протянула руки в перчатках к языкам пламени. Ей был привычен уголь, а в этих потрескивающих поленьях и насыщенном, сладковатом аромате их дыма было для нее что-то тревожащее. Этот запах слишком живо напомнил ей доски, из которых на фабрике делали заготовки –

спичечную соломку. И то, как они расщеплялись под пилой на узенькие полоски.

Элси отвернулась. По обе стороны от камина располагались две массивные деревянные двери, украшенные металлической чеканкой.

– Элси, – Джолион проявлял признаки нетерпения. – В твоей комнате тоже затопили камин.

– Да, но я... – она обернулась и вдруг почувствовала, как свело мышцы. Лицо будто окаменело. Под лестницей. Поначалу она и не заметила. На восточном ковре стоял стол, а на нем... длинный узкий ящик. – Это?..

Джолион наклонил голову.

– Да. Сначала его поместили в гостиной. Но экономка считает, что это помещение проще проветривать, чтобы воздух был свежее.

Ну конечно: запах трав. Элси попятилась, ощущая, как все внутри сжимается в комок. Ей хотелось запомнить Руперта веселым улыбчивым щеголем, каким он всегда был, а не безжизненной куклой в коробке.

Она прочистила горло.

– Понимаю. Что ж, по крайней мере, когда соседи явятся с соболезнованиями, им не придется бродить по дому.

Навалилась было та страшная апатия, овладевшая ей, когда она впервые услышала о смерти Руперта. Но на этот раз Элси как-то удалось стряхнуть ее с себя. Она не позволяла себе погрязнуть в горе и скорби – только изо всех сил пыталась сделать вид, будто ничего, совершенно ничего не случилось.

– Соседей здесь, судя по всему, не так уж много, – Джолион прислонился к колонне. – Пока что, кроме викария, никто не появился.

Как же все это невыносимо печально. В Лондоне многие сочли бы за честь повидать Руперта в последний раз. Элси в который уже раз пожалела, что не настояла на пышных похоронах в городе – правда, Джолион утверждал, что перевезти тело в Лондон невозможно.

Сара подошла к гробу и уставилась в него.

– У него такой мирный вид. Ах, милый, он заслужил покой. – Она повернулась к Элси, протянула ей руку. – Миссис Бейнбридж, идите сюда, взгляните сами.

– Нет.

– Все хорошо. Подойдите. Вам будет приятно увидеть, как он безмятежен. Это поможет вам справиться с горем.

Элси это показалось крайне сомнительным.

– Не хочу.

– Миссис Бейнбридж...

В очаге взорвалось одно из поленьев. Элси взвизгнула и отскочила. Искры фонтаном осыпали ее платье, мгновенно превращаясь в пепел и падая на ковер.

– Боже, – она прижала руку к груди. – Ох уж эти старые очаги. Я могла вспыхнуть, как факел.

– Едва ли, – Джолион запустил пальцы себе в шевелюру. – Нам нужно подняться наверх до появления прислуги, и... Элси? Элси, ты слушаешь меня?

Из-за того, что она шаркнулась прочь от очага, всё совершилось против ее воли. Она оказалась так близко от гроба, что увидела часть профиля Руперта над белым шелком: серовато-голубой кончик носа, ресницы, волны темных с проседью волос. Отворачиваться было слишком поздно. Она робко приблизилась, ступая так осторожно, будто боялась разбудить спящее дитя. Мало-помалу высокая стенка гроба отступила.

Внезапно ее бросило в жар. Перед ней был не Руперт. Не совсем он. Перед ней лежала подделка, имитация, холодная и безликая, как каменная статуя. Ее напомаженные волосы были аккуратно уложены, не осталось и намека на непокорный завиток, вечно спадавший Руперту на левый глаз. Красные жилки, так оживлявшие щеки Руперта, превратились в чуть заметные серые штрихи. Даже его усы казались приклеенными и нелепо торчали над пересохшей кожей.

Как восхитительно щекотали ее эти усы. Она снова почувствовала их прикосновение к своей щеке, ложбинке над верхней губой. И то, как Руперт всегда смеялся, целуя ее. Смех был талантом Руперта, его даром. Было так странно, неправильно стоять рядом с ним таким, торжественным и безмолвным. Ему бы это не понравилось.

Переведя взгляд ниже, к его подбородку и наметившейся щетине, которая никогда уже не вырастет, Элси заметила на коже Руперта мелкие синие пятнышки. Они вызвали в ее памяти детство и швейную иглу, прижатую к пальцу.

Конечно же, это были занозы. Но откуда занозы могли появиться у него на лице?

– Элси, – голос Джолиона звучал решительно. – Нужно подниматься наверх. Завтра у тебя еще будет достаточно времени, чтобы проститься.

Она кивнула и вытерла глаза. Заставить себя отойти было вовсе не трудно. О чем бы ни думала Элси, стоя у гроба, это отнюдь не было прощанием с супругом. Время для этого было безнадежно упущено, оно ушло с его последним вздохом. Сейчас в ящике лежало только бледное подобие того, что некогда было Рупертом Бейнбриджем.

* * *

Чтобы подняться до потолочных балок Большого холла и оказаться на небольшой площадке, пришлось преодолеть два пролета. Горели только несколько ламп, неровно освещавших красноватые тисненные обои.

– Сюда, – бросил Джолион, сворачивая налево.

Элси пошла следом, поднимая облачка пыли и подметая ковер обвисшей мокрой юбкой. Вид широкого коридора свидетельствовал о былом величии. Вдоль стены расположили диваны, обитые гобеленом, а между ними были расставлены мраморные бюсты со сколотыми краями. Они выглядели ужасно, было невыносимо видеть их мертвенное выражение, крадущиеся по скулам тени, заглядывать в их пустые глазницы. Элси не узнала среди них ни одного знаменитого писателя или философа. Возможно, бюсты изображали прежних владельцев Бриджа? Она всмотрелась в безучастные их лица, пытаясь обнаружить хоть каплю сходства с Рупертом, но не нашла ни малейшего.

Джолион повернул вправо, а вскоре после этого еще раз влево. Они оказались перед сводчатой дверью.

– Это гостевые апартаменты, – объяснил он. – Я думаю, вам будет здесь удобно, мисс Бейнбридж.

Сара растерянно заморгала.

– Апартаменты, для меня одной?

– О, разумеется, – Джолион скупно улыбнулся. – Ваши вещи уже внутри. Я буду ночевать прямо по коридору, у лестницы для слуг, – он махнул рукой в сторону. – У миссис Бейнбридж аналогичные апартаменты в другом крыле.

Элси подняла брови. Аналогичные апартаменты. Насколько низко она опустилась?

– До чего же мило. Мы будем как настоящие близнецы, – она постаралась убрать из голоса яд, но не была уверена, что это ей удалось.

– Я только устроюсь, – опасливо промолвила Сара, – а потом приду и помогу вам одеться, миссис Бейнбридж.

– Вам незачем торопиться, – сказал Джолион. – Я покажу сестре ее комнаты. Позже мы все вместе отужинаем.

– Благодарю.

Подхватив Элси под руку, брат потащил ее обратно в коридор, откуда они только что пришли.

– Ты не должна обращаться с Сарой, как со служанкой, – прошипел он сквозь зубы.

– Я бы и не стала, но она ничего не делает, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Эта старая девица – прихлебательница, живущая за мой счет, не так ли?

– Она – Бейнбридж, единственная родня Руперта, вся его семья.

Элси помотала головой.

– Это неправда. *Я* была семьей Руперта. *Я* его ближайшая родственница.

– О да, тебе удалось убедить его в этом.

– Да о чем ты, объясни наконец!

Джолион замедлил шаг. Он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли поблизости слуг.

– Извини. Я вел себя неучтиво. Ты ни в чем не виновата. Но я думал, что мы с Бейнбриджем договорились, еще до свадьбы, что именно произойдет в подобной ситуации. Это было джентльменское соглашение. Но Бейнбридж...

В сердце Элси закралась тревога.

– О чем ты говоришь?

– Он разве не говорил тебе? Бейнбридж перед смертью изменил завещание. Его поверенный прочитал мне текст.

– Что там сказано?

– Он все оставил тебе. Все. Дом в Лондоне, Бридж, долю в спичечной фабрике. Больше никто не получает ни гроша.

Разумеется, он это сделал. Месяц назад – когда она сообщила ему о ребенке.

Подумать только... после всего, что ей пришлось пережить, она удостоилась счастья выйти за человека заботливого, дальновидного – и потеряла его. *Неосмотрительно*, сказала бы Ма. *Как это похоже на тебя, Элизабет.*

– Что странного в том, что он изменил завещание? Я его жена, я ношу его дитя. Такое решение кажется мне совершенно естественным.

– Вполне. Проживи вы год или два, меня бы оно нисколько не покорило, – качая головой, Джолион двинулся дальше по коридору.

Элси пыталась не отставать, запомнить дорогу она была не в силах: казалось, что винно-красные стены колышутся, будто полотнища ткани.

– Я все же не понимаю. Руперт был ко мне добр и поступил как ангел, посланный в ответ на мои молитвы.

– Нет, всё не так. Подумай, Элси, подумай же! Как это выглядит? Мужчина, которого все знали как закоренелого холостяка, женится на женщине моложе себя на десять лет и вкладывает деньги в фабрику ее брата. Он переписывает завещание, делая ее единственной своей наследницей. Не проходит и нескольких месяцев, как он внезапно умирает. Человек, казавшийся здоровым, как бык, мертв – и причина его смерти никому не известна.

В груди Элси словно выросли колючие ледяные кристаллы.

– Какие нелепости ты говоришь. Никто не может заподозрить...

– О, все подозревают, уверяю тебя. И об этом идут пересуды. Подумай о спичечной фабрике. Подумай о моем добром имени! Мне одному пришлось выдержать все это, противостоять настоящей буре сплетен.

Элси, споткнувшись, чуть не упала. Так вот почему Джолион настоял на ее отъезде в деревню, вот почему отказался доставить тело Руперта в Лондон: из-за скандала.

Она помнила последний скандал. Полисмены в металлических шлемах, снимающие показания. Слухи, которые вились за ней

шлейфом, подобно мушиному рою, и неприязненные, жадные взгляды. Это может тянуться годами. Нужны годы, чтобы скандал утих.

– Боже мой, Джо. Сколько же времени мне и ребенку придется томиться в этом жутком месте?

Брат поморщился. Впервые она заметила боль в его глазах.

– Черт побери, Элси, да что с тобой такое? Я толкую тебе о пятне на нашем добром имени, на репутации фабрики, а ты ни о чем не можешь думать, кроме возвращения в Лондон. Ты хоть немного тоскуешь без Руперта?

Без Руперта ей было как без воздуха.

– Ты ведь и сам знаешь, что это так.

– Ну, должен признаться, ты неплохо это скрываешь. Он был хорошим человеком, прекрасным даже. Без него мы лишились бы фабрики.

– Я знаю.

Джолион остановился в конце коридора.

– Ты живешь здесь. Надеюсь, обустроившись, ты хотя бы ради приличия предашься скорби.

– Я скорблю по мужу, – резко ответила Элси. – Просто моя скорбь выглядит иначе, чем твоя.

Оттолкнув брата, она распахнула дверь, а войдя, с силой захлопнула ее за собой.

Закрыв глаза, она прислонилась к двери спиной, постояла так и без сил сползла на пол. Джолион всегда так. Не следует принимать его слова близко к сердцу. Младше ее на двенадцать лет, он легко выходил из себя, давал волю чувствам, слезам. Стойкость и терпение были по части Элси. И кто скажет, что это было неправильно – то, что она держала маленького Джолиона в неведении, скрывала, какие страдания выпали на ее долю?

Прошло несколько минут, и Элси полностью овладела собой. Она потеряла лоб, открыла глаза. Перед ней была просторная комната, чистая и светлая, с окнами на двух стенах. Одно окно выходило на деревья в рыжей листве, росшие полукругом вокруг дома. Другое смотрело на восточное крыло, куда поселили Сару. В углу стоял ее багаж. В камине потрескивал огонь, а за ним Элси с радостью обнаружила столик для умывания. Над большим кувшином поднимались струйки пара. Горячая вода.

Она услышала голос Ма – ясно, как живой. Глупая девчонка, и что ты разнюнилась, как маленькая. Давай-ка смоем прочь все дурные мысли.

С трудом поднявшись на ноги, Элси стащила с рук перчатки и начала умываться. Воспаленным глазам сразу стало легче, а полотенце для лица оказалось на удивление мягким – как ни неприветлив этот дом, винить в чем-то экономку у нее не было оснований.

У дальней стены высилась массивная, розового дерева кровать с балдахинном. На ней лежали кремовые постельные принадлежности, расшитые цветами. Позади стоял туалетный столик с занавешенным черной тканью трехстворчатым зеркалом. Элси вздохнула. Первое зеркало, которое она увидела с тех пор, как выехала из Лондона. Что ж, пора оценить ущерб, нанесенный ей падением в грязь.

Она повесила полотенце на крючок, подошла к трельяжу и присела на низкий табурет. Собравшись с духом, отдернула черную материю. Какой глупый предрассудок: закрывать зеркала, чтобы мертвец не попал в ловушку. В зеркалах, разумеется, никого не оказалось, кроме трех светловолосых женщин с карими глазами, каждая в весьма плачевном состоянии. Ее прозрачная вуалетка сбилась и висела на шее, точно попавшая в сеть ворона. Вокруг лба вились мелкие кудряшки, растрепанные ветром, а на правой щеке, несмотря на умывание, остались грязные разводы. Элси снова принялась тереть щеку, пока не отмыла дочиста. Какая удача, что она не предстала перед прислугой в таком виде.

Она медленно подняла ноющие от усталости руки, чтобы снять капор с вуалью, а затем приступила к нелегкому делу – начала вынимать шпильки из волос. Пальцы действовали не так ловко и проворно, как раньше – она все же привыкла к услугам Розы. Но и Розы, и все удобства прежней жизни остались в прошлом, за много миль отсюда.

Шпилька запуталась в волосах, и Элси охнула от боли. Она уронила руки, сверх меры раздосадованная этой мелочью. Как все это случилось? – спросила она у растрепанных женщин, сидящих перед ней. У них не было ответа.

Здесьнее зеркало было холодным и беспощадным. В нем не было той очаровательной, улыбающейся невесты, которая смотрела на Элси из зеркала еще совсем недавно. Невольно в памяти возникла сцена: за

спиной у нее стоит Руперт и ласково водит щеткой по ее волосам. Гордость на его лице, солнечные зайчики на серебряной щетке. Чувство безопасности и полного доверия – такая редкость – при взгляде на его отраженное в зеркале лицо. Она могла бы любить его.

Брак их был заключен по чисто деловым соображениям – союз, призванный обезопасить вложения Руперта в спичечную фабрику, но в тот вечер она увидела в нем мужчину и осознала, что может его полюбить. Увы, им было дано все, кроме одного – времени.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Вам нужна помощь с застежками? – голос Сары.

– Да. Входите, Сара.

Сара сменила дорожный костюм на видавшее виды платье. Черная ткань кое-где полиняла неровными пятнами. Выглядела она не слишком прилично, но, по крайней мере, заплела и уложила свои мышинные волосенки.

– Вы уже выбрали платье? Я могу спросить у служанок, есть ли у них уют...

– Не нужно. Пожалуйста, просто вытащите ночную сорочку.

Раз Джолион желает, чтобы она предавалась скорби, так тому и быть. Она поведет себя в точности так, как вел себя он после смерти Ма. Его это должно устроить. Она будет хныкать, сидя тут, наверху – пусть сам убедится, как раздражает такая никчемность.

Отражение Сары в зеркале заломило руки.

– Но... ужин...

– Я не спущусь. У меня нет аппетита.

– Но... но я не могу ужинать наедине с мистером Ливингстоном! Что скажут люди? Мы с ним едва знакомы!

Элси в раздражении встала и принялась искать сорочку сама. Неужели Сара действительно служила компаньонкой у пожилой леди? Верится с трудом. Вряд ли ей позволяли вот так стоять сложа руки и спорить с хозяйкой.

– Чепуха. Вас с Джолионом должны были представить друг другу на свадьбе.

– Я не была на вашей свадьбе. Миссис Крэббл тогда захворала. Вы не помните?

– О, – Элси ненадолго замолчала, вытащив из чемодана сорочку и приложив к лицу. – Разумеется, нет. Это простительно, вы понимаете.

Тот день... – Она опустила глаза на белоснежную хлопчатобумажную ткань. – Он пролетел, словно в каком-то счастливом тумане.

Знаменитое хонитонское кружево, цветы флердоранжа. Она уже и не мечтала, что станет невестой. Девиде тридцати пяти лет неприлично предаваться подобным фантазиям. А в случае Элси перспектива замужества была совсем маловероятной. Она уже отчаялась встретить человека, которому могла бы доверять, но Руперт – о, он был совсем другим. В воздухе что-то неуловимо менялось от одного его присутствия, чувствовалось какое-то легкое дуновение добра.

– Я понимаю, – отозвалась Сара. – А теперь, прошу, подойдите сюда. Посмотрим, что с платьем.

Элси с большим удовольствием переоделась бы сама, но выбирать не приходилось. Она ни за что не призналась бы кухне Руперта, что у нее есть крючок для расстегивания пуговиц – такими пользовались только женщины предосудительного поведения.

Сара действовала проворно – ее пальцы сначала порхали над плечами Элси, потом все ниже, до пояса, почти не задевая ее, как легкие капли дождя. Шелестя, платье упало ей в руки.

– Какая чудесная материя. Я от души надеюсь, что грязь отойдет, не оставив следов.

– Вас не затруднит отнести его вниз? Надеюсь, здесь найдется служанка, которая без лишней воркотни возьмет его постирать.

Сара кивнула. Она сложила платье и прижала его к груди.

– А... остальное? – Она робко указала глазами на каркас для юбки – клетку из пружинной стали и крючков, крепко державшую Элси. – Вы сумеете справиться?..

– О да, – Элси смущенно положила руки на завязки, державшие кринолин. – У меня не всегда были служанки, вы же знаете.

Сара вдруг надолго замолчала и замерла в неподвижности, так что у Элси побежали мурашки. Глаза кухни Руперта, прикованные к Элси где-то в области талии, расширились, потемнели и странно блеснули.

– Сара?

Сара встрепенулась.

– Да. Очень хорошо. Уже иду.

Элси в недоумении опустила взгляд на свое тело. Почему Сара так на нее уставилась? Ощувив болезненный, как от удара током толчок,

она поняла: руки. Она сняла перчатки, когда умывалась, и обнажила кисти во всем их уродстве. Рабочие, натруженные руки фабричной работницы. Не руки леди.

Но прежде чем Элси смогла что-то сказать в свою защиту, Сара отворила дверь и вышла.

Больница св. Иосифа

Это обнаружилось на следующее утро. Не успев оторвать голову от подушки и протереть сонные глаза, она сразу увидела это. Недоброе. Уродливое.

Она выбралась из постели, зашлепала босыми ногами по холодному полу. Это висело перед ней. Она прищурила глаза. Смотреть было больно, слишком ярко, но она не решалась отвести взгляд. Желтое. Коричневое. Закрученные линии и пятна.

Это появилось без ее ведома. Вдруг, если отвернуться, оно передвинется? Оно не издавало звуков, а казалось, что пронзительно кричит, так что у нее лопалась голова.

Она не могла вернуться в постель, нужно было следить за ним и удерживать на месте. В высоких окнах появился дневной свет, мощный и белый, как больничные стены. Его лучи ползли по полу, мимо нее. Наконец, щелкнула дверь.

– Миссис Бейнбридж.

Это был доктор Шеферд.

Не оборачиваясь, она подняла трясущуюся руку и вытянула указательный палец.

– Ах вот что. Вы увидели картину, – движение воздуха: это врач подошел и встал у нее за плечом. – Надеюсь, она вам понравится.

Молчание затягивалось.

– Она оживляет это место, не так ли? Я подумал, что, раз уж вам не позволено выходить с другими пациентами в комнату отдыха и прогулочный двор, то немного ярких красок могут скрасить положение, – доктор перенес вес тела на другую ногу. – Наша лечебница развивается именно в этом направлении. Мы больше не томим пациентов в унылых камерах. Теперь здесь – пристань

страждущих, где их ждет исцеление. Здесь все должно быть радостным, бодрить.

Сейчас она разглядела, что пытался изобразить художник: сценку в детской. Освещенная солнцем комната и мать, склонившаяся над колыбелью. Платье на ней желтое, словно одуванчик, волосы отливают золотом. На столике в вазе букет белых роз.

– Картина... Она вас расстроила, миссис Бейнбридж?

Она кивнула.

– А почему, хотелось бы знать? – поскрипывая туфлями, он достал ее грифельную дощечку. Хотя записывать свою историю ей, безусловно, было удобнее карандашом, доска и мел облегчали общение. Доктор Шеферд сунул то и другое ей в руки. – Поведайте мне.

Снова. Он долбил ее, будто долотом откалывал кусок за куском. Видимо, таков его план, догадалась она. Расколупывать ее по дюйму – еще одно признание, еще одно воспоминание, пока она не иссякнет.

Они уже приходили по ночам: сны, которые на самом деле были вспышками воспоминаний. Образы, полные крови, дерева и огня. Она не хотела их видеть. До какой степени ей еще нужно углубиться в это отвратительное прошлое, чтобы он счел ее неуравновешенной и оставил, наконец, в покое?

– Вам не нравится колорит? Эти краски не поднимают вам настроение, не напоминают о лучших, более счастливых временах?

Она затрясла головой. *Счастливые времена*. Он полагает, что в ее прошлом было такое.

– Мне жаль, что я причинил вам беспокойство. Поверьте, я только хотел порадовать вас, – доктор вздохнул. – Вы не могли бы сесть? Как только мы закончим, я распоряжусь, чтобы картину убрали.

Не отрывая взгляд от пола, она забралась на кровать и села, вцепившись в доску и мел так, словно это было оружие. Словно они могли ее защитить.

– Не принимайте близко к сердцу эту маленькую неудачу, – продолжал он. – Я доволен вашим прогрессом. Я прочел то, что вы написали. Вижу, вы последовали моему совету описывать события так, как будто они происходили с кем-то другим.

Она не могла поднять на него глаз – слишком ее пугала картина, висящая на стене. Эти мазки кисти, эта рама. Доктор выдавил из себя

неловкий смешок.

– Память причудлива. Удивительно, какие детали вам удалось припомнить. Эта корова...! Разве не забавно?

Она поднесла мел к доске, все еще неловко. *Корова – не забавно.*

Доктор опустил голову.

– Я не имел в виду... простите меня. Я не должен был смеяться.

Да.

Но в действительности она завидовала тому, что он смеялся. Завидовала самому факту, что он еще *способен* смеяться.

Веселье, разговоры, музыка – все это казалось ей древними реликвиями, отголосками того, что умели ее дальние предки, но что не имело никакого отношения к ней.

Она уставилась на доску.

– Вы так пристально смотрите на доску. Что вас тревожит?

Когда она писала ответ, пальцы сильно дрожали. *Дерево.*

– Дерево. Вам не нравится дерево?

Слово вызвало в памяти другие звуки: визг пилы, шум захлопнувшейся двери.

– Интересно. Чрезвычайно интересно. Разумеется, после пожара и вашей травмы... Может, причина в этом?

Она молча взглянула на него из-под полуопущенных ресниц.

– Вероятно, именно поэтому вы испытываете неприязнь к дереву. Потому что оно напоминает вам о пламени. Потому что оно горит.

Пламя?

Он был слишком проворным. Он жил в три раза быстрее, чем она в своем сонном от лекарств, словно подводном мире. Уж не из-за ее ли рук, покрытых шрамами, ей никогда не давали взглянуть на себя в зеркало? Уж не пострадала ли она от пожара?

– Хотя, конечно же, причины могут быть и другими. Я внимательно штудирую вашу историю болезни, – впервые она обратила внимание на бумаги, которые доктор носил под мышкой. Он выложил их на стол: это ее прошлое было там разложено, бесстыдно, словно труп на столе прозектора. – Я узнал, что вы росли на спичечной фабрике, принадлежавшей вашему отцу, что после его кончины ею управлял опекун, до достижения совершеннолетия вами и вашим братом. Думается мне, что вы повидали немало древесины и огня там, на фабрике.

Как, и это тоже? Ничего сокровенного – он готов разворошить всё.

В ее сердце проникло сомнение, и доктор, должно быть, это заметил, потому что сказал:

– Я уверен, что вы понимаете: мною, моими исследованиями движет не праздное любопытство. Это не только желание вас вылечить – хотя я очень надеюсь, что сумею сделать и это тоже. Руководством больницы и полицией мне поручено составить рапорт. – Доктор взял со стола два листа бумаги и подошел ближе. – Когда вы только поступили сюда, ни у кого и мысли не было подвергать вас допросу. Слишком тяжелыми были ваши ранения.

Он показал ей первый листок: вырезка из газеты с иллюстрацией. Зернистое изображение какой-то фигуры, замотанной в бинты, с темными пятнами там, где, очевидно, кровь просочилась сквозь ткань.

– Однако теперь вы оправились – не душевно, но по крайней мере физически – и появилась надежда установить причину пожара, ведь это очень важно.

Не хочет же он сказать... Эта мумия на газетной вырезке – не может же быть, что это *она*? Ее охватил панический ужас. На газете стояла дата – больше года назад. Вот сколько времени прошло, а она почти ничего не может вспомнить – разве что только корову, да размалеванные лица деревянных фигур.

Доктор присел на кровать рядом с ней. Она отшатнулась. Тепло его тела, его запах – все это было слишком реальным.

– Были обнаружены останки четырех человек. Двое уже опознаны, их смерти зарегистрированы. Наша задача определить, кто другие двое. – Пальцем он поправил очки на переносице. – По всей вероятности, будет проведено дознание. Учитывая ваше теперешнее состояние, меня, возможно, будут просить стать посредником и выступать от вашего имени. Теперь вы понимаете, почему я так настойчиво пытаюсь получить от вас какие-нибудь сведения. Докопаться до истины. Я хочу помочь.

Он повторял это на разные лады. Только от повторения эти речи звучали еще более фальшиво. Судя по всему, на самом деле, расследуя ее дело, он хотел продвинуться по службе.

Но, верит она ему или не верит, Шеферд прав в одном: она должна выступить с заявлением. Как это ни мучительно, необходимо

поторопиться и вспомнить всё, что было, а не то как бы не окончить свои дни, болтаясь в петле.

Нет, виселица ее не пугала. Видит Бог, ее здесь слишком мало что держит, ей незачем жить. Но что-то (инстинкт, подумала она, таящийся где-то в глубинах ее существа) боролось за жизнь с яростью дикого зверя. Она не хотела умирать – только спать, быть в безопасности, здесь. В надежном коконе из белых стен и лекарств.

Золотистые искры мелькнули перед глазами. Его очки – он низко наклонился, заглянул ей в лицо.

– Возможно, вы еще не вспомнили всего, но я уверен, мы справимся с этим вместе – разбудим дремлющую часть вашего сознания.

Она отодвинулась от него, кровать закрипела. Прижимая мел к доске, она начала писать, боязливо косясь в его сторону. Скрип, скрип. Вот какой теперь у нее голос: резкие, пронзительные нечленораздельные звуки.

Где был пожар?

Брови доктора Шеферда поползли вверх.

– Вы не помните пожар? Свои ранения?

В мозгу роились смутные образы. Она вспомнила, как боль тысячами насекомых впиалась ей в спину. Отрывочные воспоминания: какие-то медсестры, сиделки, запахи лекарств. Все это было слишком давно – чтобы добраться и увидеть все четко, ей придется разматывать множество слоев, один за другим.

Положив руку ей на плечо, доктор Шеферд вынул мел из ее пальцев. На миг ей показалось, что он хочет взять ее за руку. Но тут же стало ясно, что дело не в этом: он показывал ей блестящую, пятнистую кожу на ее же запястье. Бережно он засучил длинный рукав ее ночной сорочки. Вокруг локтя кожа была изрыта розовыми пятнами, бесформенными, сморщенными, как старый засохший плод. Шрамы от ожогов были страшно глубоки, им никогда не разгладиться. Да, теперь она поняла. Это ожоги. Почему до сих пор это не приходило ей в голову?

– А вот, – он протянул к ней руку, – фотография, сделанная несколько недель назад. Узнаете?

Она вспомнила вспышку и дым, которые каждую ночь взрывались у нее в голове. Но, когда доктор положил снимок ей на колени, она

увидела перед собой чужое, незнакомое лицо. Женщина – во всяком случае, полосатое платье и платок, повязанный на шее, позволяли предположить, что это женщина. Но волосы ее неровно острижены и пучками торчат на испещренном пятнами черепе. Щеки обтянуты бугристой, потемневшей кожей. Один глаз провалился и ушел под нижнее веко.

Внизу она прочла свое имя.

Элизабет Бейнбридж. Задержана по подозрению в поджоге.

Бридж, 1865

Элси вздрогнула от стука в дверь и ошеломленно огляделась. Пасмурная серость дня незаметно сгустилась в угольно-черный осенний вечер. В камине догорал огонь. На туалетном столике мерцала единственная свеча, окутанная погребальным саваном из наплывов воска. Постепенно пришло осознание: она застряла в глуши – а Руперт мертв.

Стук повторился. Схватив кружевные перчатки, Элси поспешно их натянула.

– Войдите, – хрипло крикнула она. В пересохшем рту был омерзительный привкус. Сколько же она спала?

Дверь со скрипом открылась. Звякая фаянсом о металл, в проеме появилась невысокая молодая женщина лет восемнадцати, с подносом. Она переступила порог и вошла.

– Мэм, – она поставила поднос на туалетный столик, повернула рычажок на газовой лампе и зажгла ее, поднеся свечу.

Элси хотелось протереть глаза. Наверное, ей просто мерещится – или это и в самом деле ее горничная? Перепачканная, будто только что от плиты, на грубом переднике полоски сажи. Лицо не назвать совсем уж неинтересным – у девушки были длинные ресницы, а пухлые розовые губы даже могли бы показаться милыми, не будь они дерзко искривлены. Чепца на ней не было. Темные волосы были разделены на строгий прямой пробор и скручены на затылке узлом.

И подобные существа считаются в этих краях горничными? Догадайся Элси об этом раньше, она могла бы не переживать из-за собственной наружности.

– Мэм, – повторила девушка и, спохватившись, запоздало присела в реверансе. Поднос задрезжал. – Мистер Ливингстон сказал, что вы, наверное, проголодались.

– Ах, – Элси было сложно с этим согласиться: сочетание запахов, идущих от подноса, казалось ей в равной мере аппетитным и тошнотворным. – Да. Очень любезно с его стороны. Оставь поднос.

Она откинулась на подушку.

Девушка подошла ближе. Ничего похожего на изящную походку вышколенной лондонской прислуги. От ее тяжелых шагов молочник подскакивал, а из тарелки выплеснулся суп. С размаху опустив поднос Элси на колени, она отошла и присела в очередном реверансе.

Элси не знала, смеяться ей или чувствовать себя оскорбленной. Девушка была совершенно неотесанной.

– И как тебя?...

– Мейбл Казинс. Я горничная, – говорила она тоже странно: что-то среднее между скороговоркой кокни и тягучим деревенским говором. – Мэм.

Элси догадалась, что Мейбл, вероятно, не слишком часто позволяют подниматься на второй этаж. Видно, им так не хватает работниц, что к ней отправили первую попавшуюся. По тому, как девушка пожирала глазами ворох платьев Элси на полу и кружевной воротничок ее ночной сорочки, можно было решить, что она в жизни не видала такой роскоши.

– Ты прибираешь в доме? Или помогаешь на кухне?

Мейбл пожала плечами.

– Просто горничная. Я да Хелен. А других-то нет.

– Что ж, понятно, следовательно, вы с ней – прислуга за всё, выполняете всю работу.

– Как вам будет угодно. Мэм.

Элси поправила на коленях поднос. Над желтовато-коричневой, с вкраплениями травок поверхностью супа поднимался пар. Рядом примостилось блюдо с жареным мясом и комковатой субстанцией кремового цвета, по виду похожей на фрикасе из курицы. Элси была голодна, но при мысли о еде желудок чуть не вывернулся наизнанку. Поморщившись, она все же взяла ложку и зачерпнула капельку супа.

С удивлением она заметила, что Мейбл до сих пор стоит с ней рядом. Бога ради, что она здесь делает?

– Ты можешь идти, Мейбл. Мне больше ничего не требуется.

– Ой, – она наконец-то изволила покраснеть. Вытерла ладони о замызганный передник, сделала очередной неуклюжий реверанс. – Извините, мэм. В Бридже уже лет сорок с гаком не было хозяйки. Мы непривычные.

Элси опустила ложку, и суп вылился обратно в тарелку.

– В самом деле? Так долго? Странно, очень странно. Хотела бы я знать, почему так получилось?

– Здесь было много слуг, да они все померли, я думаю. В старину. Господам не нравилось здесь жить. Я слыхала разговоры в деревне – что-то насчет скелета, который здесь выкопали при короле Георге. Скелет в парке! Представить только!

Парк и сам выглядел таким безжизненным, что это известие даже не слишком удивило Элси.

– Неужели! Ты, полагаю, росла здесь, в деревне, в Фейфорде?

Скрипучий смех заставил ее подскочить. Служанка откинула назад голову и хохотала, как вульгарная женщина в музыкальном театре.

Это недопустимо – это совершенно недопустимо.

– Чем я тебя насмешила, Мейбл? – сухо спросила она.

– Господь с вами, мэм, – уголком передника Мейбл промокнула глаза. – Никто из деревенских здесь не работает.

– С чего бы это?

– Боятся они этого места. До смерти боятся.

Что-то сдавило ей горло. Предубеждение? Дурное предчувствие? Как бы то ни было, нельзя, чтобы Мейбл заметила ее состояние.

– Что ж, должна сказать, что это очень глупо. Ведь это был всего-навсего скелет. Бояться нечего, не так ли? – Мейбл пожала плечами. – Ступай, Мейбл.

– Слушаюсь, мэм, – она развернулась без реверанса, прикрутила лампу и вышла, не потрудившись затворить за собой дверь.

– Мейбл! – окликнула Элси. – Вы по ошибке оставили меня без света, я не вижу...

Но – Элси слышала – Мейбл уже тяжело топала вниз по лестнице.

Никто не явился, чтобы закрыть дверь или унести еду. Потеряв надежду, Элси поставила на пол поднос с нетронутым ужином и вновь упала на подушки.

Когда она проснулась, было темно, как под траурной вуалью. Огонь догорел, в комнату прокрался холод. Запах проклятого супа до сих пор витал в воздухе, заставляя желудок болезненно сжиматься. Как горничная могла вот так бросить его здесь гнить и киснуть? Утром непременно нужно поговорить с экономкой.

Тогда-то она и услышала этот звук: тихий скрежет, точно пила вгрызается в дерево. Элси замерла.

Правда ли она что-то слышала? В темноте чувства могут быть обманчивыми. Но звук повторился. *Ш-ш-ш.*

Этой ночью она не хочет больше ломать себе голову над проблемами. Конечно же, если укрыться с головой, то шум прекратится. *Ш-ш-ш, ш-ш-ш.* Ритмичный, невыносимый звук. *Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш.* Что же, *что* это такое?

Наконец глаза различили неясный сероватый свет. Элси сползла с кровати медленно, на коленях, двинулась в ту сторону и в конце концов уткнулась рукой в твердую гладкую поверхность. Дверь. С трудом поднявшись на ноги, она нащупала ручку и, потянув на себя дверь, распахнула ее.

В коридоре было светлее. Она прошла несколько шагов, утопая босыми ногами в пыльном ковре. От каждого шага в воздух поднимались облачка.

Ничто не указывало на источник странного звука. Кругом стояла тишина. Сквозь стеклянный купол в коридор проникали серебристые лунные лучи, и мраморные бюсты поблескивали под ними.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш. Элси пошла на звук. Необходимо его остановить – она ни за что не уснет под такой аккомпанемент. *Ш-ш-ш, ш-ш-ш.* Звуки становились быстрее, неистовее. Невольно шагая им в такт, она миновала галерею и свернула к лестнице. Теперь она была уверена, что шум раздавался сверху.

Лестница привела ее на тесную площадку с выбеленными стенами. Верхний, мансардный этаж здания, по традиции отведенный прислуге. Элси шла на звук, по коридору, под стеклянным куполом, пока на смену путеводному лунному свету не пришел полумрак. Мягкий ковер под ногами уступил место холодным плиткам. Элси

зябко дрожала, жалея, что не набросила на плечи покрывало или плед. В хлопчатой с кружевом сорочке она чувствовала себя маленькой и слабой.

Она остановилась, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. На стене над головой виднелся бледный желтый круг.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш. Звук слышался ближе. Элси шагнула было вперед – и тут же отдернула ногу, которой что-то коснулось.

– Черт побери! – вскрикнула она и, покачнувшись, чуть не потеряла равновесие. – Черт, черт.

По плитке зацокали чьи-то коготки. Она не осмелилась посмотреть, кому они принадлежат. Скребущий звук пилы теперь слышался отовсюду, будто глас Божий. А снизу раздавались другие, ритмичные звуки. Чьи-то шаги.

В темноте навстречу ей плыл желтый шар.

Элси судорожно обхватила себя руками, не представляя, что ее ждет.

Шар приближался. За ним замаячила женская фигура, от нее по плиткам протянулась тень. Женщина увидела Элси, ахнула – и они снова погрузились во мрак.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш. И опять что-то теплое и мягкое коснулось ее икры. На сей раз Элси не выдержала и закричала.

– Миссис Бейнбридж? – последовал звук, походивший на треск рвущейся ткани. Затем чиркнула спичка. Из темноты показалось лицо в мерцающем ореоле. Женщина, пожилая, вся в морщинах. – Боже правый! Это вы, миссис Бейнбридж, на ногах, в такой час? Ох, и напугали же вы меня. Я даже свечу задула.

Элси хватала воздух ртом, пытаясь обрести твердую почву под ногами.

– Я поднялась... Этот звук... – не успела она закончить, как снова раздалось это кошмарное *ш-ш-ш, ш-ш-ш.*

Женщина кивнула. Ее светлые, подернутые влагой глаза в пламени свечи казались желтыми, будто радужные оболочки плавали в меду.

– Пойдемте со мной, мадам. Я покажу вам, в чем дело.

Она повернулась и стала удаляться, унося мерцание свечи с собой. Теперь, после мига просветления, тьма казалась еще более

пугающей. Изнуренной Элси почудилось, что она слышит звук еще чьих-то шагов, крадущихся за ней.

– Я здешняя экономка, миссис Бейнбридж. А зовут меня Эдна Холт. Хотелось бы познакомиться с вами при более традиционных обстоятельствах, но тут уж ничего не попишешь, – у экономки был приятный мягкий голос, говорила она почтительно, не растягивая так ужасно слова, как Мейбл. Элси шла на звук голоса, тонкой ниточкой соединявший ее с миром реальности, уводящий от жуткой фантазмагии, созданной ее воображением. – Я надеюсь, вам стало немного лучше, мадам? Я слышала, вам нездоровилось.

– Да. Да, мне нужен был только сон. Но потом, – скребущий звук заглушил ее слова. Он шипел и скрежетал, а миссис Холт между тем, дойдя до конца коридора, остановилась перед деревянной лестницей.

Что это может быть? Циркулярная пила на фабрике издавала отдаленно напоминающий звук, но звучал он более отрывисто, дробно. Этот же был протяженным, тягучим. Словно что-то медленно, медленно рвали.

Что-то вновь скользнуло у нее по ногам, слегка щекотнув. Элси чуть не вскрикнула. Маленькая темная тень метнулась вперед, к лестнице.

– Миссис Холт! Вы видите это? – рядом с дверью у подножия лестницы материализовались две светящиеся зеленым точки. У Элси перехватило дыхание. – Господи помилуй!

– Я знаю, – ласково промолвила миссис Холт. Но на Элси она не смотрела – ее взгляд был прикован к двери. – Я знаю, Джаспер. Утомись и ступай вниз.

Будто пелена упала с глаз – Элси увидела, как небольшой черный кот вприпрыжку спускается по лестнице, не отставая от миссис Холт. *Кот*. Никогда еще она не чувствовала себя так глупо.

– Я полагаю, это крысы возятся, мадам. Или, может быть, белки. Какие-то грызуны с острыми зубками. Они сводят с ума бедняжку Джаспера.

Утробно мурлыкая, кот обежал вокруг женщин, словно беря их под свою защиту. Боками и хвостом он задевал их юбки.

– Нужно, – Элси снова обрела голос, – послать туда кого-то посмотреть. Причину шума необходимо устранить.

– Ах, мадам, не так-то все просто, – свободной рукой миссис Холт вытянула висящую на поясе связку ключей и поднесла к глазам. – Мансарда была заперта много лет назад, еще до меня. Ни один из этих ключей к замку не подходит.

– Вы хотите сказать, что туда невозможно проникнуть? – Экономка кивнула. – Значит, нужно взломать дверь топором. Я не могу смириться с тем, чтобы эти твари беспрепятственно там резвились. Подумайте, что они могут натворить – подгрызть балки, на которых держится здание! И тогда, в одночасье, дом может обрушиться.

От ее дыхания пламя свечи заплясало. Ей не было видно выражение лица миссис Холт.

– Не расстраивайтесь, мадам. Они не причинят больших разрушений. Я стала слышать их только в последние несколько недель. Только с тех пор, вообще-то, как приехал хозяин.

Они обе замолчали. Элси внезапно вспомнила о теле, лежащем тремя этажами ниже – возможно, точно под ней, под ее ногами на холодных плитках. Она обняла себя за плечи.

– А что сказал мистер Бейнбридж по этому поводу?

– То же, что и вы, мадам. Он собирался написать в Торбери Сент-Джуд, чтобы прислали человека... Не знаю, написал ли.

Ненаписанные письма, несказанные слова. Руперт словно покинул бал в середине танца. Ей до боли недоставало его. Ах, если бы он вернулся – каким простым сразу стало бы все, он снял бы с ее плеч непосильную ношу.

– Хорошо, миссис Холт, утром я зайду в библиотеку и постараюсь в этом разобраться. Если ничего не обнаружу, напишу письмо сама.

Экономка молчала. Когда же заговорила, голос ее звучал бесконечно мягко – она будто ласкала Элси словами.

– Прекрасно, мадам. А теперь я провожу вас со свечой до самой постели. Завтра нас ожидает долгий и утомительный день, Бог свидетель.

Элси на мгновение задумалась, что имеет в виду миссис Холт. Но тут же пришло понимание: здесь ждали только ее приезда. Завтра похороны Руперта.

У нее подкосились колени. Твердой рукой миссис Холт проворно подхватила ее под локоть.

– Держитесь, мадам.

Элси внезапно увидела себя со стороны – в ночной сорочке, мокрой от пролитого супа и соуса, язычок кота, вылизывающего ей ноги. Отталкивающая картина.

Она вспомнила о беспорядке, который устроила у себя в спальне, потом о неприятном разговоре с Джолионом. Веки отяжелели и опускались против воли.

– Думаю, вы правы, миссис Холт. Лучше мне вернуться к себе и лечь.

* * *

Небо было холодным, пронзительно-синим, без единого облака. Резкий ветер без устали ворошил кроны деревьев. По дорожкам рассыпалось конфетти из зеленых, желтых и бурых листьев, хрустящих под колесами с трудом продвигавшегося по ним экипажа. Элси была поражена тем, как далеко ей все видно, даже сквозь траурную вуаль. В воздухе не летали хлопья сажи, как в Лондоне. Ни смог, ни угольно-черный дым не приглушали света. Это ее бодрило.

– О да, самый подходящий день для Руперта, – вздохнула Сара. – Хлопотливый и ясный, как и он сам.

Длинное, лошадиное ее лицо выглядело еще хуже прежнего. После бессонной ночной вахты у тела Руперта она побледнела, под глазами появились мешки.

Элси пожалела, что сама не осталась у гроба. В Большом холле, на самом нижнем уровне дома, царапающий звук ее не потревожил бы – ведь Сара не упоминала, что слышала его. Да и Руперт заслуживал подобного прощального бдения. Она не от равнодушия пренебрегла своим долгом. Но, вынашивая под сердцем младенца, она вынуждена, проявляя разумный эгоизм, больше заботиться о своем комфорте.

Элси прильнула к окну. При солнечном свете местность выглядела лучше. Она заметила лиственницу и вяз среди орешника, скачущую по дорожке белку. Зверек замешкался, поднявшись на задние лапки, проводил взглядом похоронную процессию и взмыл на ближайшее дерево.

Первым прибыл торговец пером, держа над головой поднос с черными плюмажами. За ним появился распорядитель с жезлом.

Траурная лента ниспадала с его шляпы ниже пояса.

– Ты все устроил для него наилучшим образом, – Элси сжала руку Джолиона, пытаясь растопить возникший между ними лед. – Я так благодарна.

– Он заслуживал большего.

Гроб на похоронных дрогах блестел в солнечных лучах. Бедный Руперт, он заперт навсегда в этом безотрадном месте. Отойти в вечность рядом с этой унылой церквушкой с наполовину сломанным шпилем. Выходя замуж, Элси не сомневалась, что вечность им с Рупертом предстоит провести вместе, погребенным бок о бок. Возможно, теперь этот план придется пересмотреть.

Когда процессия остановилась, Элси испытала облегчение, увидев, что ни один из жителей деревни не рискнул приблизиться к окну, хотя ее это и удивило. У нее дома похороны были зрелищем. Здесь, видимо, они казались событием вполне заурядным.

Джолион подхватил трость.

– Пора.

Взмахнув полами черной накидки, он спустился по лесенке и подал руку сначала Элси, а потом и Саре.

Ступив на землю, Элси пошатнулась, чувствуя себя неуверенно и зыбко, как ветка на ветру. Она не знала, как ей вести себя.

Ма заходила в рыданиях, когда умер Па. Вспоминая ее безумные вопли и всхлипы, Элси почувствовала себя никудышной женой. Она не могла плакать. Она проводила свои дни, стараясь подальше отодвинуть от себя известие о смерти Руперта, как оттолкнула бы кинжал от горла. Подсознательно она чувствовала, что, если позволит ему вонзиться, то не выдержит острой боли осознания. Все это время она не ощущала ничего, кроме оцепенения и тошноты.

Окаянная Сара принялась всхлипывать сразу, как только оперлась рукой на подставленный локоть Джолиона. Вид ее слез вызывал у Элси необъяснимый гнев.

– Мистер Ливингстон, миссис Бейнбридж, мисс Бейнбридж. Мои искренние соболезнования.

Элси сделала реверанс, здороваясь с викарием. Сквозь сетку вуали она разглядела молодого человека с грязными светлыми волосами. Длинный нос и крупный подбородок позволяли предположить в нем

человека из приличной семьи, хотя его воротничок был уже не первой свежести.

– Прежде я имел удовольствие встречаться только с мистером Ливингстоном. Позвольте представиться: Андервуд. Ричард Андервуд, – он говорил учтиво, четко выговаривая каждый звук. Что общего у такого человека с убогим Фейфордом? Разве благодаря связям он не мог подыскать для себя чего-то получше? Когда он положил руки на молитвенник, а затем прижал его к груди, Элси заметила на рукавах сутаны дыры. – Теперь, леди, я должен спросить, по силам ли вам участие в службе? Нет ничего предосудительного в том, чтобы побыть в доме.

Сара тут же с новой силой залилась слезами.

– Ну, ну, мисс Бейнбридж, – сказал Джолион. – Вы можете... вы будете... словом, прислушайтесь к совету мистера Андервуда. Не лучше ли вам остаться в коляске? – он беспомощно оглянулся на Элси в поисках поддержки. Она с трудом удержалась от улыбки. Ведь только вчера, кажется, упрекал сестру в недостатке чувствительности, а что же теперь?

Мистер Андервуд подошел ближе.

– Дражайшая мисс Бейнбридж, ободритесь. Обопритесь на мою руку.

Он отгеснил Сару от Джолиона с такой деликатностью, что Элси лишней раз убедилась: перед ней действительно джентльмен. Медленно он повлек Сару куда-то в сторону.

– Вы можете посидеть в доме викария, пока не соберетесь с силами. Моя служанка приготовит для вас чай. Соли? У вас есть при себе нюхательные соли?

Сара что-то, задыхаясь, ответила, но Элси не разобрала слов.

– Очень хорошо. Сюда, пожалуйста, – его домом оказалась одна из непривлекательных лачуг, жавшихся к краю кладбища. Едва ли такое жилище приличествовало священнику. Элси почти забеспокоилась о том, выдержит ли Сара в такой убогой обстановке до конца службы – казалось, в таком месте ничего не стоит подцепить какую-то заразу. – Этель, сходи за стулом. Будь добра, позаботься об этой леди. Приготовь ей сладкий чай.

В дверном проеме появилась костлявая карга с беззубым ртом.

– Но это же последний...

– Я все знаю, Этель, – резко оборвал викарий. – Делай, как я сказал.

Ворча, старуха пропустила Сару в дом и закрыла дверь.

Мистер Андервуд с невозмутимым видом вернулся к ним.

– Вы очень добры, сэр. Благодарю, – сказал Джолион.

– Не стоит благодарности. Миссис Бейнбридж, а вы в себе уверены?

– За ее нервы я готов ручаться собственной жизнью, – ответил за нее Джолион.

Андервуд взглянул на нее с интересом. Глаза у него были большие и широко раскрытые, но со странно нависшими веками: казалось, викарий не смотрел, а пронзительно вглядывался.

– Отлично. Тогда, миссис Бейнбридж, я попросил бы вас пройти к входу в церковь и встретить гроб. Его внесут первым, следом войдут скорбящие.

Элси кивнула. Это было единственное, на что она сейчас была способна.

Носильщики подняли гроб на плечи и двинулись вперед. Под черный бархатный покров пробрался ветер, и материя хлопала в такт шагам. Герб Бейнбриджей появлялся урывками: вспышки голубого, золота, опять голубое, золото, потом секира.

Элси уцепилась за рукав Джолиона.

– Я должна присесть.

Вдоль дорожки к двери церкви выстроились выщербленные надгробные плиты с топорными надписями на них. Сразу на трех надгробиях кряду значилось имя *Джон Смит*, причем даты на них отстояли одна от другой не больше чем на два года. Дальше, за розовым кустом, стояли два камня с надписью *Джейн Прайс, 1859* на обоих.

Элси шла, не поднимая глаз. Она не хотела видеть, как люди выходят из своих экипажей, не хотела встретить их сочувственные, изучающие взгляды. Всего несколько месяцев назад она шла в другой процессии, нарядная, в шелке и кружевах, с веточкой мирта, сопровождаемая перезвоном свадебных колоколов. Она смотрела на свое белое платье и думала о том, что старая дева мисс Ливингстон ушла навек – а здесь стоит миссис Бейнбридж, вновь сотворенная, новорожденная.

Прах к праху, пепел к пеплу. Как быстро повернулось колесо фортуны. Женщина, идущая в церковь за гробом – кто она теперь? Ливингстон, Бейнбридж? Возможно, ни та, ни другая. Возможно, это особа, с которой Элси не хотела бы зняться.

* * *

– Чудесная была служба, – толстый джентльмен взял ее руку и прижал к своим усам. Они отдавали табаком.

– Да. Действительно – чудесная, – повторила она в тысячный раз. – Благодарю, что приехали. Прошу вас, возьмите памятную карточку, – высвободив перчатку из его потной ладони, она вложила туда карточку с черной окантовкой. Затем повернулась к следующему гостю.

Как нелепо они выглядят: эти господа из Сити с безукоризненным крепом на шляпах, уверенными голосами, сигарами, сгрудившиеся вместе на обветшалом, полуразрушенном кладбище. *Что* они подумают о родовом гнезде семейства Руперта и его фабричной супруге?

Солнце побледнело, став светло-желтым, а она все еще прохаживалась рядом с вереницей незнакомцев, благодаря их. Раздавала жизнь Руперта, сжатую до сухого перечня фактов на строгой однотонной карточке.

На добрую память
о Руперте Джонатане Бейнбридже,
ушедшем из жизни 3 октября 1865 года
на сорок пятом году жизни,
погребенном в фамильной усыпальнице
при церкви Всех Святых, Фейфорд
MEMENTO MORI

Джолион добросовестно играл свою роль, переходя от группы к группе, принимая соболезнования. Это именно *к нему* они приехали – лишь немногие были знакомы и с ней. Заметит ли хоть кто-то из них, вздумай она потихоньку покинуть это собрание? Может, и правда ей

лучше уйти отсюда и поискать свою старую подругу, ту тощую коровенку. Это несчастное создание, по крайней мере, проявило к ней хоть какой-то интерес.

Элси немного постояла, устремив рассеянный взгляд вдаль сквозь сеточку вуали. На деревьях перекликались птицы, названий которых она даже не знала. Жирные, назойливые, они походили на лондонских голубей, разве что цвета другого, светло-коричневые. И другие – наглые черные падальщики. Грачи? Галки? Вороны? Она никогда их, в сущности, не различала. Одну она все-таки узнала – сорока что-то прострекотала у входа на кладбище. Кобальтовая полоска на ее хвосте словно показывала направление – на самую бедную могилу: покосившуюся, замшелую и поросшую чертополохом.

– Вас заинтересовали надгробья, – голос прозвучал неожиданно, заставив ее вздрогнуть. Обернувшись, она обнаружила у себя за спиной незаметно подошедшего мистера Андервуда. Сложенные руки он прятал под стихарем – то ли замерз, то ли прятал дыры на рукавах.

– Да, меня они удивили. Поразительно много одинаковых имен, как мне показалось.

Викарий вздохнул.

– О да. И что бы я ни толковал своим прихожанам, все остается по-прежнему. Люди... Да что там. Я не стану ничего приукрашивать для вас, миссис Бейнбридж. Вы и сами видите, в каком состоянии деревня. У людей не осталось надежды. Они не надеются даже, что их младенцы выживут, вот и дают им одни и те же имена повторно. Вон там, – он протянул руку и указал в ту сторону, где Элси раньше видела могилки двух Джейн Прайс. – Эти две девчушки жили в одно время. Старшая хворала, а младшенькая родилась слабенькой. Умерли они одна за другой с разницей в месяц.

– Какой ужас. Бедные малютки! Но родители, по крайней мере, почтили их память, установив надгробья.

– Слабое утешение.

– Вы полагаете? А вы когда-нибудь бывали в Лондоне, мистер Андервуд?

Он нахмурил лоб.

– Случалось. До того, как я принял сан.

– Тогда вы, наверное, видели и кладбища? Шахты двадцать футов глубиной, один гроб поверх другого, до самой поверхности. Жуткие

места. Я слышала, что там могут потревожить тело, даже расчленив его, чтобы освободить место для свежих трупов. Поэтому я сказала бы, что это благодать – лежать на собственном участке земли и под плитой с именем, пусть даже заимствованным. Родители способны на куда худшие вещи.

Викарий смотрел на нее внимательно, заново оценивая.

– Несомненно.

Элси сочла, что прилично будет сменить тему.

– Горничная рассказала мне, что прямо в моем доме обнаружили чей-то скелет, много лет назад. Не знаете ли вы случайно, мистер Андервуд, был ли он похоронен здесь же, на погосте?

– О каком скелете вы говорите?

Она недоуменно мигнула.

– Я вас не понимаю.

– Их было... несколько, – признался викарий. – Но это ведь очень старый дом, миссис Бейнбридж. У вас нет причин для опасений.

Теперь слова Мейбл обрели более определенный смысл. Глупо было бы со стороны прислуги уносить из дома ноги из-за одного-единственного скелета. Но можно было понять поведение девушек, если их отпугнули многочисленные находки: кому же захочется, выполняя свои обязанности по дому, наткнуться на горку костей.

– Я не опасаясь, просто... удивлена. Мой покойный супруг почти ничего не знал об истории собственного имения.

– Как странно. Во время и после Гражданской войны^[2] имение пустовало. Позже, в Реставрацию^[3], семья начала возвращаться. Ненадолго, однако. В семействе Бейнбриджей было печальное обыкновение терять наследников, и дом часто переходил вторым сыновьям, а те так никогда и не являлись сюда, чтобы заявить свои права.

– До чего все это безысходно.

– Дела их не пускали, как я полагаю. – Он снова сложил руки. – В архивах Торбери Сент-Джуд об этом имеется много записей. Я был бы рад предоставить вам некоторые из них, если вас это интересует.

Судя по его рассказу, история имения походила на низкопробный бульварный роман ужасов. Меньше всего Элси сейчас хотела сказок о смерти и скелетах. Но мистер Андервуд смотрел на нее так искренне и серьезно, что отказаться у нее не хватило духу.

– Вы очень добры.

Они помолчали, рассматривая надгробия. На могилах не было ни единого цветка. Только заросли чертополоха. Его лиловые соцветия уже увядали, превращались в легкие пушистые комки семян.

– Наверное, миссис Бейнбридж, мне пора сходить за вашей кузиной и доставить ее сюда, к вам, – нарушил молчание викарий. – Уверен, с ней все обойдется.

– Да. Я тоже на это надеюсь. Благодарю вас, – Она склонила голову, а он зашагал прочь. Волосы викария развевались, и пряди на висках были светлее остальных.

Пролетела сорока. Элси поглядела на навес у входа, где сидела птица, думая о малютках Джейн Прайс. Вуаль трепетала на ветру, и ей казалось, что надгробия качаются. Машут ей.

* * *

Элси проснулась в скверном настроении. Уже вторую ночь она не высыпалась. Доводящее ее до иступления *ш-ш-ш* началось опять – правда, на сей раз продолжалось не более часа. Наконец это прекратилось, но ей было не по себе, и она лежала, размышляя о том, как бы помочь деревне, и вспоминая о бедняжке Руперте в ледяном склепе.

Постель без него казалась слишком просторной. Хотя Элси была не из числа тех жен, что спят, прильнув к мужу, однако было что-то успокаивающее в присутствии рядом Руперта и даже в том, как он изредка поворачивался, заставляя кровать поскрипывать. Он словно бы охранял ее. Без него половина матраса оставалась холодной и даже пугающей. Так много свободного места – и неизвестно, кто или что воспользуется возможностью пробраться под одеяло.

Утром горничная не явилась, так что Элси сама, без посторонней помощи оделась и даже умудрилась закрепить шпильками вдовий чепец, прежде чем спуститься вниз.

Рассказ мистера Андервуда ее растревожил. Должно же быть что-то, думала она, что она могла бы сделать для Фейфорда. Она пока не видела в деревне детей, но, если судить по состоянию коровы, и ребятишки там тоже, видимо, кожа да кости. Трудно даже представить,

насколько ужасна их жизнь... Однако, учитывая страх жителей деревни перед Бейнбриджами и скелетами, вряд ли ей стоит врываться в их дома с корзинкой еды и снисходительной улыбкой. Может быть, лучше...

В воздухе заплясали какие-то пушинки, заставив Элси закашляться. Она остановилась и глянула вниз, в лестничный проем. Своей черной юбкой она подняла целое облако чего-то – пудры, порошка? – непохожего на обычную пыль. Более густого. Она присела, потерла между пальцами щепотку. Частички были светлыми, желтоватыми, довольно твердыми.

Элси поднесла пальцы к носу. Ее ноздри затрепетали, ощутив запах, который на миг вернул ее в прошлое, на фабрику. Острый, чистый аромат: льняное масло. А следом другой запах – более сильный, пряный. Она чихнула. Конечно же – это были опилки.

Здесь?

Опилки, фосфор, стремительное вращение циркулярной пилы...

Поспешно стряхнув с себя опилки, Элси подхватила юбки, стараясь, чтобы на ней не осталось и следа этой гадости.

Может, все дело в потолочный балках: они, должно быть, крошатся, рассыпаются от старости, как и всё в Бридже. Не забыть бы потом расспросить об этом миссис Холт.

Она выпрямилась, но лестница вдруг поплыла под ногами – у нее закружилась голова. Чувствуя близкий обморок, она прислонилась к перилам и, еле передвигая ногами, сползла по ступенькам вниз. *Дышать, дышать.*

Иногда с Элси такое случалось – незначительная мелочь могла унести ее назад, в прошлое, пробудить воспоминания и мгновенно превратить ее в насмерть перепуганное дитя.

В ушах гулко билась кровь. Кое-как добравшись до Большого холла, Элси глубоко прерывисто вздохнула. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

Прошлое уже и без того достаточно отняло у нее – она не позволит ему вторгаться в ее взрослую жизнь.

Она открыла дверь слева от камина и вошла в столовую. Джолион и Сара уже сидели за столом красного дерева. Парчовая обивка на стенах, желтая, как одуванчики, бросала отсвет на их лица, придавая

коже нездоровый оттенок. Когда Элси вошла, оба они сняли салфетки с коленей и встали.

– А, вот и ты, – Джолион промокнул губы. – Боюсь, мы начали без тебя. Не были уверены, что ты спустишься.

Прозвонили старинные часы, стоявшие у стены.

– Полагаю, я должна жить, как обычно, – у нее дрогнул голос. Она осела на стул, подставленный ей Джолионом – как раз вовремя.

Прислуга жалась к буфету – убогая горничная Мейбл и женщина постарше, вероятно Хелен. Эта была жизнерадостная толстуха, с не сходящим с круглого лица ярко-алым румянцем – не иначе как результатом долгих лет стояния над чанами с горячей водой. Из-под чепца на висках выбивались ярко-рыжие пряди. Элси на вид дала ей лет сорок.

Старшим над служанками был высокий седовласый мужчина. При взгляде на него возникало подозрение, что он ни разу в жизни не улыбнулся.

Джолион разлил кофе, а Хелен тем временем подала яичницу-болтунью на тосте с селедкой. Однако от запаха опилок Элси все еще мутило. Она взяла вилку и поковыряла дрожашую яичницу.

– Мисс Бейнбридж как раз рассказывала мне о том, как проводила время в домике викария, – приподняв фалды фрака, Джолион занял свое место рядом с Элси.

Сара покраснела до корней своих жидких волос.

– Разве не любезно с его стороны, миссис Бейнбридж, было позаботиться обо мне? Несмотря на то, что он был так занят?

– Да.

– Он произвел на меня впечатление человека незаурядного, – заметил Джолион. – Полагаю, он рожден не для службы в церкви. Уж во всяком случае, не в фейфордской.

– О да, – закудаhtала Сара, охваченная симпатией к предмету их разговора. – Он родом из богатой семьи, но ушел из дома ради того, чтобы трудиться и делать добро. Отец оставил его без единого пенни, но у него были небольшие сбережения. На них он и живет здесь, в Фейфорде. Приходилось ли вам слышать о подобном благородстве?

Элси положила кусочек в рот и стала медленно жевать. Это было ошибкой – скользкое яйцо вызвало рвотные позывы.

– С вами все хорошо, миссис Бейнбридж?

– Да, да. – Она поднесла к губам салфетку и незаметно выплюнула кусок. – Ну, а как ваше самочувствие? Вы оправились от вчерашнего недомогания?

– Да, благодарю вас. Сегодня я чувствую себя окрепшей.

– Рада это слышать. Думаю, на вашу долю пришлось слишком много похорон после кончины миссис Крэббли и ваших родителей.

– Ах, это так, – Сара сделала глоток чая. – Правда, на погребении миссис Крэббли я не присутствовала. Она была поразительно консервативна в некоторых отношениях и перевернулась бы в гробу, узнав, что на ее похоронах была женщина. Но мои родители... – Сара смолкла, уставившись в чашку.

– Руперт почти ничего не рассказал мне о ваших родителях, – осторожно сказала Элси.

– О, я едва ли смогу рассказать вам больше. Мне кажется, что Руперт знал их намного лучше, чем я. Они отослали меня к миссис Крэббли, когда мне было восемь лет, чтобы я постепенно привыкала быть компаньонкой. Мы, видите ли, никогда не были богаты, наша ветвь семьи. Была какая-то ссора между моим дедушкой и его отцом. Поэтому мы все работали. Родителям не хватало времени, чтобы заниматься мной, – Сара сделала еще глоток, точно чай придавал ей сил. – А потом их не стало. И хоронить их было не на что. Я бы так и не смогла их похоронить, если бы не Руперт... Он всегда был так добр ко мне, – внезапно охрипшим голосом продолжила она. – Ах, если бы...

В замешательстве Элси схватила вилку и отломил кусочек селедки. Она начала жалеть, что так пренебрежительно обращалась с бедной девушкой. Сара, может быть, глупа, как пробка, но она страдала.

– Мне так жаль.

Джолион прочистил горло.

– Мы понимаем, мисс Бейнбридж. – На Элси он старался не смотреть. – Мы тоже лишились родителей в раннем возрасте.

Сара замотала головой, так что из пучка выбились волосы.

– Не стоит долее на этом задерживаться. Но теперь вы понимаете, почему я так благодарна мистеру Андервуду и его прислуге за заботу обо мне. Вы знаете, что мистер Андервуд поделился со мной последней щепоткой своего чая? Я чувствовала себя ужасно, принимая

эту жертву. У него в шкафу почти пусто. Только немного сахара и совершенно нет молока!

– Молоко! – Элси торжествующе нацепила кусок сельди на вилку. – Конечно, вот решение. Вот как я могу помочь деревне! Джолион, ты должен все разузнать. Я собираюсь взять корову.

Джолион поперхнулся своим кофе. Служанки у буфета пришли в движение.

– Какую корову?

– Ту корову, которую я видела по дороге сюда. Несчастное животное, вид у нее был такой, словно ей немного осталось. Чем больше я ее вспоминаю, тем больше уверяюсь, что она взывала ко мне о помощи. Я куплю эту корову, вылечу ее и откормлю, и тогда она начнет давать молоко. Мы даже сможем делать сыр. Этот сыр и молоко я буду отдавать жителям деревни, даром.

– Какая ты смешная, Элси. – Брат поставил чашку на стол. – Почему просто не раздать деревенским еду?

– По моему мнению, это будет для них менее унижительно. Ты так не считаешь?

Джолион широко развел руками.

– Неважно, как считаю я. Ты вольна поступать так, как тебе заблагорассудится. Но тебе придется обсудить это с мистером Стилфордом – вот он – или с миссис Холт и попросить их все разузнать. Я же вечерним поездом возвращаюсь в Лондон.

– Сегодня вечером!

– Боюсь, что так. Потолковав с джентльменами на похоронах, я осознал, что дело настоятельно требует моего присутствия.

– Но... – Как может он бросить ее здесь, одну, с Сарой? – Когда ты вернешься?

– Нескоро, я полагаю, – Джолион поджал губы; Элси поняла, что он не обо всем может говорить в присутствии Сары. – Извини, Элси. Но я должен непременно вернуться в Лондон. Ради фабрики.

И разве могла она хоть что-то возразить на такой аргумент? Она, отдавшая этой фабрике так много?

– Конечно. Конечно. Я понимаю.

Когда коляска Джолиона съехала с гравийной дорожки, у Элси совсем опустились руки. Без него дом казался еще огромнее, еще пустынее. Она слонялась по своей комнате и по летней гостиной, не находя, к чему себя приложить.

На небе клубились серые тучи. Ветер трепал деревья. Даже свет в доме был приглушенным и тусклым. Ей оставалось только слушать, как тикают часы, скрипят от ветра стены, да где-то внизу прислуга чистит камин.

Элси было неприятно оставаться в этом доме одной: ей все время казалось, что кто-то на нее смотрит. Кто-то чувствует все ее передвижения по дому, как она ощущает шевеление ребенка в своем чреве.

Это тяготило. Она нуждалась в обществе, все равно чьем. Проскучав часа два, она неслышным шагом пошла по бордовому коридору, мимо унылых мраморных бюстов, к комнате Сары.

Постучав один раз, она вошла и обнаружила, что Сара уютно устроилась на кровати с книгой и котом миссис Холт, Джаспером. Комната была удивительно похожа на ее собственную – только, как и сказал Джолион, в зеркальном отражении. Деревья, которые размахивали ветвями за окном у Сары, горели золотом и бронзой, на стороне Элси они были медными и темно-красными.

– Ох! Миссис Бейнбридж, как неожиданно, – Сара сунула в книгу закладку и в смятении вскочила на ноги. Джаспер едва удостоил ее взглядом – своего места на кровати он не оставил. – Простите. Вам нужна моя помощь?

– Да. Собственно говоря, я хочу исследовать дом. И хочу, чтобы вы составили мне компанию.

– Исследовать? – карие глаза Сары округлились. – Но разве... я хотела сказать... полагаю, миссис Холт не против?

– Миссис Холт? При чем же здесь она? Это *мой* дом. Я могу поступать, как захочу.

– Да. Наверное, можете, – широкий рот Сары безвольно распахнулся. Возможно, она, как и Элси, осознала, что ее оставили без наследства. Но затем, судя по всему, Сару посетила новая, более вдохновляющая мысль, потому что она улыбнулась и продолжила: – Дом долгое время принадлежал моей семье. Он – единственное, что у меня от них осталось. Связь. Я тоже буду очень рада исследовать его.

Элси протянула руку в перчатке.

– Тогда в путь.

Сара заколебалась. Элси вспомнила, как в их первый вечер здесь она предстала перед ней без перчаток: грубые ладони, похожие на куски сырой свинины. Однако она постаралась не выдать того, что все поняла.

– Чего вы боитесь?

Коротко вздохнув, Сара шагнула вперед.

Они начали с первого этажа. На поверку Бридж оказался намного просторнее, чем они могли себе представить. Казалось, он свернут, сложен внутрь себя. Пройдя на другую сторону Большого холла от камина, у которого Элси обогревалась в первый вечер, они обнаружили гостиную, облицованную темными деревянными панелями примерно до уровня плеч. Выше стены были оклеены синесерыми бумажными обоями – их оттенок напоминал Элси увядшие васильки. Это была холодная комната, полная мраморных ваз и гобеленов.

– Кому захочется здесь находиться? – спросила она. – Бьюсь об заклад, работные дома и те декорированы более приветливо.

Гостиная соединялась с просторным, тускло-розовым салоном, набитым музыкальными инструментами. Облезлая арфа у окна словно пыталась выбраться на волю. Одна струна на ней была порвана. Элси подняла глаза на розовые гардины, не пропускавшие свет. Украшенный лепниной потолок напоминал глазурь на торте.

Сара подлетела к роялю, открыла крышку и нажала на клавишу. Вместе со звуком в воздух поднялась пыль.

– Я умею играть на пианино, – сообщила она. – Только маленькие пьески. Миссис Крэббли они нравились. Я могу поиграть для вас сегодня вечером.

Можно представить, до чего отвратительно и одиноко чувствовала себя Элси, если она с радостью приняла предложение.

Далее следовала комната для карточных игр, в зеленых тонах. Со стены на них глядела голова оленя, рога которого, будто ветви дерева, отбрасывали длинные тени.

– До чего жуткий, – поежилась Элси, морщась.

– Вы в самом деле так думаете? – Сара всмотрелась в чучело. мех был сильно загрязнен. Светло-рыжие ресницы, тщательно отделенные

одна от другой, обрамляли вставленные в глазницы черные стеклянные шарики. – В этом есть определенная красота. Это гордое животное гнило бы в земле, а вместо этого красуется здесь, во всем своем величии. Сохраненное навсегда.

– Чтобы торчать в Бридже до скончания времен? Я ему не завидую.

Оленья голова означила конец этого крыла: дальше прохода не было, пришлось возвращаться через музыкальный салон и гостиную. Когда они вернулись в Большой холл, из обитой зеленой тканью двери со стороны прислуги вышла рыжеволосая служанка.

– Хелен! – Служанка резко остановилась, услышав голос Элси. – Ты ведь *Хелен*, верно?

Женщина молча кивнула и присела в реверансе, не в пример более искусном, чем у Мейбл.

– Хелен, теперь, когда похороны позади, я хотела бы, чтобы на второй этаж вернули картины. Впрочем, это касается и всего дома. Мисс Бейнбридж и я хотим взглянуть на портреты. Вы сможете это сделать?

– Да, мэм.

– Превосходно.

Снова сделав реверанс, Хелен развернулась и скрылась за зеленой дверцей. Они слышали ее шаги за стеной – Хелен поднималась по винтовой лестнице. Сами Элси и Сара воспользовались более широкой лестницей, затянутой ковром, предназначенной для господ.

– Я видела здесь опилки, – Элси пристально вглядывалась в ступени. – Но сейчас их нет.

Второй этаж начался недурно, в медово-желтой гостиной, соединенной с бильярдной в западном крыле. Но по пути в восточное крыло Элси почувствовала, как ее охватила тошнотворная, гнетущая тоска. Какое-то шестое чувство подсказало ей, что они там увидят.

– О, смотрите-ка, мисс Бейнбридж! Как это прелестно! – Сара устремилась вперед, оставив ее стоять без сил, прислонясь к косяку. – Только полюбуйтесь, до чего же уютная детская!

Казалось, ребенок резвился в этой комнате еще вчера. Она была безукоризненна. Никаких признаков старения на обоях в цветочек, а коврик из яркой набивной ткани в красных и желтых тонах был тщательно выбит и промыт. В центре комнаты гордо возвышалась

блестящая краской лошадка-качалка, серая, в нарядных белых яблоках. Сара толкнула ее и захихикала, когда игрушка качнулась на зеленых колесиках.

Элси огляделась. Лошадка была не единственной игрушкой. Вокруг миниатюрного столика, сервированного к чаю, были рассажены куклы. На полу рядом с ними расположился деревянный Ноев ковчег с животными. Перед камином – высокая ширма.

Поближе к очагу висела колыбель под пологом из легкой лимонно-желтой ткани. Рядом стояла кованая кровать под лоскутным одеяльцем – для старшего ребенка. У Элси перехватило дыхание.

– Там сзади еще и класс для занятий, – прочирикала Сара.

– Мне кажется, для первого раза мы исследовали достаточно.

Она вернулась в галерею и, перегнувшись через перила, выглянула вниз, на Большой холл. Перед глазами у нее плясали серые и черные полотнища. Боже всемогущий, она не справится. С тем же успехом можно было предложить ей отправиться в Оксфорд и сдать экзамен. Она не сумеет быть обычной матерью обычного ребенка.

Все эти игрушки – живые картинки из детства. Возможно, это вызвало бы другие эмоции у того, кто рос в счастье и радости: воспоминания о том, как отец качал его на колене, а мать поцелуями осушала детские слезы. Но у Элси это не вызывало ничего, кроме страха. Она боялась за ребенка. Боялась *самого* ребенка.

С Джوليоном все обошлось, напомнила она себе. Но ему, мальчику, было проще. Что, если дитя Руперта окажется девочкой? Она не сможет полюбить девочку, похожую на нее. Для нее невыносимо было бы, не ужасаясь, смотреться в это зеркало собственного прошлого.

– Миссис Бейнбридж? – Сара незаметно подошла и встала рядом. – Вам нехорошо?

– Нет. Просто... устала.

– Завтра мы будем исследовать дальше?

– Уже мало что осталось осмотреть. Библиотека и летняя гостиная на том же этаже, что и наши спальни, и мы можем зайти туда в любое время. Вот разве только... – Элси нахмурила брови, вспомнив о мансарде. Та ночь и скребущий звук прямо за дверью, но вне пределов досягаемости. *Что* это было?

Она не верит, что это крысы – они не могли поднять такой шум. Ей необходимо узнать правду. Решительно подняв руку, Элси выдернула из-под чепца шпильку, высвободив два белокурых локона.

– Миссис Бейнбридж?

– Хотите посмотреть, как я буду взламывать замок?

* * *

При дневном свете ход на верхний этаж казался далеко не таким зловещим. Они шли другим коридором, не тем, по которому она недавно пробиралась вниз. Медного цвета плитки клацали под каблуками. Элси заметила сырые пятна и трещины, которых не разглядела на стенах раньше.

– Я вам не верю, миссис Бейнбридж. Вы шутите надо мной. Не думаю, что вы можете взломать замок.

Элси улыбнулась.

– Увидите. Я очень изобретательна.

Она повертела шпильку в обтянутых перчаткой пальцах. Давненько ей не приходилось такое проделывать. Сейчас на фабрике двери не запирали.

За ними раздались чьи-то мелкие шажки по плиткам. Элси оглянулась и увидела догоняющего их Джаспера.

– Вот умница, – Сара остановилась, чтобы подождать кота. Поравнявшись с ней, Джаспер потерся о ее ногу, шурша платьем девушки.

– Какая вы счастливица, Сара. Обрели здесь верного друга. – Странно, но у нее складывалось впечатление, что этот коридор нельзя пройти без кота. Возможно, он охраняет здесь что-то? Или его появление говорило, что где-то тут поблизости миссис Холт? Одно дело вскрывать замок на глазах у Сары, совсем другое – делать это в присутствии экономки. – Идемте же. Скорее. Мы должны успеть, пока еще достаточно светло.

Она увидела дверь в конце коридора – к облупленному деревянному порогу вели три невысокие ступеньки. Дверь выглядела не слишком крепкой. Разве могла бы она сдерживать белок или крыс? Их разбойничьи острые зубки давно уже сгрызли бы ее напрочь.

Элси уже собралась подняться по ступеням, когда Джаспер, громко мяуча, шмыгнул у нее под ногами. *Глупое создание!* У двери кот остановился, как в ту ночь, и, сверкая зелеными глазами, заворчал. Элси обернулась к Саре.

– Это даже хорошо, что он решил составить нам компанию. Миссис Холт думает, что там поселились какие-то грызуны. – Сара вздрогнула. – Не бойтесь. Они не причинят вам вреда. А кошка их быстро переловит.

– Боюсь, я не смогу на это смотреть. Я не переношу мышей.

– Хорошо. Тогда постойте здесь, пока я разбираюсь с замком. Потом мы с Джаспером войдем туда. – Она помолчала. Ей хотелось надеяться, что она не наткнется там на один из скелетов, о которых упоминал мистер Андервуд. – Признаюсь, мне очень любопытно посмотреть, что за твари там скрываются. Вы не поверите, до чего странные звуки они издают.

– О! Я тоже их слышала, ночью. Так *это* раздавалось отсюда? – Сара во все глаза смотрела на дверь. Было в выражении ее лица что-то, от чего у Элси сжалось все внутри. – Возможно ли... возможно ли, чтобы животные *производили* подобный шум?

Джаспер мяукнул и поскребся в дверь. Этот звук был лишь бледным отголоском того *ш-ш-ш*, которое она слышала ночью. Тонкие белые линии легли поверх давних отметин, нанесенных им прежде.

– Джаспер. Отойди.

На нее взглянули загадочные изумрудные глаза, лапа замерла в воздухе. Затем кот еще раз царапнул дверь. Та со скрипом отворилась.

Сара попятилась.

– Смотрите! Не заперто.

Элси не могла поверить своему счастью.

– Миссис Холт собиралась вызывать слесаря из Торбери Сент-Джуд. Я не ожидала от нее такой расторопности, – Элси вернула шпильку на место под чепец. – Я хочу войти и все осмотреть.

Из-под двери не кинулись врассыпную никакие твари – добрый знак. Она поднялась по ступеням и, постояв рядом с Джаспером, заглянула внутрь. Ее встретил спертый, тяжелый воздух. Здесь не было ни крыс, ни белок, ни скелетов – только сундуки да старая мебель. Пыль покрывала все поверхности толстым бархатистым слоем.

– Сара, – позвала Элси, – здесь безопасно. – Она чихнула и закашлялась. – Очень пыльно, но вполне безопасно.

Она толкнула дверь, и та со скрежетом распахнулась. Элси ожидала, что Джаспер бросится, опережая ее, но вместо этого он поднял хвост трубой и отступил в коридор, туда, откуда они пришли. Она рассмеялась и снова закашлялась.

– Ах, эти кошки. Они ужасно капризны, вы не находите?

Элси вошла в помещение, сметая подолом пыль с четырех ступеней. Мансарда выглядела так, словно время в ней остановилось на века. По углам висела паутина, но в ней не бились насекомые – все они давно погибли и высохли. У дальней стены валялись часы, давным-давно переставшие отбивать время. Циферблат был помят, а стрелки торчали под неестественными углами. Под полотнищами небеленого холста угадывались очертания прямоугольных предметов – вероятно, портретов в рамах.

Элси подошла к стоящему у мутного оконца столу. На нем были свалены в кучу книги с пожелтевшими страницами. Пыль полностью скрыла заглавия. Одним пальцем Элси принялась сдвигать верхние тома. До тех, что лежали ниже, пыль не добралась. Трактаты и книги по садоводству двухсотлетней давности. Некоторые, в кожаных переплетах, походили на тетради для записей. «Полный травник» Калпепера и «Общая история растений» Джерарда.

– Сара, войдите! – громко крикнула она, стараясь не вдыхать пыль. – Здесь нет мышей. Но есть книги.

В дверной проем просунулась длинная физиономия Сары.

– Книги?

– Да, если их еще можно читать. Они совсем заплесневели! Кажется, некоторые валяются здесь со времен Нормандского завоевания^[4], не меньше.

Сара, семеня, приблизилась к ней.

– О! Силы небесные, – она благоговейно принялась листать книги кончиками пальцев. Некоторые страницы были безнадежно испорчены сыростью, другие пожелтели и истончились, напоминая луковую шелуху. – Рецепты. Ингредиенты. Старые счета. Ах, посмотрите на это! Тысяча шестьсот тридцать пятый! В это трудно поверить! – Она осторожно сдула с обложки пыль. – «Дневник Анны Бейнбридж». Да он в двух частях! Боже, это, должно быть, одна из моих прабабушек!

– Не слишком выдающаяся, раз ее дневники пылятся здесь две сотни лет, – бросила Элси. Прежде чем шагнуть, она осторожно попробовала половицу. Дерево закрипело, но выдержало. – Интересно, что под этим холстом? – И она отбросила полотнище в сторону.

Во все стороны полетела пыль. Обе женщины тут же начали задыхаться. Наконец воздух снова стал прозрачным, и они увидели кресло-качалку и небольшой ящик вроде тех дорожных аптечек, которые носят с собой врачи. Элси не замедлила его открыть. Внутри теснились прозрачные склянки с пробками.

– Должно быть, в семье был и аптекарь, – предположила она. – Осадок на дне... видимо, это были настои трав.

Прижимая тетрадь к груди, Сара обернулась.

– Позвольте и мне взглянуть, – она сделала два шага к Элси – и вдруг завизжала.

Элси выронила склянку, которую рассматривала. Она разбилась надвое, в воздухе запахло затхлостью и плесенью.

– Что? В чем дело?

– Там что-то есть... Глаза.

– О, не будьте смешной... – но у нее резко сел голос, когда она проследила направление взгляда Сары.

Кузина Руперта была права. Из дальнего темного угла мансарды за ними следили чьи-то зеленовато-коричневые глаза. Большую часть лица скрывало белое полотно, но Элси видела зрачки, с неестественной пристальностью вперившиеся в нее.

– Картина. Это всего лишь картина, Сара. Присмотритесь, она не мигает.

Элси стала пробираться в угол, спотыкаясь и отталкивая мешающие предметы со своего пути. Пыль покрыла ее платье, окрасив его в серый цвет, и бахромой повисла на подоле. Нарисованные глаза неотрывно следили за ее приближением, будто приветствуя старого друга.

Элси ухватила за край холста, скрывающего картину, и попыталась стянуть его. Материя цеплялась за что-то, но наконец большой кусок с треском оторвался.

– О! – воскликнула Сара. – Это... это...

Это я, в ужасе подумала Элси.

Перед ними стояла девочка лет девяти-десяти. Нос пуговкой и губки бантиком. Глаза, манящие и дерзкие, словно предлагали подойти поближе. Она смотрела в лицо ребенка, которым она была когда-то: но эта девочка так и не повзрослела.

Как? У нее путались мысли. Перед ней было ее собственное лицо, и все же она не чувствовала с ней никакого сродства. Уходи, хотелось ей крикнуть. Убирайся прочь, я тебя боюсь.

– Это не картина, – сказала Сара. – Это написано маслом, но не по холсту, а по дереву. Кажется, она стоит самостоятельно. – Положив на стол книгу, она пробралась к фигурке и заглянула ей за спину. – А, нет. Там внизу стойка, видите?

Элси пришла в себя и, оторвав взгляд от лица нарисованной девочки, разглядела ее всю целиком. Ростом ей до талии, как настоящий ребенок, фигура была одета в оливковое шелковое платье, отороченное золотой тесьмой. На талии был повязан матерчатый фартучек. Волосы у нее были не светлые, как у Элси, а темно-рыжие, уложенные на голове в подобие пирамиды и украшенные оранжевой лентой и бусами. На согнутой в локте руке девочки болталась корзинка с розами и травами. Другой рукой она прижимала к сердцу белый цветок. Девочка была не из этого столетия, возможно, даже не из предыдущего.

– Замечательно, – Сара положила руку на плечо фигуры. С годами краски выцвели, на дереве появились царапины и потертости. – Как будто кто-то вырезал эту фигуру из картины и приклеил на деревянную основу.

– Она... Она вам никого не напоминает?

Сара прикусила нижнюю губу.

– Немного. Глаза. Должно быть, она принадлежала к семейству Бейнбриджей. Ничего удивительного, что она чуть-чуть похожа на Руперта.

– Руперта? – недоверчиво переспросила Элси. Но потом и сама это увидела: ненавязчивое, как тихий шепот, это сходство не бросалось в глаза, а просачивалось сквозь облупившуюся краску. *Она похожа на меня и Руперта. У нее защемило сердце. Вот как, возможно, будет выглядеть ее дитя?*

Сара пробежала пальцами по деревянному обрамлению руки.

– Она прекрасна. Мы должны взять ее вниз. Давайте поставим ее в Большом холле. Вдвоем мы сможем ее поднять. Если мы... Ох! – Она отпрыгнула. В ладонь ей воткнулась острая щепка. – Ай.

– Идите сюда, – Элси бережно взяла руку Сары в свои обтянутые перчатками пальцы. – Стисните зубы. Раз, два – три!

Заноза вышла наружу. На руке осталась царапинка с несколькими каплями крови. Сара поднесла ее ко рту.

– Эти древности рассыпаются в руках, – сказала Элси. – Лучше оставить их как есть.

– О нет, миссис Бейнбридж, умоляю! Она такая милая, мне очень хочется иметь ее в доме!

Элси передернула плечами.

– Что ж, тогда придется попросить слуг перенести ее, – неохотно предложила она. – Кожа у них потолще.

За их спинами заскрипели половицы.

– Тьфу ты, пропасть!

Элси повернулась к выходу. У двери лежала горничная Мейбл, ее широкая юбка разметалась по полу.

– Царь небесный, Мейбл, что ты делаешь?

– *Я-то* ничего не сделала! Доска просела, и моя нога провалилась вниз.

– Да как же это! – забыв о собственной ране, Сара кинулась на помощь. – Тебе больно? Ты чувствуешь свою лодыжку?

– Еще бы я ее не чувствовала! Болит, как проклятая! – от резкой боли Мейбл застонала – Мисс.

Элси и Сара с двух сторон подхватили Мейбл под мышки и рывком подняли, освободив ногу. Из отверстия в полу пахнуло смрадом, мокрым пеплом и разложением.

Усевшись на пол, Мейбл согнулась и потеряла лодыжку.

– Даже чулок порвала. Хорошо еще, ногу насквозь не пропорола.

– Нужно позвать на помощь миссис Холт, – решила Элси. – Я уверена, у нее найдется снадобье для ноги. А что ты здесь делала, Мейбл, выслеживала нас?

Мейбл уперлась подбородком в грудь. Вид у нее сейчас был еще более упрямый, чем обычно.

– Я ничего дурного не хотела. Эта дверь всегда была заперта, с тех пор как я здесь. Любопытно стало посмотреть, что там внутри. А

потом я услышала, как мисс Сара кричит, вот и все. Подумала, может, ей надобна помощь. Вот и получила, вместо благодарности, – добавила она с обидой.

– Я очень благодарна, – торопливо сказала Сара. – Дай-ка я оберну твою рану подолом юбки. Прижми и держи так, пока тебе не наложат настоящую повязку. – Она действовала очень аккуратно, но Мейбл все равно стонала. – Как удивительно, что ты оказалась рядом именно сейчас! Мы с миссис Бейнбридж как раз собирались позвать тебя. Хотели, чтобы ты помогла нам снести вниз нашу находку.

– Какую находку?

Сара ткнула пальцем в деревянную фигуру. Мейбл взгляделась и шарахнулась.

– Ох, чтоб тебя! Это что ж такое?

– Мейбл, – Элси нахмурилась. – Я сожалею, что ты пострадала, но это никак не извиняет твоего сквернословия. Прошу тебя не забывать, в чьем обществе ты находишься.

– Извините, мэм, – пробормотала девушка, хотя раскаяния в ее голосе не было слышно. – Я просто... мне никогда не приходилось прежде такого видеть. Это что, картина?

– Нет. Нам кажется, что это своего рода украшение для комнаты. Стоячая фигура. Не статуя и не картина, а что-то среднее.

– Мне она не нравится, – насупилась Мейбл. – Смотрит на меня нехорошо. У меня от ней мурашки бегают, вроде того.

– Вздор, – сказала Элси. – Она ничем не отличается от портретов, что висят в коридоре.

– Нет, она другая, – настаивала Мейбл. – Злая. Не нравится мне.

Элси почувствовала озноб. Ей и самой фигура казалась зловещей, но признаваться в этом служанке не хотелось.

– Не обязательно, чтобы тебе нравилось. Твое дело – помочь мне и мисс Саре перенести ее, да еще почистить.

Мейбл поджала губы. Словно придя ей на помощь, сквозь материю, прижатую к лодыжке, проступило новое пятнышко крови.

– Сейчас-то мне не до чистки, видите?

Элси вздохнула.

– Пожалуй, лучше попросить об этом Хелен.

* * *

Хелен, упершись руками в широкие бедра, разглядывала деревянную фигуру. Она шурилась от пыли так, что вокруг глаз выступили морщинки.

– Это что-то новое, мэм?

– Новое? – отозвалась Элси. – Нет, я предполагаю, что эта вещь очень старая.

– Ах, мэм, я хотела сказать, новое в доме. Хотя, кажется, у господина было что-то вроде этого.

Плечи Элси вздрогнули, как от судороги. Слышать, что о Руперте говорят вот так, словно он еще жив.

– Мне он никогда не рассказывал ни о чем подобном. В Лондоне у нас таких фигур не было, разве что он нашел ее здесь... Хотя – я что-то не видела в доме другой подобной, а ты?

Хелен пожала плечами и подхватила фигуру.

– Не могу сказать точно, мэм.

– Так что же заставило тебя предположить, что у мистера Бейнбриджа было нечто подобное?

– Он был хороший человек, мэм, мистер Бейнбридж, – заговорила Хелен, с фигурой на плече обходя дыру в полу и протискиваясь в дверной проем. – О нем никто слова дурного не скажет. Он иной раз любил поболтать со мной, когда я прибиралась в библиотеке. Вот как-то он и начал мне рассказывать о фигурах из Амстердама. Сказал, что ищет, что написано про них в книжках.

Выйдя в коридор, Элси приподняла юбку и вжалась в стену, пропуская Хелен вперед.

– В самом деле? Представить не могу, с чего такая тема вдруг могла его заинтересовать.

– Я тоже, мэм. Я не спросила, потому что подумала, что у него, может, есть такая фигура.

Руперт всегда отличался живым, пытливым умом. Именно это качество привело его на спичечную фабрику Ливингстонов. Его вдохновляла идея прогресса и новых изобретений. Элси не знала, что он также интересовался и прошлым.

Услышав рассказ Хелен, Элси ощутила, как ослабевает ее напряжение, вызванное мыслью о переносе вниз странной деревянной девочки. Рядом с этой вещью Элси чувствовала себя неуютно, но... это была еще одна ниточка, связывающая ее с Рупертом. Он способен согреть ей душу, внушить симпатию и к деревянной кукле, даже если сам никогда не открывал мансарду.

– Мистер Бейнбридж не говорил тебе, что это были за фигуры, Хелен?

– Он называл их компаньонами. Безмолвными компаньонами.

Элси скривила губы и выглянула в коридор, где Сара поддерживала хромящую Мейбл.

– Вы это слышали, Сара? Хелен называет фигуру компаньонкой! Миссис Крэббли могла сэкономить деньги. Вашу породу вот-вот заменят деревянные статуи.

– Ах, какая вы злючка! – рассмеялась Сара. – Я бы многое дала, чтобы посмотреть, как деревяшка будет взбивать и поправлять подушки, читать стихи, играть на пианино и готовить кашку. Если она все это умеет, я бы и сама от такой не отказалась.

Хелен натянула рукава до самых костяшек пальцев и подхватила компаньонку под мышку. Фигура повисла в горизонтальном положении, будто лишилась чувств.

– Сюда, – показала Элси. – Мисс Сара хочет поставить ее в Большом холле. Помните, подальше от огня. Она может встречать гостей у входа.

– Гостей, мэм?

Элси поморщилась.

– Да, ты права. Не думаю, что в ближайшее время нам следует кого-то ожидать.

– О! – Перед ними в коридоре выросла Сара. – Миссис Бейнбридж, можно попросить вас на минутку вернуться?.. Я забыла захватить дневники. Когда с бедняжкой Мейбл случилась беда, у меня совсем вылетело из головы прихватить второй том. А мне не терпится почитать историю моих предков.

Элси оглянулась через плечо. Ей совсем не улыбалось бегать туда-сюда. День был длинный, и она изрядно утомилась.

– Это не подождет? Я... – она замерла, не договорив. Мансарда была закрыта. Но она не слышала звука затворяющейся двери. Элси

нахмурилась. – Хелен! Я попросила тебя оставить дверь в мансарду открытой. Видит бог, это помещение необходимо хорошенько проветрить.

– Я не закрывала, мэм.

– Как не закрывала? А кто же это сделал, по-твоему?

Хелен надула красные щеки.

– Извините, мэм. Я не помню, чтобы затворяла дверь.

И где только миссис Холт набрала такую прислугу?

– Я сама пойду и открою ее, – вздохнула Элси, – заодно принесу тетрадь для мисс Сары.

– Огромное вам спасибо, я просто не нахожу слов! Если вы сможете занести ее в мою комнату, я буду очень признательна! – трещала Сара. – Возможно, там имеются записи о визите Карла I! Я отведу Мейбл и уложу в постель. А если вам вдруг встретится миссис Холт...

– Я пришлю и ее тоже.

Элси в раздражении почти побежала назад к мансарде, кринолин подпрыгивал, как на пружинках. Какой прок считаться хозяйкой дома, если все приходится делать самой?

Помня, что в прошлый раз Джаспер открыл дверь, коснувшись ее лапой, Элси, подойдя, протянула руку и толкнула ее. Рука наткнулась на преграду, от удара пришла отдача в плечо. Хмыкнув, Элси повторила попытку, надавив сильнее. Дверь не шелохнулась.

– Что? – она потянулась к дверной ручке и стала дергать ее из стороны в сторону. Та не поворачивалась. – Проклятье.

Видно, замок снова заклинило – потому и раньше дверь не удавалось открыть. Все же нужен слесарь, чтобы заменить механизм, а то и вовсе поставить новую дверь. Еще одно дело, которым предстоит заняться.

Утомленная всем этим Элси доплелась до лестницы и начала долгий спуск на нижний этаж. Она чувствовала себя нездоровой. Видно, все дело в самом доме: он давит на нее непосильным грузом. Сейчас она поговорит с миссис Холт и после этого сразу ляжет отдыхать.

В Большом холле она увидела Хелен, пытающуюся пристроить компаньонку у окна.

– Вот, решила поставить ее сюда, – улыбнулась служанка, – получается, как будто выглядывает и встречает вас.

Она склонила голову к плечу, вглядываясь в фигуру.

– А она немножко на вас смахивает, мэм.

При ярком освещении сходство деревянной девочки с Элси действительно было заметнее. От этого ей сделалось не по себе.

– Немного. Не странно ли? – в последний раз бросив на девочку взгляд, Элси направилась к западному крылу и, открыв обитую зеленым сукном дверь, оказалась в помещении для прислуги.

Воздух здесь был густо пропитан запахами супа, гари и перекаленного масла. В глубь дома лабиринтом уходили коридоры с голыми стенами и каменным полом, тусклая масляная горелка едва освещала путь.

На двери комнаты миссис Холт красовалась надпись белыми буквами: *Экономка*. Элси постучалась – за день она уже второй раз стучала, прося позволения войти, и это в собственном доме.

– Войдите.

Элси протиснулась в комнатку, атмосфера которой живо напомнила ей о гороховом супе. Единственная лампа на столе отбрасывала слабый свет на бумаги миссис Холт. Экономка, сидевшая на простом деревянном стуле, повернулась и, увидев госпожу, вскочила на ноги.

– Ах, миссис Бейнбридж! Какая неожиданность. Милости прошу, проходите.

На маленьком столике был накрыт чай, чашки были синие с белым. Элси с облегчением села. Она слишком стыдилась своей усталости, чтобы попросить пить, но мечтала, чтобы миссис Холт сама догадалась предложить ей чаю.

– Я как раз собиралась с вами поговорить, – говорила между тем миссис Холт, прибирая на столе бумаги. – Из Торбери Сент-Джуд только что привезли продукты, и я хотела обсудить с вами составленное мною меню.

– Я уверена, что вы все сделали прекрасно. Мы будем вести очень тихую жизнь, мисс Сара и я, пока не вернется мистер Ливингстон.

– Я предполагала, что так будет, мадам. Но это не причина, чтобы не получать удовольствия от еды.

– Совершенно справедливо. Собственно, миссис Холт, раз уж я здесь... Мне хотелось бы кое-что с вами обсудить.

– Что именно, мадам?

Миссис Холт смотрела на нее своими выцветшими, пожелтевшими глазами, только и всего – так почему же Элси померещился на ее лице отблеск адского пламени? Элси облизнула губы, не зная, с чего начать. Мне нечего стыдиться, напомнила она себе. Дитя было зачато не в грехе, что бы кто ни думал.

– Скоро нам потребуется... больше прислуги. А Мейбл считает, что никто из жителей Фейфорда не согласится на работу в этом доме?

– О. – Морщины на лице экономки обозначились резче. – Все это очень, очень непросто, мадам. Между деревенскими и семейством существует давняя распря – она тянется, полагаю, со времен Гражданской войны. Они уверяют, что одна из хозяек дома была ведьмой – словом, какой-то вздор в этом роде.

Элси рассматривала скатерть и вышитые на ней букетики мелких цветов. Когда Мейбл сказала ей, что деревенские боятся дома, она подумала о привидениях или нежити, никак не о ведьмах. Но всем известно, что в те дни женщин нередко за любую мелочь могли обвинить – и обвиняли – в вдовстве.

– Вы хотя бы пытались нанять кого-то из Фейфорда, миссис Холт?

– О да. Но, видите ли, семья Робертсов начала вставлять мне палки в колеса. Один из Робертсов в начале века служил здесь лакеем, и с ним произошел несчастный случай.

– Что еще за *несчастный случай*?

Миссис Холт прижала руку к груди и поправила брошь-камею.

– Никто в точности не знает, как это случилось. Бедняга упал с галереи прямо в Большой холл. Сломал шею, разумеется. Ужасная трагедия. Но Робертсы, даже спустя столько лет, настаивают, что его толкнули.

– Кто?

– Ну... тогдашний хозяин вскоре после этого потерял супругу. Так, ходят слухи, что тот лакей, Робертс, был ее воздыхателем... Сами знаете, как это бывает, – миссис Холт повела в воздухе рукой, похожей на куриную лапку. – Ревнивый муж решил отомстить.

– Честное слово, местные жители, кажется, живут только рассказами, да все про нас.

Миссис Холт улыбнулась.

– Деревенщина, мадам. Надо же им чем-то развлекать себя долгими зимними вечерами. Но не переживайте из-за этого. Я не сомневаюсь, что мы найдем где-нибудь прекрасных работников и для дома, и для сада.

– Будем надеяться. – Элси прокашлялась и продолжила: – Видите ли, у меня имеется причина быть разборчивой в подборе персонала. Скоро... я хотела сказать, скоро придет весна, и... я имею основания надеяться, что... – кровь бросилась ей в лицо. Деликатного способа сообщить о своем положении она не находила.

– Уж не хотите ли вы сказать... Господи, миссис Бейнбридж, вы пытаетесь мне сказать, что вы в тягости?

В тягости. Много лет Элси не слышала этого выражения – довольно вульгарного, но сейчас именно оно помогло ей справиться с собой.

– Да. Ребенок должен появиться на свет в мае, – она почувствовала себя неловко, увидев, что на глаза пожилой женщины навернулись слезы. Смутившись, она торопливо продолжала: – Мне потребуются няни, а также новая горничная для меня самой. Я собираюсь съездить в Торбери Сент-Джуд и посетить там бюро найма. Вы ведь там нашли Мейбл и Хелен?

Миссис Холт открыла рот. Затем закрыла.

– Я... я ведь не могла предложить большого жалованья, мадам. А поместье так запущено, ведь господа не жили здесь постоянно, для девушек никакой перспективы продвижения... – она беспокойно ерзала на стуле. – Словом, я предпочла взять в услужение девушек из рабочего дома, мадам.

– Из рабочего дома, – задумчиво повторила Элси. Ну конечно, это многое объясняло. – Я полагаю, они и обучения не проходили?

Миссис Холт зарделась.

– Хелен училась – и служила горничной.

– А по какой причине она ушла с прежнего места?

И снова миссис Холт принялась играть с брошью.

– Я в это не вдавалась.

– Должна заметить, я поражена тем, что вы могли счесть таких женщин подходящими для службы в моем доме! Вы ничего не узнали о них, об их характерах. Вам не пришло в голову, что они могут быть

нечисты на руку? Мейбл ужасно воспитана. Убежала и оставила поднос с едой портиться у меня в комнате. А какие выражения она использует, не может даже толком сделать реверанс – я не могу рисковать, вдруг дитя начнет подражать подобному поведению!

– Мне остается только принести свои извинения. Я поговорю с ней, мадам. Девушки не обучены прислуживать господам. Да и я, боюсь, была с ними слишком мягкой. – Она глубоко вздохнула. – Но я нахожу, что с общей уборкой и стряпней они справляются вполне удовлетворительно.

– Хотелось бы мне с вами согласиться. В бордовом коридоре столько пыли – просто на удивление! Мало того, я даже обнаружила на лестнице *опилки* – откуда бы им там взяться? У некоторых ковров вид такой, словно их вообще никогда не выбивали, и я не могу понять причины – ведь детская комната в идеальном порядке.

Миссис Холт резко вскинула голову.

– Детская?

– Да. Это единственная комната, о которой, слава богу, можно не беспокоиться. Она полностью готова для моего ребенка.

Миссис Холт смотрела на нее с подозрением.

– Тут, как мне кажется, какое-то недоразумение. Девушки редко заглядывают в детскую.

– Ошибаетесь, миссис Холт. Они даже стерли пыль с лошади-качалки и накрыли кукольный стол к чаю.

– Боже правый, – миссис Холт покачала головой. – Я и знать ничего не знала. Хелен все повторяла, что боится той комнаты. Вся мебель в ней была покрыта чехлами от пыли.

– Но не сегодня. Идемте, я вам покажу. – Элси встала.

Миссис Холт тоже поднялась, придерживая звякающие ключи на поясе.

– Я и сама туда почти никогда не захожу, – призналась она. – А ведь «людская» лестница ведет почти прямо туда. Вы не против?

– Нисколько. Мне ничуть не трудно подняться по лестнице для слуг.

Элси расхрабрилась, но ей пришлось пожалеть о своем решении. На лестнице не оказалось места для ее кринолина. Он смялся и обвис тяжелым хвостом, который приходилось подтягивать со ступени на ступень.

Наконец они добрались до лестничной площадки, мимо которой днем Элси проходила с Сарой. Следом за экономкой Элси подошла к двери. Ее вновь охватило неприятное чувство, напряжение, не позволявшее ей двигаться. *Это всего лишь детская*, твердила она себе. *Плакать не из-за чего.*

Побряцав ключами на поясе, миссис Холт, сунула один в замочную скважину. Замок щелкнул.

– Но здесь было не заперто, когда... – Этого не может быть. Этого просто не может быть.

От солнечной, до мелочей отделанной комнаты не осталось и следа. Окна были занавешены обтрепанными тряпками, пропускающими лишь немного света. Не было кукол. Не было коврика. Осталось несколько ящиков для игрушек, но все они были покрыты толстым слоем вековой пыли. Огромные белые полотнища, такие же как в мансарде, приподнимались в тех местах, где прежде стояли лошадка и колыбель. Каминная решетка была съедена ржавчиной, как и кровать.

Миссис Холт безмолвствовала.

– Я... это совсем не... – у Элси было множество слов, готовых сорваться с языка, но она никак не могла произнести ни одно из них. Как это могло произойти? Склонившись над колыбелью, она приподняла холст. – Вот здесь, на этом самом месте, стояла чудеснейшая...

Она ахнула. Материя соскользнула на пол, и по комнате разнесся гнилостный камфарный запах. Остов колыбели был на месте, но нежные драпировки выцвели и были изъедены молью.

– Не кажется мне, что девушки здесь много трудились, – осторожно подбирая слова, сказала миссис Холт. – Печальное это место. С тех пор, как малюток не стало, его открывают только раз в несколько месяцев, чтобы проветрить.

Элси ошеломленно глядела на нее. Та детская была, она была великолепа. Нельзя представить себе то, что она видела. Сара тоже была здесь – она даже качнула лошадку.

– Что... что вы сказали? Малютки?

Миссис Холт всколыхнулась, при этом связка ключей зазвенела.

– Да, Господи помилуй их.

– Чьи малютки?

– Чьи же – хозяйина и хозяйки. Родителей мастера Руперта. Он был третьим ребенком – по крайней мере, так говорили.

Элси прислонилась к колыбели. Та заскрипела.

– Вы знали родителей Руперта? До того, как они умерли?

– Знавала, мадам, знавала, – экономка печально понурилась и будто мгновенно постарела. – Я служила у них в Лондоне. Совсем девчонкой я тогда была. Видела, как появился на свет мастер Руперт.

Севшим от волнения голосом она продолжала.

– Он... он был у них первым из младенцев, кто родился не в Бридже. А другие-то умерли, как они говорили, еще до переезда. Да ведь оттого-то они и перебрались в Лондон, – миссис Холт отвернулась. – Представьте, каково это, жить в доме, где потерял родное дитя.

– Другие дети *умерли*? – Элси посмотрела на полуразвалившуюся колыбель и почувствовала дурноту. Она отпустила край, и пустая кровать качнулась. Боже, что за наследство досталось ее ребенку: нервная мать и детская комната, видевшая смерть.

– Миссис Холт, я совершенно не хочу вас расстраивать. Но, – она нерешительно шагнула к экономке, – вы одной из последних видели моего супруга живым. Никто так и не рассказал мне, от чего и как он, собственно, умер. Он не писал мне, что болен. Что с ним произошло так внезапно?

Миссис Холт извлекла носовой платок и промокнула глаза.

– Ах, мадам. Нас всех это просто потрясло. Он казался бодрым и здоровым – разве только что-то его заботило. Мне казалось, что он не спал... Но подумать нельзя было, что он вот так помрет в одночасье!

– Продолжайте... – Элси затаила дыхание.

– Нашла его Хелен. Завизжала так, что я до гробовой доски не забуду. Ужас меня пробрал до костей от ее визга.

– Но *как*? Как он умер?

– Мирно, мадам, на этот счет не волнуйтесь. Мирно. В постели, лежа под одеялом.

– Не в *моей* постели?

– Нет, нет. Другая спальня, соседняя. Коронер определил, что это сердце. Сказал, что бывает такое, мгновенно. Ходит себе человек всю жизнь с больным сердцем и знать об этом не знает, покамест... ну, словом, *не знает*.

Так значит, сердце, бывшее таким горячим и любящим, сожгло себя дотла. Она вздохнула.

– Надеюсь, ему не было больно. Я заметила у него на лице занозы. Вы не знаете, откуда они могли взяться?

Миссис Холт недоуменно сощурилась.

– Занозы? Не знаю, мадам. Бальзамировщики, конечно, могут учудить что-то странное. Но когда Хелен его нашла, никаких следов борьбы мы не заметили. Внезапный приступ, вот что это было. Лежал с открытыми глазами, – из ее собственного глаза выползла слезинка и потекла вниз по морщинке, как по руслу. – Я увидела, что у него глаза открыты, мадам, и закрыла их. Господи, помилуй нас, грешников, что же это за жизнь такая.

– Жизнь, очень жестокая к Бейнбриджам, – Элси ненадолго задумалась. – Но миссис Холт, вы говорите, что присутствовали при рождении Руперта в Лондоне. А как вышло, что вы оказались тут?

Та потеряла глаза и, потупив взгляд, сложила носовой платок.

– Это господин постарался.

– Отец Руперта?

– Да. – Экономка замаялась, и Элси показалось, что она с особой тщательностью подбирает слова. – Он был ко мне равнодушен. Я ему помогала ухаживать за госпожой. Она тяжело доживала, бедняжка, да так после родов до конца и не оправилась. Перед самой... перед тем, как мы ее потеряли, она вдруг стала заговариваться, лепетала странное про этот дом. Все бормотала, бывало, что-то, и так... страшно тоскливо.

– Странное? Что вы имеете в виду?

Миссис Холт замотала головой.

– Не знаю, как объяснить. В этом смысла-то большого не было. Помню, часто говорила про эту детскую и лошадку. Всякую чепуху. Но после того, как она отошла, хозяина тоже начали одолевать эти мысли. Говорил, что супруге его легче будет покоиться с миром, если кто-то станет присматривать за лошадкой. – Уголки ее скорбного рта приподнялись в слабом подобии улыбки. – Я не хотела ехать. Не хотела бросать маленького Руперта – он тогда только учился ходить. Но хозяин сумел-таки меня уговорить.

– Каким образом?

Экономка чуть усмехнулась.

– Лестью. Лестью и подкупом, чем же еще? Для молоденькой девчонки вдруг получить место экономки, домоправительницы – от такого шанса не отказываются. Особенно если думаете о том, как будете содержать свою мать в старости. Человек он был твердый, непростой, мистер Бейнбридж, но тут сказал удивительную вещь. До смертного одра ее не забуду. «Дому нужен кто-то юный и невинный, – сказал он мне. – Кто-то неиспорченный. Не озлобленный. Этим ангелом должны стать вы, Эдна». Глупость какая-то, верно? Но меня это тронуло. С того дня я из кожи лезла. Старалась быть тем ангелом, каким он меня считал.

Элси опять прикусила нижнюю губу. Кожа горела и саднила.

– Нет. Это не глупость. Но почему после смерти отца Руперт не приехал и не поселился здесь с вами? Это было бы логично и естественно.

– Я была бы этому рада, – миссис Холт растроганно смотрела на очертания лошадки под покрывалом. – Но его забрали родственники со стороны матери. Горожане. Им недосуг было разъезжать по деревенским имениям.

– Но за столько времени! Неужели им не было любопытно хоть краем глаза взглянуть на дом?

– Нет, это же была родня его матушки. Они знали, что здесь умерли остальные бедные крошки, да и ее слова про это место помнили. Думали, что она бы им не простила, привези они сюда ее дитя.

Просто удивительно, даже нелепо, думала Элси, что за все эти годы никто так и не заявил права на эту собственность. Никаких дальних родственников, даже седьмой воды на киселе.

– Поразительно, до чего несчастливо может быть одно семейство. Трое детей, и никого не осталось.

Миссис Холт шумно прочистила горло.

– Не считая...

Не считая ее собственного ребенка. Элси положила на живот руку. Тошнота возобновилась.

– Я очень рассеянна, миссис Холт. Заболталась с вами о семье Руперта и совсем забыла об истинной цели своего визита. А ведь я пришла сказать, что Мейбл поранила ногу. Она помогала мне в мансарде.

– В мансарде, мадам?

– Да. Это второе, о чем я забыла. Я должна поблагодарить вас. Это очень любезно – не успели мы с вами поговорить об этом, а вы сразу написали и вызвали подмогу. Но, боюсь, придется вызывать этого человека повторно. Дверь захлопнулась, и ее снова заклинило.

Миссис Холт воззрилась на Элси так, словно увидела у нее на плечах вторую голову.

– Я ничего не понимаю...

– Дверь, – терпеливо повторила Элси. – Дверь в мансарду. Вы вызвали кого-то из Торбери ее отпереть, а она снова закрылась. Нужно, чтобы вы написали им еще раз.

– Но... но я не могу. Думаю, тут какая-то ошибка...

– Боже правый, да почему же? Неужели так трудно вызвать нужного человека еще один раз?

Миссис Холт съежилась.

– Дело в том, мадам, что я не писала в Торбери Сент-Джуд.

Бридж, 1635

Нечаянная радость – удачный повод, чтобы начать мой новый дневник! Джосайя вернулся домой раньше обещанного и принес чудеснейшую новость.

Джейн выкладывала завитками короткие волосы, обрамлявшие мой лоб, когда до нашего слуха донесся стук со стороны моста.

– Погоди, – сказала я. – Послушай. Это Джосайя.

– Не-ет, это никак не может быть мастер, еще не время. Он вернется только к концу будущей недели.

– Это он, – настаивала я. – Я уверена.

Джейн смерила меня одним из тех взглядов, к которым я давно привыкла. Ее рука, прижатая к боку, шевельнулась, словно хотела сотворить древний знак, оберегающий от ведовства. Но моя горничная не проронила ни слова, а я вскочила и поспешила из спальни в летнюю гостиную. На улице все заволочло туманом. Я всматривалась в окно, уверенная, что все еще слышу его: это стук сердца моего супруга. Сквозь пелену проглянуло цветное пятнышко. Чтобы лучше разглядеть, я прижалась лбом к стеклу. О да. В тумане и впрямь

мелькал, то утопая в нем, то снова показываясь, крохотный сине-желтый прямоугольник. Наш вымпел.

Биение усилилось и превратилось в топот конских копыт.

– Я так и знала! – воскликнула я, возвращаясь в свою комнату. – Там внизу герольд. Поторопись.

Джейн так и подпрыгнула, будто испуганная зайчиха.

– Слушаюсь! Боже правый...

Она накинула мне на плечи широкую кружевную накидку и натянула на рукавники из тонкого полотна.

– Сбегаю, предупрежу на кухне. Или вы желаете, чтобы я сперва закончила с вашими волосами, миссис?

– Нет, сейчас не время. Джосайя хочет побеседовать со мной безотлагательно, – Джейн отвела глаза. – То есть, я предполагаю, что он захочет этого. Так часто бывает.

Я старалась скрывать от Джейн свой дар, поскольку девушка пугалась всякий раз, когда он проявлялся. Не скрою, это в самом деле необычно – я всегда что-то слышала, что-то чувствовала. Но в том, что я читаю мысли Джосайи, нет волшебства – разве что сама любовь это чары. Я просто знаю его, как самое себя.

После ухода Джейн я тоже не стала засиживаться в спальне. Еще раз бросив взгляд в зеркало и убедившись, что все ленты на месте, я выбежала в коридор и торопливо, перескакивая через две ступени, спустилась по лестнице. На первом этаже я задержалась и крикнула Гетте, что приехал папенька. Следовало бы заглянуть к ней, взять с собой, но я не желала делить Джосайю ни с кем.

По моему распоряжению слуги разожгли в столовой камин. Отблески света играли на гобеленах, выхватывая из темноты золотые нити. Я подумала, что с дороги Джосайе не помешает подкрепиться, и позаботилась о том, чтобы его ожидало вино с пряностями, множество тарелочек с его любимыми угощениями – хлебом, сыром, холодным мясом – и блюдо с пирожными. На нашем новом столе из красного дерева все это выглядело весьма аппетитно. Однако, стремительно ворвавшись в столовую (с дублета во все стороны летели капли дождя, от шерстяного плаща поднимался пар), мой супруг не обратил внимания на еду. Подойдя прямо ко мне, он взял меня обеими руками за талию и легко приподнял в воздух.

– Рад встрече, любовь моя! – он опустил меня на пол и поцеловал в губы. – Ну-ка, сумеешь ли ты угадать, почему я вернулся?

– Хорошие новости при дворе, я полагаю. Я никогда прежде не видела такой широкой улыбки на вашем лице.

Его глаза блеснули.

– На то есть веская причина, Анна. Ты и в самом деле не догадываешься? – я отрицательно покачала головой. – Он приезжает. К нам приедет король!

Должно быть, я побледнела, потому что Джосайя от души рассмеялся.

– Не *сейчас*, душенька. У тебя будет довольно времени, чтобы подготовиться. Король и королева останутся здесь на одну ночь по пути в летнюю резиденцию.

На мгновение я онемела и только схватила Джосайю за руку, облаченную в перчатку.

– Благословенный Боже. Это... замечательно. Большая честь. Мы ведь так к этому стремились. Как, как вам удалось?

Неужели помогли лепестки хризантемы, которые я добавила ему в вино на удачу? Или лавровый лист, положенный ему под подушку – для обострения интуиции? Ибо, пока Джосайя не жалея сил пытается поднять положение нашей семьи при дворе, я тоже тружусь у себя в кладовой. Я, в отличие от многих, знаю цену могуществу растений.

Еще посмеиваясь, он стянул с рук перчатки и сел к столу.

– Мы добились этого сообща, Анна. Я говорил тебе – дом это только начало.

Он *действительно* говорил мне. С тех пор, как мы скопили достаточно средств на постройку большой загородной усадьбы, Джосайя не раз повторял, что Бридж послужит процветанию нашего рода. Я и не подозревала, что это произойдет так скоро.

Джосайя взял ломоть хлеба и откусил от него.

– Теперь у нас будет имя. Этим летом они проведут у нас одну ночь, но как знать, что случится через год? Если я получу титул, то... Быть может, нас пригласят ко двору на Рождество. Быть может, королева почувствует к тебе особое расположение и соблаговолит приблизить к себе.

Даже в самых смелых мечтах я о таком даже не задумывалась.

– Если король оценит тебя по достоинству, то мне больше нечего желать.

– Не обуздывай свои мечты, Анна! – он схватил графин с вином. – Даже представить невозможно, как высоко мы можем взлететь. Мы повезем туда мальчиков – покажем, какие превосходные, рослые у нас сыновья. В один прекрасный день из них могут выйти отличные постельничие короля или церемониймейстеры.

– Ты полагаешь, король оценит их по достоинству?

– Кто знает? Нет предела успеху, которого может добиться титулованное семейство. Со связями моей матушки и твоей сноровкой мы способны сотворить себе доброе имя. Посмотри на Вильерсов!

– Нет, – резко бросила я. – Нет, мы не станем подражать Вильерсам. – Муж перестал жевать и взглянул на меня вопросительно. Я натянула жалкую улыбку. – Вспомните, что случилось с герцогом^[5].

Джосайя бросил на тарелку надкушенный хлеб. Крошки в его бороде задрожали.

– Не волнуйся, Анна, я не намерен становиться вторым герцогом Бекингом. Не думаю, что в Англии найдется еще хоть один чванливый и безмозглый глупец, подобный ему. Я лишь хотел сказать, что он сумел пробиться. Ничтожество по рождению, он к моменту гибели стал богаче самого короля. Все возможно. И мне кажется, что наш долг – сделать все, что в наших силах, для мальчиков.

– Я сейчас же напишу им и сообщу новость. О, и им потребуется новое платье! Одному Богу известно, насколько они успели вырасти. Нужно будет снять с них новые мерки.

Джосайя хмыкнул.

– Я могу написать пьесу, чтобы они выступили перед королевой на маскараде!

Я всегда мечтала увидеть это пышное зрелище – придворный бал-маскарад с театральным представлением. Говорили, что там выступает и танцует даже сама королева, наряды которой блещут особой роскошью.

– О, я так и вижу Джеймса стоящим на сцене и декламирующим стихотворение.

– И Гетта – ее мы нарядим нимфой...

Джосайя кашлянул. Отхлебнув вина, он заговорил не сразу.

– Я пока не решил, какую роль хотел бы отвести в этом визите Генриетте Марии.

У меня сжалось сердце, как всегда, когда кто-либо заговаривал о моей дочери. Джосайя никогда не зовет ее домашним именем Гетта – он признает только официальное Генриетта Мария.

– О чем это вы? Разве она не будет участвовать в нем вместе с мальчиками?

– Пока мы еще прощупываем пути к королевской чете, стремимся произвести наилучшее впечатление... Лучше было бы не привлекать внимание к ее небольшому... отклонению.

Меня охватило тошнотворное чувство вины. Я старалась сдержаться, чтобы не ответить чересчур поспешно и резко. Но, конечно, не сдержалась.

– С ней все в порядке!

– Ты сама знаешь, что это неправда.

Меня охватил панический страх – я вдруг исполнилась уверенности, что он каким-то образом читает мои мысли. Читает правду.

– Не понимаю, как это может отразиться на ее участии в визите. Она наша дочь. И ей потребуется поддержка и помощь в будущем не меньше, чем мальчикам.

– Я подумаю над этим. – Настроение у Джосайя изменилось стремительно, как облака в ветреный день. Его глаза потемнели от нахлынувшего желания.

– Довольно. Иди, сядь рядом со мной. Господи, Анна, как же я скучал по тебе.

* * *

При первой же возможности я побежала к Лиззи. Когда-то она вынянчила меня, а потом была няней всех моих детей. Она была свидетельницей всех сколько-нибудь значительных событий моей жизни. Мне не терпелось поделиться с ней радостью, этим высочайшим достижением. Но она лишь ужасно огорчила меня.

Я нашла Лиззи и Гетту склонившимися над книгами в классной комнате. *Классная комната*, как я ее назвала, на самом деле куда

больше походит на обиталище двух фей. Все поверхности, какие можно, тесно заставлены растениями в горшках и горшочках. Из стоящих наверху корзинок по книжным полкам стелются побеги плюща и барвинка. В клетке весело чирикает ручной воробей Гетты. Такая обстановка не способствует размышлениям и сосредоточенности, но Гетта отказывается заниматься, если ее не окружает со всех сторон растительность.

Сегодня они читали «Полный травник» Калпепера, ее любимейшую книгу. Неужели такой ее интерес к миру природы может быть случайным совпадением? Нет – с такими-то глазами! Они у нее необычного цвета: коричневый, зеленый и желтый смешаны, как в настое из трав. А эти волосы! Рыжевато-красные, всех оттенков буйной осенней листвы.

Лиззи сразу поднялась мне навстречу, но Гетта, как обычно, лишь застенчиво улыбнулась одними губами. В этом, конечно же, нет ее вины – лишь моя. Неверная оценка, неловкое слово. Ребенок не несет ответственности за мои ошибки.

– Гетта, душа моя, – заговорила я. – Ты не хочешь отдохнуть, порисовать что-нибудь? Мамочке нужно переговорить с Лиззи.

Девочка покорно встала и отошла к окну. Взяв бумагу и карандаши, она села, глядя на пустую страницу.

– Будет рисовать цветы, – со смешком предположила Лиззи. – Всегда только цветы.

Уютно устроившись в кресле-качалке, она поправила на плечах черный воротник с рюшами.

– Посмотрите на нее! Вы замечаете, как с каждым днем все больше проступает сходство с Мэри?

Для меня, конечно, это не является неожиданностью. И все же немного странно видеть черты моей дорогой покойной сестры в этой робкой, молчаливой девочке. В Мэри всегда кипела жизнь.

– Поистине примечательное сходство.

– Но вы хотели о чем-то поговорить со мною наедине? Что нового?

У меня на губах показалась, наконец, улыбка.

– Ах, Лиззи, у меня чудесные новости. Я самая счастливая среди смертных женщин.

Няня заулыбалась, как всегда, когда видела, что я счастлива.

– Что же это, дитя? Уж не... – она быстро взглянула на мою талию. – Нет, не то. Одного чуда довольно.

– Нет! – я разгладила складочку на корсаже. – Намного лучше. Джосайя дома. И велел мне готовиться. Летом нас посетят король и королева! Они приедут сюда!

Улыбка замерла у нее на губах.

– Сюда? Король с королевой?

– Да! – Гетта у окна начала рисовать, склонив головку к плечу. Я понизила голос. – В чем дело, Лиззи? Почему у тебя такой несчастный вид?

Старушка сжала мне руку, ее костлявые пальцы впились мне в ладонь.

– О, я рада за вас, моя милая. По крайней мере, думаю... – она покачала седой головой. – Могу я сказать вам правду?

– Всегда.

– Я боюсь, что деревня плохо их встретит.

Деревня. Об этом я не подумала. Жители Фейфорда, угрюмые, с поджатыми губами, в своей странной клетчатой одежде. Я не питала к ним симпатии. Когда мы приобрели здесь землю и начали строить Бридж, я предложила работникам примочки для их потрескавшихся рук. Они отвернулись с неприязнью и недоверием. Эти люди боятся того, что я разбираюсь в травах, они смотрят косо, и я с тех пор тоже держусь от них подальше. С таким талантом, как у меня, нужно проявлять крайнюю осторожность. Лживые наветы способны принести вред куда худший, чем можно представить.

– Крестьяне могут быть непочтительны с дворянами, Лиззи, но со своим королем?..

– Только не эти крестьяне. Они не уважают этого короля. Вы никогда не задумывались, отчего они не принимают нашу семью? Ваш муж служит королю, который налогами и податями выжимает из них все соки, и все боятся, что скоро он опять введет корабельный налог.

– Фу! Этот налог к нам не имеет отношения! Мы живем не на побережье.

– Налог на *речные* суда, – у Лиззи печально поникли плечи. – Такое предложение было внесено. Можете вообразить себе такое? Я боюсь подумать, что начнется в деревне, если это случится. Как бы они не осыпали его величество тухлыми овощами.

– Они не посмеют! Перестань, Лиззи, ты меня пугаешь.

– Я всего лишь сказала правду.

– В таком случае придется мне найти такой путь, чтобы король со свитой оказались здесь, минуя Фейфорд. Хотя, говоря по чести, я все же не понимаю. Эта деревня принадлежит королю. Это *его* страна, – карандаш Гетты перестал порхать над листом. Я перевела дыхание и продолжила: – Я предвижу, что король не станет вводить дополнительный корабельный налог, Лиззи. Он не настолько нуждается в деньгах. Джосайя только что рассказал мне про новый потолок, который расписывают сейчас в Пиршественном зале, и о проекте перестройки дома королевы в Гринвиче.

– О да, – горько бросила няня. – Он не жалеет денег на свои прихоти. Оттого-то люди так и злы на него.

Я вдруг словно увидела ее в новом свете.

– Звучит так, будто ты и сама думаешь, как пуритане из Фейфорда, Лиззи.

– Не могу сказать, что меня приводит в восторг мысль о том, что сюда явятся все эти придворные. Вы же знаете, – прошептала она, – что она – папистская ведьма.

– Лиззи!

Гетта посмотрела в нашу сторону. Я опустила голову и заговорила тише:

– Королева, может быть, и католичка, но она не ведьма. Ты не должна говорить подобные вещи. Разве ты не знаешь, что наша дочь названа в честь королевы Генриетты Марии?

– Мне это не по душе, – повторила Лиззи. – Она в нашем доме, распевая свои папистские заклинания и несущая всякую ересь. Особенно при том, как восприимчива наша девочка.

– Что ты пытаешься сказать? Гетта не дурочка, она просто немая. Она не продаст душу Папе только из-за того, что полюбуется на красивую католическую королеву.

– Пусть так. Невинное дитя в этом доме! И – король! Да вы, верно, и сами знаете, что поговаривают люди о нем и герцоге Бекингеме.

– Не понимаю, как эта сплетня...

– Да как же это вынести? Папистка и содомит под одной крышей с нашей драгоценной девочкой.

– Довольно! – я так резко поднялась, что стул закрипел. Гетта замерла, покачивая карандашом над бумагой. – Придержи язык, Лиззи, – прошипела я. – Я не потерплю таких речей в своем доме. Он – твой король. Будь любезна отзываться о нем с почтением.

Лицо Лиззи погасло.

– Слушаюсь, миссис.

Вот и опять я сделала это. Я держалась с ней, как с другом, а потом вмиг отбросила, низвела до положения прислуги. Всегда я творю одно и то же, прекрасно зная, как ее это обижает. Но если вдуматься, что еще я могла ей сказать?

Мы зависим от короля. Джосайя принадлежит к хорошему роду – его матушка была вдовствующей графиней, прежде чем повторно вышла замуж за его нетитулованного отца – но только расположение короля способно вернуть Бейнбриджам имя. Только король может наградить моего супруга рыцарским званием, о котором он так мечтает. Я не могу, *не могу* допустить, чтобы кто-то из моих домочадцев распространял изменнические слухи. Совсем недавно, в прошлом году, я слышала о человеке, которому отрезали уши за то, что он критиковал королевскую чету. Не хочет же Лиззи, чтобы я сидела сложа руки и ждала, когда нечто подобное случится с ней?

Бридж, 1865

Их было двое.

Элси переводила взгляд с одной фигуры на другую, пытаюсь прочесть объяснение на непроницаемых деревянных лицах. Первая улыбалась ей коварной улыбкой маленькой девочки. Второй незваный гость, был мальчиком, одетым, как крестьянин в поле. Он был немного повернут направо и стоял, опираясь на пастушеский посох. Черные волосы, торчавшие из-под шапки, обрамляли его смуглое, темное лицо.

– Кто ты? – спросила Элси вслух, точно он мог ответить.

Было в этом мальчике что-то неприятное. Он не вызывал доверия, казался дерзким, беспутным.

– Откуда ты пришел?

Возможно, Хелен отыскала его в мансарде? Но нет – дверь туда по-прежнему была заклинена. Или нет? У Элси голова шла кругом. После необъяснимого происшествия с детской комнатой она ни в чем не могла быть уверена.

Элси быстро поморгала несколько раз и протерла глаза, будто надеялась, что чернявый паренек растворится в воздухе и останется только девочка с цветами, стоящая у окна. Но надежда не оправдалась: фигура не исчезала.

Растерянная Элси повернулась к ней спиной и побрела к лестнице. Она еще никому не рассказывала об этом новом компаньоне – хотела сначала все проверить. Хватит и одного раза, когда она выставила себя дурочкой перед миссис Холт.

А что, если скорбь дала ей способность *видеть*? Потрясение подчас странно воздействует на разум – многие говорят об этом. Но после всего, что ей пришлось вынести, смерть Руперта вряд ли смогла бы настолько выбить ее из колеи.

Элси взлетела по лестнице, не обращая внимания на вздымающиеся юбки. Она не обратила внимания и на тонкий налет опилок на ступенях. Сейчас она не думала о прошлом, сосредоточившись на насущном деле: надо пойти в библиотеку, написать письмо и вызвать рабочего, чтобы он привел, наконец, в порядок эту мансарду.

Библиотека была на втором этаже и занимала первую комнату по коридору, уходившему от ее спальни в глубь дома. Элси до сих пор еще не потрудилась туда заглянуть. В ее представлении библиотека была вотчиной мужчин, особым местом, где воздух напитан табачным дымом и глубокомысленными раздумьями.

Эта дверь отворилась без всяких затруднений – мягко и плавно скользнула над вытертым ковром, не задев его. Элси ступила через порог и поежилась. Ей показалось, что она входит в могильный склеп. Как и подобает склепу, библиотека встретила ее холодом и затхлостью, к которой примешивался еле уловимый запах перегноя.

Она отдернула с трех окон длинные, до пола шторы, чуть не задохнувшись от поднявшейся пыли. В комнату прокрался жемчужно-серый свет. Деревья за окнами выглядели совсем обтрепанными. Огненно-рыжие листья слетали с ветвей и один за другим падали на

гравий. Клумбы заполонил чертополох. Приближение зимы ощущалось все отчетливее.

Спохватившись, Элси обернулась к двери. По-прежнему распахнута – что ж, хорошо. Значит, она не сходит с ума. А ее ознобу есть понятное объяснение: справа от нее нетопленный камин, из которого так и тянет холодным воздухом.

При открытых шторах Элси рассмотрела комнату и обнаружила, что она совсем иначе ее себе представляла. Библиотека – пожалуй, слишком громкое название для такой комнатенки с нишей в одной из стен и пятью-шестью книжными полками, стоящими вдоль другой. В нише лицом к камину стоял величественного вида полированный письменный стол с лампой под зеленым абажуром.

Элси подошла и села. Кресло оказалось божественно удобным – такое облегчение для немеющих от усталости ног и спины.

Она скользнула глазами по поверхности стола. Чернильница открыта, рядом в стаканчике несколько перьев. Руперт. Он сидел здесь, с пером в левой руке. Его ноги касались гладкой, поскрипывающей кожи этого кресла, но оно не сохранило тепла его тела.

Элси страшно не хватало мужа. Она безумно по нему тосковала – и ненавидела его. Как он мог бросить ее одну? Он, ставший ее избавителем, ее наградой, богатый человек, чудом оказавшийся на фабрике и любивший ее, во всех отношениях неровню себе. Жизнь без него невыносима. Она не выдержит, не сумеет вырастить дитя, не справится с одолевающими ее воспоминаниями. Она нуждается в нем.

Ничего не видя от застилающих глаза слез, она стала вытаскивать один за другим ящики письменного стола. Скрипели металлические ползки, гремели бронзовые ручки. Ей нужно было чем-то себя занять, например, написать кому-то о дыре в полу мансарды. Это серьезное дело, ремонт необходимо произвести прежде, чем появится на свет ее дитя – иначе они не смогут жить в Бридже.

Из ящичков разлетались ворохи бумаг. Она еще просмотрит их все, чтобы разобраться и понять, насколько серьезную перестройку планировал Руперт. Чудовищную детскую придется переделывать полностью – в этом у нее не было сомнений. Элси подумала даже о том, чтобы переместить ее – сама мысль о том, что ее собственный младенец будет жить в той же комнате, где умерли брат и сестра Руперта, казалась невыносимой. Здесь достаточно места, чтобы

обустроить дневную детскую и отдельную спальню для ребенка, не говоря уже о...

Рука Элси замерла.

В глубине ящика будто что-то мигнуло. Она наклонилась, чтобы посмотреть поближе. Вот, опять – искорки по всей зеленой обивке. Элси сунула руку глубже и нащупала бархатный мешочек. Вытащила его на свет и положила на стол.

Мешочек выглядел старым, но не ветхим. Время не изуродовало его, скорее пошло на пользу. Он был неплотно затянут завязками, горловина была приоткрыта из-за свернутого в трубку торчащего листа бумаги. Элси не колебалась: она шире раскрыла мешочек и вытряхнула на стол его содержимое.

Блеск заставил ее невольно отшатнуться и вжаться в спинку кресла. Перед ней свернулась в кольцо окрашенная радугой змейка. Элси протянула палец и потрогала ее, даже сквозь перчатку ощущая тяжесть и твердость драгоценных камней.

– Не может быть, – беззвучно прошептала она. Но оно ей не мерещилось: тяжелое бриллиантовое кольцо.

Камни играли, отражая свет под сотнями разных углов, горели холодным белым огнем. Бриллианты кристаллами льда покрывали кольцо до самой центральной части, где ограненные камни образовывали мерцающую дугу. С нее свисали три огромные грушевидные капли, каждая из них на вид была дороже всего этого дома.

Завороженная, Элси положила кольцо на стол и долго не сводила с него глаз. Оправа выглядела старомодно, но камни были безукоризненны. Она не замечала в них ни единого пятнышка или облачка – лишь этот жаркий белый огонь, который сходил на нет на гранях, уступая место цветным вспышкам.

Но есть же еще свиток. Что в нем? Элси развернула и разгладила бумагу.

Дражайшая моя жenuшка!

Подобно магу, я взмахнул своей палочкой, и – вот! Взгляни, что прибыло из банковского сейфа в Торбери Сент-Джуд!

Я живо представляю восторг на твоём милом личике, когда ты откроешь эту посылку. Ты и не предполагала, что у семьи, в которую ты вошла, есть такие фамильные реликвии, верно? На протяжении веков бриллианты Бейнбриджей передавались из поколения в поколение. Легенда гласит, что сквайр выловил их в реке, на простую удочку! После смерти моей матушки отец спрятал их, и я с тех пор не видел коле. Как же прелестно оно будет смотреться на твоей изящной шейке! Я жалею лишь о том, что не успел доставить его к нашей свадьбе.

Я убедился, что ремонт Бриджа потребует намного больше усилий, чем мы полагали. Кроме затрат на смену обстановки и работы в саду – а это уже немало – боюсь, что придется нанять крысолова. В последние несколько ночей я не раз просыпался от ужасного шума, который несся с мансардного этажа. У экономки нет ключа, а я попытался взломать замок, но преуспел лишь в том, что поранился. Закончив это письмо тебе, я непременно пошлю за слесарем и разберусь с тем, что там происходит. Если кошка не одолеет вредителей, я вынужден буду нанять человека.

Будь покойна – я не допущу, чтобы ты вошла в дом до тех пор, пока он не будет готов принять тебя и нашего милого, еще незнакомого крошку. Я скучаю по вам обоим и с большим нетерпением ожидаю твоего следующего письма.

*Твой навек,
Руперт*

Руки у нее ходили ходуном. Лист бумаги задрожал. Но Элси разразилась слезами только когда случайно надорвала бумагу.

Бридж, 1635

Я всем сердцем жду первых признаков весны. Весь Великий пост простояла сырая холодная погода, а на Пасху паводком затопило церковь. Джосайя пишет, что при дворе празднование отложили до Троицы. Сказать по правде, я их не осуждаю. Стоят дни, больше похожие на бесконечно долгие, тоскливые ноябрьские вечера, чем на весну. Одному Господу известно, как мне быть и что желать, если к

апрелю положение не исправится. Если Его величество не сможет поохотиться в лесах, а у королевы не будет возможности насладиться играми и развлечениями в парке, нас ждет полный провал.

Сегодня, впервые за долгие недели, я сумела пройти по нашему английскому парку. Светило солнце, но в небе не слышалось пения жаворонка, на деревьях не щебетали птицы. Моя Гетта хлопотала в своем аптекарском огороде, где она выращивает травы. Прелестная в своей соломенной шляпке, она была поглощена работой, обстригая ножничками сухие стебли – чик, чик – и давая свободу травяным насыщенным ароматам. Я с удовольствием наблюдала за ней. В тени она походила на лилию, с ее нежной бледной кожей и тонкими голубыми прожилками вокруг глаз. Какое хрупкое, изящное дитя: будто фарфоровая копия моей сестрички Мэри.

Я всеми силами противилась тому, чтобы запах трав пробудил во мне воспоминания, и все же мне не удалось совладать с собой. Прикрыв глаза, я вновь оказалась в прошлом – та самая ночь, полнолуние, травяной отвар. Я увидела смутные очертания собственного лица, отражающегося в чаше. Чувство вины еще живо, оно еще витает в воздухе, как запах прелых яблок в осеннем саду. По-видимому, я совершила ошибку, вмешавшись в естественный ход вещей, но я не сожалею об этом – нет, я не могу сожалеть *о ней*.

Гаррис, опустившись на колени, приводил в порядок клумбы, аккуратно подстригал кусты, граблями разравнивая крашенный гравий. Его разворошило сильным ветром, и я велела восстановить узоры. Также я попросила придать новые формы живым изгородям или хотя бы цветникам – ангелы и геральдические лилии для дочери Франции – но Гаррис сомневается, что успеет вырастить их до августа.

– Так купи готовые кусты, – посоветовала я, – и подстриги, как нужно.

Кажется, это показалось ему смешным. Тем не менее, он обещал постараться и сделать все от него зависящее. Но в том, что касается моих планов по посадке цветов, садовник совершенно непреклонен.

– Лилии и розы не будут расти вместе, – заявил он, выковыривая грязь из-под крючковатых ногтей. – Они не сочетаются.

– Я и сама это знаю. Нам и не нужно, чтобы они росли *вместе*, просто и то и другое должно иметься в саду. Розы для короля Англии, лилии для принцессы Франции.

– С лилиями я справлюсь. Луковицам нравится в глубине, прохладе и тени. Если, однако, погода будет слишком сырой – мы и ахнуть не успеем, как их поразит серая гниль.

– А что же розовые кусты? – осведомилась я. – Уж им-то ничто не помешает в этом году?

Гаррис с негодующим вздохом всплеснул руками, показывая, что не в его силах справиться с таким делом.

– Солнечный свет, госпожа. Им нужно яркое солнце и хорошо дренированная почва. Дайте мне все это, и я выращу вам отличные розы.

Я испугалась, что не совладаю с возмущением, но только сжала руки в кулаки и, отвернувшись, залюбовалась Геттой. Девочка прекратила работу и, стоя на грядке, смотрела вдаль на зеленеющие холмы, будто ожидая чего-то. Вокруг ее башмачков вились мелкие белые цветочки, непослушные стебли, казалось, тянулись к ней, желая обнять.

– Гетта, – окликнула я, – отойди назад, душенька, ты порвешь платье.

Она повиновалась, но не взглянула на меня. Я услышала звук ее ножничек – *вжик-вжик*. Они стригли пустоту. Стригли воздух.

– Что же до чертополоха, – снова заговорил Гаррис, – я не могу этого допустить. Это же сорняки, госпожа. Заполонят весь сад, стоит только дать им такую возможность.

– Чертополох – это символ Шотландии. Символ королевской династии Стюартов.

– Это сорняк, – повторил упрямец. – Злостный. Быстрорастущий. Он расплзается и скоро забьет все остальное. – Мне вдруг стало холодно. Что ж, погода нас пока не балует. – Если уж вы непременно желаете посадить его где-то, посадите на грядочке у маленькой мисс. Надеюсь, там он не причинит слишком большого вреда.

Я вынуждена была признать правоту садовника – насчет вреда, я хочу сказать. Возможно, *он* не в силах помешать сорняку расти, но для моей Гетты это не составит труда, я знаю. Я еще не видела ни единого растения, которое она не смогла бы вырастить, приручить, – от фенхеля и крыжовника на огороде до мать-и-мачехи и пиретрума (их девочка выращивает для лечения всевозможных наших хворей).

Садовничать учила ее я, но дочь меня превзошла. Да-да, уже превзошла меня, а ведь ей всего восемь лет от роду.

Мне иной раз кажется, будто у нее по жилам течет тот самый травяной настой, он-то и заставляет цвести все ее цветы. И от Мэри она унаследовала не только внешнее сходство, ведь моя старшая сестрица бегала тайком к знахаркам и ворожеям и меня учила их секретам.

– Гетта, Гетта, милая.

Придерживая юбки, я сквозь необрезанные ветки с трудом пробралась поближе к ней. Девочка не смотрела в мою сторону, пока я не положила ей руку на плечо.

– Я хочу кое о чем тебя попросить, – не обращая внимания на грязь, я присела на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. – Ты смогла бы вырастить у себя на грядке чертополох?

Гетта кивнула. Она непонимающе склонила головку к плечу.

Я заколебалась. Джосайя не позволяет мне упоминать при Гетте королевский визит, но он ее просто недооценивает. А я часто повторяю: она просто немая, а совсем не умственно неполноценная. Она слышит, как говорят другие люди. И заслуживает, чтобы ей объяснили, что происходит.

– Я спросила тебя об этом, потому что к нам в гости приедут король и королева. А чертополох – это один из символов короля, понимаешь?

Девочка кивнула. Ее язык – нечто розовое и бесформенное – зашевелился во рту, из горла вырвался звук, не похожий на речь, а скорее отдаленно напоминающий бляение.

Я ощутила внутри пустоту. Видеть этот язык было не более приятно, чем смотреть на нарядное платье с пятном на подоле или держать в руках письмо с поставленной на лист кляксой. В ушах ясно звучали слова Джосайи: *ее отклонение*. Мэри никогда не допустила бы такой ошибки.

Движимая чувством вины, я продолжила:

– Конечно, душенька, ты будешь помогать мне не только с этим. Ужин, которым мне предстоит угощать короля, должен быть прекрасным, необыкновенным. Мне понадобится много трав для специй: розмарин, шалфей и тимьян. Базилик и, возможно, петрушка

тоже, – перечисляя, я загибала пальцы. – Как по-твоему, ты смогла бы вырастить все это к их приезду?

На ее губах заиграла улыбка, и я воспрянула духом. Когда Гетта улыбается, слов не нужно: ее пухлые изогнутые губы и ямочки на щеках моментально берут вас в плен. Как люди могут шептать, будто она одержима, что ее немота от беса? Как они смеют даже думать так о ней?

– Хорошо, – я коснулась ее щечки. Этот ее запах, такой чудесный, сладко-цветочный, а кожа на ощупь шелковистая, словно лепестки. – Умница. Ты напишешь, что тебе нужно, и мистер Гаррис все это доставит.

Теперь, по крайней мере, я буду знать, что и она приобщится к радости этого события, какое бы решение ни принял Джосайя.

Его слова не выходили у меня из ума: *ее отклонение*. Я трудилась в своей кладовой так истово, будто с помощью ступки и пестика пыталась растереть в порошок угрызения совести, а сама видела все это снова и снова: ее язычок... Выражение лица Джосайи.

Я почти уверена, что он знает.

Прежде он никогда не боялся моей силы. Всегда принимал травы и настои на счастье без лишних вопросов. Но, глядя на Гетту, он как будто бы видит не цветок – а лишь навозную жижу под ним. Как если бы на моих руках он замечал только корку грязи.

Бридж, 1865

Ясным утром, свежим, как яблочко, они возвращались из города в экипаже, доверху набитом покупками. Меж голых веток деревьев просвечивало васильковое небо.

– Как они прекрасны. Можно мне взглянуть еще раз? – Сара протянула забинтованную руку. На белой повязке проступило пятнышко крови. Прошла уже неделя с тех пор, как Сара порезалась о компаньона, но, хотя ранка была небольшой, она и не думала заживать.

Элси отодвинула сверток.

– Осторожнее, не то нам придется возвращаться и снова отдавать все в чистку.

– Я не стану касаться камней повязкой. Видите, эта рука нужна мне лишь для того, чтобы развернуть их, – Сара разгладила материю и вздохнула, словно влюбленная девушка. – Я и не знала никогда, что в нашей семье водились бриллианты.

После чистки и полировки у ювелира в Торбери Сент-Джуд бриллиантовое кольцо заиграло ярче прежнего. Грушевидные капли горели, отбрасывая алые, белые и синие искры, сверкали в лучах падавшего из окна коляски света.

Элси отвернулась. Всякий раз при виде кольца она думала о письме Руперта, его милый сердцу голос, дошедший до нее из могилы. *Будь покойна – я не допущу, чтобы ты вошла в дом до тех пор, пока он не будет готов принять тебя.* Если бы он только знал.

– Руперт написал, что до его приезда в Бридж они хранились в банковской ячейке.

– Это меня не удивляет, – Сара облизала губы. – Я представляю своих предков, носивших это украшение... Возможно, даже сама Анна Бейнбридж, чей дневник я читаю! Эти камни могли касаться ее кожи, вздыматься и опускаться на ее груди от дыхания. Это поистине чудо, нечто непостижимое!

И снова эти предки. Каждый раз, как Сара упоминала о них, Элси ощущала новый острый укол вины: мало того, что девушка лишилась всей семьи, так еще и вдова двоюродного брата завладела ее фамильными драгоценностями. Если бы Элси случайно наткнулась на брильянты, то, *может быть*, отдала бы их Саре. Но письмо Руперта не оставляло сомнений в том, какой была его воля. И она, Элси, ни за что не расстанется с его последним даром.

– Но, миссис Бейнбридж, вы ведь не сможете носить эти украшения, пока не истечет год траура! Какая жалость. Мне хотелось бы видеть их каждый божий день.

– Я рада уже тому, что вы их *видите*. После того случая с миссис Холт я всерьез испугалась, что схожу с ума.

– Нет, это определенно не так, – заверила Сара, вновь перевязывая сверток. – Разве приказчики сегодня обращались с вами, как с сумасшедшей?

– К счастью, нет, – Элси не могла не признать, что поездка подняла ей настроение. В городской суете Торбери Сент-Джуд, среди рыночных палаток, точильщиков и кэбов, снующих на вокзал и

обратно, мрачные темы не задерживались в голове. Она побывала у столяра, каменщика и драпировщика, чтобы обсудить с ними свои планы относительно дома. Кроме того, у Сары вскоре наступал второй этап траура, так что они заказали ей новые платья, лиловое и серое. Самой Элси предстояло еще долго ходить в черном, но это не помешало и ей подобрать себе несколько новых платьев, в расчете на растущий живот.

– Я провела всю жизнь с весьма пожилой особой, – продолжала Сара. – Поверьте, я знаю признаки того, что разум начинает ослабевать.

– К ним не относятся многочисленные распоряжения по ремонту дома или уйма денег, истраченная на новые платья?

– Что вы, конечно же, нет! А если вы сходите с ума, – сказала Сара, осматривая раненую руку, – то, значит, и я тоже.

Не в силах сдержаться, Элси порывисто схватила девушку за запястье.

– Вы же *в самом деле* это видели? Кукол и игрушечных животных там, в детской?

– Да. Такие красивые! Невозможно поверить, что... – Она озабоченно сдвинула брови. – Я не могу понять. Все это словно какой-то чудовищный розыгрыш. Но миссис Холт непохожа на женщину, которая развлекается подобными шутками. Может быть, это недоразумение? Она по ошибке завела вас в другую комнату?

– Такое едва ли возможно. Откуда бы в доме взялись двум детским, одна из которых – отталкивающее и зловещее отражение другой?

– Наши с вами апартаменты – зеркальная копия друг друга, – напомнила Сара. Задумавшись, она взяла в рот кончик локона, выбившегося сбоку.

На солнце Фейфорд выглядел лучше. Раскисшая от дождя дорога подсохла, превратившись в изъезженный, с глубокими колеями тракт. Некоторые из жителей осмелились высунуть носы из своих лачуг. Элси помахала им рукой. В ответ они почтительно кланялись, но при этом Элси заметила, что они торопливо загоняют своих чумазных детей в дома, будто боясь, что она их сглазит. Что ж, при их суеверности они могли считать, что встреча с вдовой приносит несчастье.

– Сара, а что вы скажете о втором компаньоне? Его вы тоже видели?

– Цыганенок. Да, я же вам говорила.

– Вы уверены?

– Конечно. Их двое.

Но как?

Между тем они подъехали к мосту с каменными львами по обе стороны.

– Я спрошу Хелен. Но полагаю, если бы это она нашла вторую фигуру, то непременно сообщила бы мне об этом. Никогда не встречала таких нерадивых служанок.

Мимо окна проплыла сторожка, и дорога пошла под уклон, к Бриджу. По небу бежали облака, отбрасывая тени на траву. Садовники, которых она наняла, трудились в парке. Одни подстригали кусты, другие, стоя на коленях перед клумбами, выкапывали увядшие растения.

Экипаж подъехал к дому, и наконец лошади встали. В окне Элси увидела силуэты компаньонов, ожидающих в Большом холле. Двух компаньонов.

Дворецкий, никогда не улыбающийся мистер Стилфорд, открыл дверцы коляски и с энергичным клацаньем опустил лесенку. Когда ступени коснулись дорожки, он обратился к Питерсу.

– Не удивляйтесь, в конюшне вы обнаружите пополнение, мистер Питерс. Судя по всему, у лошадей появился компаньон.

Еле справившись с непокорным кринолином, Элси неловко спустилась и встала рядом с дворецким.

– Компаньон?

– О, чуть не забыла.

Развернувшись лицом к экипажу, она протянула руку Саре и вытянула ее наружу.

– Это корова, Сара. Моя воспитанница, коровка. Мы приятнейшим образом проведем время, устраивая ее на новом месте. – Элси была рада, что нашелся предлог не заходить в дом. – Вы отнесете в дом покупки? – обратилась она к Стилфорду. – А мы поспешим познакомиться с ней.

Одной рукой схватившись за Сару, а второй придерживая юбки, Элси направилась к конюшне, стараясь не наступить в грязь и навоз,

разбросанные садовниками на заднем дворе. Обветшалые хозяйственные постройки из красного кирпича располагались подковой. Краска на некогда зеленых дверях выцвела и облупилась. Стрелки часов на крыше замерли на четверти десятого. Рядом с ними ржавый флюгер вечно указывал на восток.

Корова органично вписывалась в общую картину запустения. Безучастно опустив голову, она покорно стояла рядом с мужчиной, державшим ее за веревку.

– Ах! – сорвавшись на визг, воскликнула Сара. – Мистер Андервуд ее доставил.

Это и впрямь оказался мистер Андервуд – в первое мгновение Элси не узнала его. Он был одет по-другому: твидовые брюки и пиджак, определенно с чужого плеча, висели на нем, как на вешалке. Широкополая шляпа с низкой тульей была надвинута на лоб.

– Миссис Бейндбридж. Мисс Бейндбридж, – викарий обменялся с ними рукопожатием. – Очень рад. Надеюсь, мисс Бейндбридж оправилась от слабости после нашей последней встречи?

У Сары запылали щеки.

– О да. Мне намного, намного лучше.

Когда же Андервуд улыбнулся, у нее вырвался нелепый смешок.

Так вот оно что.

– Но у вас, кажется, что-то с рукой?

Сара дотронулась до повязки.

– Да. Всего лишь царапина. Вы так любезны, необыкновенно любезны, что это заметили!

– Я очень благодарна вам за то, что доставили сюда мою подопечную, – вмешалась Элси. – Какая бедняжка. Она даже не подняла головы, чтобы взглянуть на нас. – Несчастное животное, казалось, не ожидало от жизни ничего хорошего. – Мы как следует ее откормим и вылечим. И еще нужно дать ей имя.

– Бетси, – предложила Сара, – или Дейзи.

– Бога ради, дайте же волю воображению, хоть немного. Что-то более поэтичное.

– В настоящее время животное выглядит не слишком поэтично, – заметил Андервуд.

– Напротив! Она как страждущая душа, попавшая из чистилища в настоящий коровий рай – не будет богохульством сказать так, мистер

Андервуд?

На его губах заиграла легкая улыбка.

– Тогда это... Дантова Беатриче?

Элси не знала, кто это такая, но звучание имени ей понравилось.

– Корова Беатриче.

– Что ж, надеюсь, ее ждет будущее столь же великолепное, как и ее имя.

Появился Питерс и взял веревку у Андервуда. Негромко цокая языком, он повел Беатриче в стойло. Корова пошла, оступаясь, ее разросшиеся копыта расползались на булыжниках.

– Я был искренне тронут, – сказал Андервуд, – услышав от миссис Холт о вашем желании взять эту корову. Обычно жители деревни сторонятся большого дома. Но я надеюсь, они изменят, наконец, свое отношение, особенно с наступлением зимы.

– Надо полагать! Я предложила недурные деньги за этот мешок с костями, – слова не успели сорваться с губ, как Элси пожалела, что сказала их. Это прозвучало слишком похоже на ее отца.

– Мне это известно, миссис Бейнбридж. Было очень великодушно с вашей стороны согласиться на их цену. Вы не должны осуждать их за некоторые странности в поведении. Бедняки, знаете ли, бывают порой очень горды.

Элси вспомнила девушек со спичечной фабрики, цепкие пальцы Па.

– Только не в Лондоне, – задумчиво сказала она.

* * *

Элси пригласила мистера Андервуда в дом. Ей подумалось, что было бы полезно и благотворно отвести священника в детскую. Одним своим присутствием он смог бы изгнать... что бы это ни было. То, что показывало ей и Саре картины не существующего на самом деле.

После того как слегла Мейбл, беспорядок в доме усиливался. Элси обнаружила опилки на лестничной площадке и длинные, глубокие царапины на полу, как если бы по коридору тащили тяжелые предметы. К счастью, гостиная, уютно освещенная теплыми лучами солнца, выглядела достойно.

Элси указала на обитый бледно-желтым шелком диван, предлагая Андервуду садиться. Она позвонила в колокольчик, чтобы подали чаю, не слишком, впрочем, надеясь, что кто-то отзовется.

– Чудесная комната, миссис Бейнбридж. Мне чрезвычайно нравятся эти бабочки в рамках. Но наши маленькие друзья – кто они?

Она проследила за его взглядом...

– О!

По обе стороны догорающего камина стояли компаньоны.

Но разве только что они не были... Разве не их она видела в Большом холле?

Девочка с ласковым, извиняющимся видом прижимала к груди белый цветок, словно молила о снисхождении. Но не мальчишка – он дерзко смотрел Элси в глаза с открытым вызовом.

Сара уселась в кресло напротив мистера Андервуда.

– Мы обнаружили их в мансарде несколько дней назад. Занимательные, не правда ли? По всей вероятности, наша служанка принесла их сюда.

Но зачем, скажите на милость, Хелен понадобилось это делать? Не она ли поцарапала пол, таща их по коридору?

– Тонкая работа, – отозвался Андервуд. – У них такой вид, будто они вот-вот заговорят.

Сара захихикала. Элси тоже попыталась засмеяться, но вместо смеха у нее вышел какой-то сдавленный писк.

– Мне и *в самом деле* немного одиноко в этом старом заброшенном доме. Эти фигуры – мои гости, до тех пор пока не станет возможно пригласить настоящих. Но если когда-нибудь я начну верить, что они со мной разговаривают, мистер Андервуд, даю вам свое разрешение немедленно отправить меня в Бедлам.

Викарий мягко улыбнулся.

– Какая жалость, что вы страдаете от одиночества. Мы всегда рады будем видеть вас в церкви. Заглядывайте к нам в воскресенье.

Внезапно горло у Элси перехватило от подступивших слез. Она опустила взгляд на свои руки. Впервые за свое недолгое вдовство она почувствовала, что может начать рыдать в голос, как Ма.

– Непременно буду. Я догадываюсь: то, что я до сих пор не приходила, выглядит странным, но я чувствовала себя... у меня не

было сил. Однако сегодня я получила некоторое ободрение. Когда мы проезжали мимо деревни, у жителей был довольно приветливый вид.

– Разумеется. Все это благодаря... эээ... Беатриче. Я всем поведал о том, что вы собираетесь откормить ее и отдавать им молоко. Много лет она не доилась, так как была слишком истощена. Молоко и масло существенно изменят к лучшему жизнь крестьян. Особенно это поможет детям.

– Ну, конечно. Я сделала бы куда больше, будь это в моих силах. Скажем, могла бы нанять людей, дать им работу. Вы не знаете, почему они не идут служить в мой дом? Неужели только из-за скелетов, о которых мы говорили? Миссис Холт упоминала, что много лет назад был еще несчастный случай с лакеем?

– Э-э, – Андервуд помолчал, кривя губы. – Мне кажется, это какая-то мешанина из народных сказок, суеверий и предрассудков. У меня совсем вылетело из головы захватить с собой те записи, о которых я рассказывал, миссис Бейнбридж, но, как я отчетливо помню, в них говорилось о ведьме – и это полный вздор.

Заинтересовавшись, Сара подалась вперед.

– Возможно, речь идет о той особе, чей дневник я читаю! Анна Бейнбридж, одна из моих предков. У нее был талант: она хорошо знала травы и готовила настои, на счастье и удачу. Судя по всему, она и сама верила, что наделена неким даром. Неужели в деревне всерьез считали ее ведьмой?

Мистер Андервуд вздохнул.

– Это очень вероятно, миссис Бейнбридж. Люди тогда были не такими здравомыслящими, как в наши дни. А вашему семейству не везло со слугами. Несколько человек погибло от несчастных случаев, а деревня, разумеется, стремится найти виновного и кого-то осудить... – Он неопределенно помахал рукой. – Так рождаются слухи. Но я все же надеюсь, что с помощью образования мы сможем искоренить у будущих поколений эти суеверия и предрассудки. Должен признаться вам, миссис Бейнбридж, что в этой области взгляды мои несколько радикальны. Я уверен, что образование должен получить каждый ребенок, независимо от обстоятельств его жизни. Все они должны получить то, что поможет им выжить в мире.

– Я полностью разделяю ваши взгляды, – перед глазами Элси появился маленький Джолион, склонившийся над счетами с

высунутым от усердия языком. От этого в груди у нее что-то болезненно заныло. – А что, если нам открыть здесь школу?

Лицо молодого человека озарила до того искренняя широкая улыбка, что на мгновение Элси увидела, что в нем может так восхищать Сару.

– Вы мне поможете?

– Когда буду в состоянии. Мне кажется, для этой задачи лучше подойдет мисс Бейнбридж. Ее траур истекает меньше чем через месяц. Она сможет сделать многое из того, что не подобает вдове.

– О да, позвольте мне помочь вам, мистер Андервуд! – Сара захлопала в ладоши. Ее повязка приглушила звук. – По-моему, это замечательная идея! Миссис Крэббли оставила мне маленькое наследство, и я смогу сделать пожертвование. Мы должны помочь детям.

У Элси перед глазами вдруг снова встали те надгробья. Захороненные под чужим именем. Эти несчастные малютки... Она не станет хранить все деньги Руперта для своего собственного ребенка. Есть и другие дети: беззащитные, слабые.

Эта мысль ее растревожила. Рот наполнил резкий кислый привкус. Элси резко поднялась на ноги. Предметы мерцали, как в тумане, их очертанияплыли.

– Пожалуйста... прошу меня простить. Я должна... пойти и узнать, когда подадут чай.

Краешком глаза Элси поймала на себе взгляд девочки-компаньонки. Никогда еще та не была настолько похожа на нее. Ее собственное лицо, как из зеркала.

Она опроретью бросилась прочь, спеша покинуть комнату, пока ее не стошнило.

Вдоль галереи тянулись деревянные перила, как бы окаймляя лежащий внизу Большой холл. Чтобы добраться до ближайшего ватерклозета, Элси пришлось обогнуть всю галерею по периметру. В обычное время это нельзя было назвать затруднением, но из-за тошноты расстояние показалось бесконечным. Элси схватилась за перила, чтобы не упасть. Дерево закрипело. Вспомнив о гибели лакея, про которого рассказала миссис Холт, она отдернула руку.

В другом конце галереи скрипнула половица. Оттуда к Элси торопливо направлялась Хелен с красными, как яблоки, щеками.

Тесемки ее чепца были развязаны и хлопали служанку по плечам.

Элси судорожно вздохнула.

– Хелен? Где же чай?

– Его миссис Холт готовит, мэм, – последние несколько футов Хелен почти бежала, ее подбородок трясся над воротничком платья. – Я очень прошу меня простить, но я хотела бы поговорить с вами... с глазу на глаз.

В это мгновение в гостиной захихикала Сара. Перед глазами Элси вновь пронеслось лицо компаньонки.

– Хелен, принеси мне ночной горшок. Скорее.

* * *

Очистив желудок и выпив стакан воды, Элси немного пришла в себя. Хелен усадила ее на бильярдный стол, так что ноги болтались в воздухе. Рядом, за дверью гостиной слышалось звяканье ложечек о чашки. Видимо, миссис Холт, наконец, принесла туда чай.

– Я сказала миссис Холт, что должна побыть с вами немного, на случай, если... если вам опять будет нездоровиться, – Хелен говорила быстрым шепотом, не отрывая глаз от стены. – Можно мне с вами поговорить? Это совсем ненадолго.

Элси было совсем не до выяснения отношений с прислугой, но Хелен спасла ее, не дав упасть в обморок посреди коридора, в собственной рвоте. Самое малое, чем она могла за это отплатить, – дать ей высказаться.

– Да, я готова тебя выслушать. Говори, прошу.

– Я... – Хелен запнулась, растерянно замолчала. Потупившись, она теребила передник. – Я даже не знаю, с чего начать, мэм. Да только... миссис Холт говорит, что вы заходили в детскую.

Элси словно обдало жаром.

– Да.

– А вы... – она снова взялась за передник, – вы там что-нибудь видели, мэм?

Элси схватилась за край бильярдного стола. Она шутит? Миссис Холт, видимо, рассказала о ее странном поведении в детской, и служанка решила над ней посмеяться?

Как-то в Лондоне экономка в доме Руперта уговорила Элси назначить обед на два часа, слишком рано – чтобы только выставить ее простушкой перед гостями. Слуги могли заявить Элси, что ее деньги получены торговлей, могли назвать ее лавочницей – и даже *торгашкой*. Манеры у нее были недостаточно хороши, и это делало ее предметом нападок для слуг.

– Что, по-твоему, я должна была там увидеть?

Элси ждала услышать описание колыбели и игрушек, которое она дала миссис Холт. Вместо этого Хелен сказала другое:

– Надпись.

– *Надпись?*

Хелен оставила в покое фартук.

– Не надо мне было ничего говорить. Прошу вас, мэм, забудьте, что я сказала.

– Ты *видела* в детской надпись, Хелен?

Хелен суетливо оглянулась.

– Не рассказывайте миссис Холт. Ей это совсем не понравится. Она даже завела себе черного кота, чтобы показать, что не верит в приметы. А только с тех пор, как хозяин вернулся, все здесь стало как-то... странно.

Если Хелен играла, то очень натурально. У нее дрожали руки, выдавая волнение.

Следующие слова Элси подбирала очень тщательно.

– Это ведь, кажется, ты обнаружила мистера Бейнбриджа, Хелен? После его смерти? Что ж, тогда естественно, что тебя все нервирует в этом доме. Может быть...

Хелен затрясла головой.

– Я тоже так подумала, мэм, когда поняла, что Мейбл ничего не заметила. А еще я подумала, что в этой детской столько камфары, что можно кошку убить, так может, от ее паров у меня в голове немного помутилось. Но хозяин... он тоже это видел.

Элси крепче вцепилась в край стола.

– Надпись?

– Нет... не совсем. Надпись вижу только я одна, прямо в пыли. Как будто пальцем написана. Но у хозяина было другое. Он увидел слово, выложенное из деревянных кубиков с азбукой.

– Что за слово, Хелен? Ты смогла его прочитать?

– Да, да. Миссис Холт показала мне буквы, – даже в такой момент в голосе Хелен прозвучала гордость. – Мейбл до сих пор не все буквы заучила.

– Неважно, так что это было за слово? Что говорила надпись? Хелен сморщила нос.

– *Мама*. Там было сказано: *Мама*.

Бридж, 1635

Подготовка к визиту королевской четы идет совсем не так, как я того желала бы. А все из-за этого снега – снега! – выпавшего на Троицу и сделавшего невозможными поездки. Ужасный мороз разрушил все мои планы. Все цветы придется сеять заново или заменять взрослыми растениями. Хвала небу, что из теплицы в Лондоне прислали розы и лилии! Теперь я молю Господа, чтобы их удалось сохранять живыми, целыми и невредимыми в течение трех месяцев. Еще одна маленькая радость – то, что грядка Гетты с травами пережила холода. Тонкие зеленые росточки оказались одними из самых выносливых, а голубовато-серые побеги чертополоха, те и вовсе чувствуют себя превосходно.

Моя тревога усиливается по мере того, как растут надежды Джосайи. Он уже мечтает о том, как пристроит новое крыло к дому. Нынче утром он пришел ко мне в спальню, когда я одевалась, с небольшим пакетом, обернутым в шелк.

– Что это? – спросила я у его отражения в зеркале. Мне показалось, что там, у меня за спиной, что-то холодное и прозрачное, как лед.

– Подарок, миледи, – муж положил мне руку на плечо. – Сможете ли отгадать, что это?

– Это драгоценности, которые мне предстоит надеть во время визита короля и королевы. Вероятно... кольцо?

– Моя маленькая пророчица, – довольно хмыкнул Джосайя.

Он начал разворачивать сверток. Я зажмурилась, чтобы не видеть, а лишь чувствовать его руки у себя на шее. Звякнув, ожерелье коснулось моих ключиц. Острое, холодное. Это было похоже на полоску из снега.

– Открывай глаза, – рассмеялся Джосайя. – Лиззи, отдерни штору, твоей госпоже плохо видно.

Я услышала, как за спиной прошелестела штора, и медленно открыла глаза.

Я угадала предмет, но не его свойства. Бриллианты обвивали мне шею и спускались на грудь. С изящной дуги свисали три крупные грушевидные капли. Все камни чистейшей воды, без изъянов. Такое ожерелье могло принадлежать и самой королеве.

– Джосайя...

В зеркале я увидела его лицо. Он светился от горделивой радости.

– Оно станет наследием для наших потомков, Анни. Перейдет жене Джеймса, а потом к жене его сына. Всякому знатному роду потребны фамильные драгоценности. Отныне это – брильянты Бейнбриджей.

Я почти открыла рот, и с языка чуть было не сорвались слова, что у меня уже есть драгоценности его матушки. Однако сгустившийся воздух и покалывание предостерегли меня против этого.

– Они прекрасны. Мы можем... – я украдкой покосилась на Лиззи и понизила голос, – мы можем их себе позволить, любимый?

Джосайя нахмурился.

– С чего бы тебе вдруг волноваться из-за подобных вещей? Скоро середина лета, день выплаты ренты.

Ренты, которую мы повысили в прошлом квартале, вспомнила я.

– Конечно, – бриллианты тяжело давили мне на грудь. Я поправила колье на шее и была неприятно поражена тем, что оно осталось холодным, так и не согревшись. – Простите меня, это лишь... у меня никогда прежде не было ничего столь прекрасного! Сказать по правде, я их немного побаиваюсь.

Мне невольно вспомнилось то, что много лет назад рассказывала о бриллиантах Мэри.

– Они оберегают от дурного глаза, – говорила она. – Защищают от самой черной магии.

Не потому ли Джосайя надел их мне на шею? Возможно, он подозревает, что в моей кладовой скрываются не только простые травы?

В смятении я прижала руку к горлу и взглянула на отражение моего супруга к зеркале.

Он улыбнулся широко, во весь рот.

– Пора привыкать к самым лучшим украшениям, миледи, к таким, какие приличествует носить моей супруге. Отныне я желаю видеть их на вас ежедневно.

Отголосок алмазного холода послышался мне в его голосе. Не просто пожелание: приказ.

Лиззи стояла у окна за спиной Джосайи. Свою морщинистую руку она прижала к ключице, будто, как и я, чувствовала ледяной холодок, ползущий по коже.

Я сглотнула. Бриллианты шевельнулись.

– Как вам будет угодно, милорд.

* * *

Сегодня я ездила в Торбери Сент-Джуд. Не скажу, что стало намного теплее, но, по крайней мере, наступила более сухая погода. Половодье спало, и по дорогам можно теперь проехать. Из-за множества луж на улицах и гуляющего по ним сильнейшего ветра мы передвигались от лавки к лавке в карете.

– Новые скатерти я купила, – перечисляла я, а Джейн проверяла по списку. – Серебро отполировано. Платья должны прибыть из Лондона в следующем месяце.

– Миссис Доусон, кажется, обиделась, что вы не заказали их в ее лавке, госпожа, – сообщила Джейн.

Да, она и правда оскорбилась, бедняжка. Но могла ли она ожидать другого? Это не деревенский праздник. *Король* и *королева*, клянусь честью! Для такого случая необходим самый тонкий бархат, самые изысканные кружева.

– Я не в состоянии сейчас думать о миссис Доусон, – сказала я. – Я уделю ей время позже. В настоящий момент меня заботит только, как угодить королеве Генриетте Марии.

– Госпожа, королева наверняка будет в восторге, она непременно оценит, как изумительно декорирована ее спальня и как вы украсили дом. Да у нее голова закружится от восхищения.

Я горделиво улыбнулась.

– Это *нам* кажется прекрасным, Джейн. Но это же королева. Она росла во дворце Сен-Жермен-ан-Ле. Чтобы произвести на нее впечатление, нужно прыгнуть выше головы. Ее величество любит диковины, удивительные вещицы, каких никто никогда не видывал, – я выглянула в окно. Гнетущее белесое небо, нависшее над нашим городком, придавало ему мрачный вид. Наша лошадь задрала хвост и облегчилась на булыжную мостовую. Я вздохнула. – Где же мне найти такие экзотические вещицы *здесь*, в Торбери Сент-Джуд?

Джейн показала на какую-то лавку слева, и я повернулась, чтобы посмотреть. В глубине неровно выстроившегося вдоль улицы ряда зданий ютился маленький домик. Нижний этаж был кирпичным, верхнюю часть составляли старые деревянные брусья и штукатурка между ними.

– Пойдите! – крикнула я. Лошади резко остановились. Когда стихло цоканье их копыт, я услышала, как вывеска лавки скрипит на ветру. С моего места рисунок не был виден, но зато я различила надпись «Забавные безделки», намалеванную над сводчатым окном.

– Джейн, я не знаю этой лавки. Давно ли она здесь?

Служанка лукаво улыбнулась.

– А я думала, вы все знаете, госпожа.

Я пропустила мимо ушей дерзкую насмешку. Сказать по правде, я чувствовала себя как-то странно, хотя не смогла бы выразить этого словами. Я просто понимала, что не могу проехать мимо этой лавки, меня так и тянуло зайти в нее. В ней что-то таилось, что-то важное...

Раньше я уже испытывала подобное чувство, всего однажды: это было в морозный январский день, около девяти лет тому назад. Я тогда открыла старую тетрадь Мэри в кожаном переплете, и вслух читала записи над растертыми травами в своей кладовой. Тогда у меня было именно такое ощущение: дурное предчувствие, неизбежность.

– Я хочу выйти, – постучала я лакею. Соскочив на землю, он попытался открыть карету. Дверца не поддавалась. Я схватилась за ручку изнутри и попыталась помочь ему, но ветер, словно железный, давил на дверь, не позволяя ее отворить. Не позволяя мне выйти.

Собравшись с силами, я вновь нажала. Дверца поддалась, сперва неохотно, потом распахнулась с такой силой, что ударилась о стенку кареты. Я почти выпала на руки лакею.

– Вы не ушиблись, госпожа?

Я была ошеломлена, но не ранена. Ветер растрепал мои юбки и вырвал ленту из волос. Я смотрела, как она улетает и растворяется в сером бескрайнем небе.

– Со мной все в порядке. Джейн, подай мне руку и идем к входу.

Я порадовалась тому, что Джейн крепко сложена, что у нее такая широкая талия. Должно быть, мы странно выглядели со стороны, когда шли, опустив головы, преодолевая ветер, – Джейн в грязноватом зеленом кертле^[6] и рядом с ней я, в развевающихся шелках и кружевах.

Ветер извлекал звуки из всего, к чему прикасался. За нашими спинами он бряцал конской сбруей, призывая нас вернуться. Впереди, качаясь, скрипела вывеска. С каждым шагом ее стенания звучали все громче, так что в конце я уже совсем не слышала лошадей.

Джейн с трудом отворила дверь лавки и под звон колокольчика подперла ее широким плечом.

– Сперва вы, госпожа, – она буквально втокнула меня внутрь – я не обратила на это внимания, так рада была оказаться, наконец, в укромном убежище.

Мы вошли, заставив низкорослого лысого человечка подскочить от неожиданности. Живот его обтягивала изрядно поношенная бордовая безрукавка. Маленькие, хитрые глазки – свинячьи глазки, подумала я – при виде нас суетливо забегали.

– Доброго вам дня, леди. Вы меня немного напугали.

– Приношу извинения. В каком-то смысле нас занесло сюда ветром.

– На улице ветрено?

Джейн, войдя, захлопнула дверь. Снова звякнул колокольчик.

– Ветрено? Это тянет на самую настоящую бурю.

– В самом деле? – Он улыбнулся, овладев собой. – В таком случае, полагаю, вам необходимо подкрепиться. Позвольте предложить вам вино и засахаренные сливы. В этой лавке каждой посетительнице принято оказывать почести, как герцогине.

Над левым плечом толстячка висело зеркало в резной золоченой раме, украшенное херувимами и цветами. Оттуда на меня взглянуло мое отражение – совершенно растрепанное. В это мгновение я вовсе не чувствовала себя герцогиней.

Пока хозяин подавал вино, мы смогли осмотреться. Лавка была просторнее, чем казалось снаружи, но так плотно заставлена

всевозможными диковинками, что не оставалось и дюйма свободного. Хрусталь и камни поблескивали за мутными, запыленными стеклами висящих на стенах полок. Чучела невиданных птиц из дальних стран, поражали ярким оперением. С потолка свисал скелет, подобного которому я никогда не видела раньше, – чудовищное создание с громадным рогом, как у единорога, но росшего не из лба, а на носу. Даже воздух здесь был необычным, теплым от пряностей.

– Благодарю вас, – сказала я, принимая бокал вина из рук хозяина лавки. Кисть у него при этом заметно дрожала. – Удивительно, как это мы до сих пор не заметили вашей лавки. Или вы недавно в Торбери Сент-Джуд?

– Только что приехал, – он протянул нам блюдо с засахаренными сливами. Джейн без промедления схватила одну и целиком запихнула ее в рот. – Меня зовут Сэмюелс. Всю жизнь я странствую по белу свету, мадам, и вот теперь оказался здесь, со всеми этими редкостями, выставленными здесь, перед вами.

Вино оказалось достойным. Тоже привезенным, предположила я.

Я протянула руку к одной из витрин и потянула за бархатную петлю. Ящик выдвинулся. Моим глазам предстали ряды птичьих яиц: голубые, пестрые, одни крошечные, другие величиной с крупное яблоко. Сокровища самой природы. Даже бриллианты придворных не могли бы соперничать с ними в красоте и изяществе.

– Мне кажется, ни у кого не поднимется рука разорять ваше собрание. Каждый из этих предметов – дорогое воспоминание о ваших странствиях, не так ли?

– Бывают и такие воспоминания, которые совсем не хочется хранить, – на миг его лицо омрачилось, – кроме того, я люблю делиться находками. А как приятно удивить гостей, показав им какие-нибудь диковинки.

Я аккуратно взяла с блюда засахаренную сливу. На пальцах остались кристаллики.

– Признаюсь, я как раз ищу нечто подобное. В августе нам предстоит принимать у себя весьма знатных и известных особ.

– А! Тогда прошу сюда, мадам. Я покажу вам слоновую кость. Удивительные образчики, превыше всяческих похвал. Все ваши гости просто обомлеют от восторга.

Отправив сливу в рот, я последовала за ним.

Полчаса прошли в счастливой, головокружительной суматохе – одну за другой он извлекал самые удивительные вещицы из своей сокровищницы. Я любовалась изумительной красоты засушенными тюльпанами в рамках и заигралась с механической пушечкой, которая стреляла по-настоящему. Сознаюсь, я забыла обо всем и почувствовала укол стыда, когда, обернувшись, в тусклом свете свечей, заметила другого покупателя.

– О! – воскликнула я. – Прошу простить меня. Мне пора уходить, – продолжала я, повернувшись к мистеру Сэмюелсу. – Я мешаю вашей работе.

Его глазки-бусинки проследили за моим взглядом. В первое мгновение мне показалось, что он сильно напуган. А потом он расхохотался.

Я увидела, что ошиблась: в углу стоял не покупатель, а расписанная доска, весьма похоже изображающая человека. Работа была такой искусной, что на первый взгляд невозможно было определить, что это рукотворное произведение. Диковинная картина изображала женщину, положившую ладонь на бедро. Тени, выписанные на ее лице, располагались в точности под тем углом, как если бы их отбрасывал свет из окна лавки.

– Вы меня опередили, – покачал головой мистер Сэмюелс. – Я как раз собирался подойти к ним.

И он приблизился к фигуре. Свет, падающий из окна, выхватил капли пота, проступившие на его лбу.

– Эти обманки способны любого ввести в заблуждение. Вы ведь знаете, что такое *trompe d'oeil*?

– Обман зрения?

– Совершенно точно. Шутливый обман. Взгляните сюда, – он указал на плечо вырезанной по контуру фигуры. Палец его остановился в дюйме от деревянной основы. – Видите закругленные края? Из-за них она не кажется плоской. – Я заглянула с обратной стороны, все еще с трудом веря, что это лишь холст и доска. Женщина была ненастоящей, однако я не могла себя пересилить и дотронуться до нее или взглянуть ей в глаза. – У меня еще есть такие, я готов показать вам все. Дети с фруктами. Служанки и метельщики. Знатная дама с лютней.

– Откуда они взялись?

– Я привез их из Амстердама. Их зовут «безмолвными компаньонами», – он прочистил горло. – Ох уж эти голландцы, мадам, как же они любят разные обманки. Больше, чем тюльпаны, по которым они сходят с ума. Есть у них коробочки-диорамы^[7] и поддельная еда – и даже кукольные домики, отделанные пышнее герцогского дворца.

Я обернулась к Джейн.

– Они хороши, ты не находишь? Я могу себе представить, как гости, наткнувшись на эти доски, вскрикивают от неожиданности. Мгновенное замешательство, испуг, а потом смех и живое обсуждение.

– Не знаю, порадует ли ее величество, если ее испугать, – заметила Джейн.

Мистер Сэмюелс посмотрел на меня по-новому, с почтением.

– Ее величество, вы говорите? Королева?

Я снова зарумянилась, на сей раз от удовольствия.

– Да. Нам оказана великая честь. Так что вы понимаете, как важно мне сделать правильный выбор...

Он поднял руку. Пальцы были толстые, как сосиски, и красные от непогоды.

– Да, да, – прервал он меня, – у вас должно быть все самое лучшее. Могу ли я смиренно рекомендовать вам это?

Хозяин снова указал на фигуру, но удержал руку и не прикоснулся к ней. Я догадалась, что вещь эта настолько ценна, что он не решался тронуть ее даже пальцем.

– Они не похожи ни на что, прежде мной виденное. И в самом деле, стоит подумать о них.

– О чем тут думать, драгоценная мадам? Эти вещи прямо созданы, чтобы удивить и порадовать ее величество, – в его голосе, в глазах была мольба. Судя по всему, дела в лавке шли отнюдь не так хорошо, как ему бы хотелось.

– Но я и так уже набрала много товара, – начала я, стараясь подсчитать в уме свои траты. Вещи настолько дорогие явно окажутся мне не по карману! – Надо бы посоветоваться с мужем, прежде чем...

– Но ваш супруг лишь повторит вам то, что я уже говорил. Сомневаюсь, что в Англии найдется хоть один человек, который видел нечто подобное.

Я подумала о Джосае, о том, как страстно он желает завоевать расположение короля...

– Возможно, мы решим приобрести одну или две...

– Но тогда впечатление будет смазано. Вот что, я уступлю вам весь набор целиком.

Обычно мне кажутся подозрительными люди, которые так откровенно стараются сбыть что-то с рук, но странные игрушки мистера Сэмюелса нравились мне. Они будто звали меня, смотрели на меня, своими нарисованным глазами умоляли взять их к себе.

– Но я не уверена...

– По особой цене, – он улыбнулся. – Уверю вас, нет лучшего способа удивить и позабавить королеву. Она навсегда запомнит этих компаньонов.

Я купила их все.

Бридж, 1865

– У него глаза двигались.

– Что? – перо в руках Элси дрогнуло и посадило кляксу на бумагу. Письмо подрядчику было безнадежно испорчено. – Чего тебе, Мейбл?

Пролежав в постели две недели, Мейбл снова могла вытирать пыль и исполнять другие несложные работы. Элси подозревала, что девушка могла бы справиться и с более серьезными делами. Она явно преувеличивала тяжесть своего увечья, ненатурально приволакивая ногу.

Сейчас служанка остановилась в дверях библиотеки, горбясь и опираясь всем телом на здоровую ногу. В руке она комкала грязноватую тряпицу, а на ее носу красовалось пятно сажи.

– Эта штука. Она двинула глазами и посмотрела на меня.

Элси отложила перо.

– Какая еще штука? – но ей и без того было ясно, о чем речь. Элси даже показалось, что последние полмесяца она только и ждала, что произойдет нечто подобное.

– Деревянная штука.

– Компаньон?

– Он самый. – Из-под чепца Мейбл выбилась тонкая прядка волос, мокрая от пота. Она судорожно сглотнула. – Не стану я больше его чистить. Оно водит глазами.

У Элси в голове складывались слова – тысячи резких и едких замечаний. Но она не смогла выдать ни единого.

– Мальчишка-цыган?

Мейбл помотала головой.

– Не, другая.

– Покажи мне.

Они спустились вниз, двигаясь напряженно, как марионетки. Ветер задувал в щели между половицами, горстями швырял в окна опавшие листья. С заднего двора раздавалось заунывное мычание Беатриче.

В Большом холле их поджидала Хелен, так вцепившаяся в тряпку для вытирания пыли, что побелели костяшки.

– Вы их снова переставляли, – покачала головой Элси, заметив царапины на полу. – И зачем только вы их все время перемещаете?

– Мы их не передвигали, – чуть не плача, крикнула Мейбл.

Оба компаньона стояли у камина. В облике мальчишки и впрямь будто что-то изменилось, но Элси бы за это не поручилась. Цыганенок смотрел вызывающе, косясь куда-то влево. Он словно дразнил ее, призывая осмелиться и признать, что она видит перемены.

Что же... Угол поворота его лица... Элси отогнала коварную мысль. Никаких изменений нет. Старинные картины не меняются, это какая-то смехотворная фантазия.

Девочка выглядела в точности так, какой ее помнила Элси: прижатая к груди белая роза, улыбка, оливково-зеленый шелк. Зеленовато-карие глаза сохранили все то же ласковое выражение – они не двигались.

Элси вздохнула с облегчением.

– Ты не разбираешься в хорошей живописи, Мейбл. Искусный художник может изобразить глаза так, словно они смотрят на вас, где бы вы ни стояли. Поднимись наверх и рассмотри портреты. Ты увидишь тот же эффект.

– Я-то не ходила. Даже пальцем не двинула. Стояла тихо-спокойно, прямо вот тут – а они шевелились.

Это прозвучало слишком жутко, Элси не могла вообразить подобное. Она и не станет себе это представлять или верить в нелепые выдумки прислуги.

– Хелен тоже это видела?

– Нет, мэм, – хрипло пробормотала Хелен, крутя тряпку в руках. – Но...

– Дай-ка мне угадать: ты нашла надпись?

– Нет. Мне было... не по себе. Как будто кто-то за мной подглядывает.

– У всех нас время от времени возникает такое чувство, Хелен. Скорее всего, это был Джаспер, – Элси снова посмотрела на компаньонов. – Я полагаю, что Мейбл лучше пойти к себе и прилечь. Ей определенно еще нездоровится. А раз уж мы здесь, Хелен, я бы хотела, чтобы вы вернули мальчишку туда, откуда его принесли. Мисс Сара просила поставить здесь только девочку.

– Если пожелаете, мэм, я могу отнести его на чердак. В мансарду по-прежнему не попасть.

– Да, я как раз писала в Торбери Сент-Джуд письмо с просьбой прислать нам слесаря, чтобы открыть мансарду. Но тут явилась Мейбл и принялась нести эту галиматью. Отнеси мальчишку-цыгана на чердак, а я вернусь к письму.

Голос Мейбл остановил Элси, когда она уже направлялась к лестнице.

– А с другой как быть?

– Девочка-компаньонка понравилась мисс Саре, Мейбл. Пусть Хелен стряхнет с нее пыль, если тебя она пугает.

– Нет, – Мейбл ткнула перепачканным пальцем куда-то в сторону. – Вон с той.

На восточной ковре, там, где еще недавно находился гроб Руперта, Элси увидела третьего компаньона.

Старуху, сидящую в кресле. Эта была похуже прохвоста-цыганенка: она не просто насмехалась, но явно замышляла недоброе. Белый монашеский чепец на голове, широкий черный воротник с рюшами на плечах. В руках женщина держала похожего на куклу мертвенно-бледного ребенка, застывшего в неестественной позе.

– А это откуда взялось? Как... как вообще кому-то взбрело в голову изобразить подобное? Что за кошмарное лицо! – возглас Элси пронесся по пустому холлу и эхом вернулся к ней.

Хелен дрожала.

– Убери это немедленно, Хелен. Где вы ее только нашли, скажите на милость?

У Хелен затряслись губы.

– Здесь, мэм. На этом самом месте, нынче утром.

Бридж, 1635

С самого утра, только проснувшись, я поняла, что наступающий день принесет ссору: это предчувствие висело в спертom воздухе. Тучи с высокими зубчатыми краями полностью закрывали свет, и над парком повисло напряженное безмолвие. Стояла удушливая жара. Я весь день мечтала о том, чтобы ветер разогнал облака и облегчил мою головную боль, но они сгущались и нависали все ниже. Ни дуновения, ни ветерка.

Если король и королева приедут в такую погоду, все изнемогут от зноя и от раздражения начнут браниться. А как мы будем выглядеть в своих чудесных нарядах, с красными лицами, по которым будет струиться пот? Никто не пожелает отведать жареного лебедя. Ах, только бы погода исправилась!

Джосайя огорчил меня разговором о предстоящем визите. Он пришел ко мне после ужина и отослал горничных.

– Мне необходимо поговорить с тобой, – начал он. Стиснутые зубы и нахмуренный лоб всё сказали за него.

– Вы приняли решение насчет Гетты, – предположила я.

– Да, – он провел ладонью по бороде, – Анни, тебе не понравится то, что я вынужден сказать.

– Так не говорите этого. Перемените свое решение.

Джосайя вздохнул.

– Не могу. Так будет лучше. Генриетта Мария может присутствовать на пиру. Она усердно трудилась и заслужила это. Но что касается остальных увеселений... Я говорю: нет.

Я невольно сжала кулаки. Прекрасно понимая, что сейчас мне нужно выбирать слова крайне осторожно, я все-таки не совладала с чувствами. Будто что-то вспыхнуло внутри, меня обдало жаром, навернулись слезы.

– Она слишком юна, – продолжал мой супруг. – Я не уверен, что она смогла бы вести себя приличествующим образом, даже если...

– Вы ее стыдитесь, – сказала я.

Он заколебался лишь на мгновение. Этого было мне довольно.

– Я жалею ее...

– Она – истинное чудо! Повитухи твердили, что я никогда более не выношу дитя, после Чарльза. И – вот она. Ваша единственная дочь, Джосайя. Чудо.

– Я не забываю об этом. Никто не мог подумать, что ты сумеешь выносить еще одного ребенка. Но, может быть, от этого все ее... трудности.

В словах Джосайи ясно слышался упрек, который и прежде сквозил в его уклончивых речах: мол, в том, что у Гетты не вырос язык, виновата я. Мое чрево не сумело выносить полноценное дитя. Чего-то не хватило – либо во мне, либо в зелье.

– Она поцелована Богом! – выкрикнула я. Джосайя поднял на меня глаза. Один беглый взгляд, от которого мой гнев разгорелся с новой силой. – А вы с этим не согласны? У вас другое мнение?

Он поднял руки, словно прося пощады. Я начала утомлять его.

– Успокойся. Конечно, я не считаю, что Генриетта Мария – демон. Ты слишком возбуждена.

– Совсем нет. Но вы хотите спрятать собственную дочь!

– Все увидят ее на пиру, Анни. Я не стану *прятать* ее, но должен ее защитить, – Джосайя встал и зашагал по комнате, скрипя кожаными сапогами. – Мы будем вводить ее в общество постепенно. Она еще не готова. Слишком мала, совсем еще дитя. Мы избаловали ее, позволяя бегать по дому, как заблагорассудится. Но это надо прекратить. Ее будут обучать.

– Обучать?

– Придворным манерам. Мы, однако, уже не успеем выучить ее к приезду гостей. Мы не можем рисковать, нельзя допустить ошибки. Ни единой! Я не решаюсь предположить, какими могут быть последствия. Нет ли у тебя видений, где я в немилости, изгнании – из-за выходов Генриетты Марии? Все должно пройти как по маслу.

Его сапоги скрипнули, и мой гнев испарился. Но я слышала не скрип кожи. Я слышала другое: шорох деревьев в ночи, простирающих ветви над фигурой в плаще, собирающей травы. Ступку и пестик, растирающий смесь. Тайну и искушение в словах древнего заклинания.

– Вы будто намекаете, что наша дочь небезупречна.

– И тебе известно, что это правда.

От этих слов я задохнулась. Как мог Джосайя сказать такое о своем родном ребенке? Кажется, никогда еще я не ненавидела его с такой силой, как в это мгновение.

– Это известие разобьет ей сердце, – только и смогла вымолвить я.

– Я сам сообщу ей, если тебе не хочется. Где она сейчас?

– В саду.

Я отошла к окну, чтобы увидеть ее в мирном и спокойном настроении раньше, чем он вдребезги разобьет ее надежды. За окном все выглядело очень странно. Под грозовым небом все растения казались неестественно яркими. Мои новенькие кусты в форме геральдических лилий превратились в ярко-зеленые копыя. Розы казались пятнами крови. За ними Гетта, стоя на коленях, пестовала свои травы. Из-под подола видны были ее лодыжки, перепачканные зеленью. Меня это не смущало. Ее милое личико было полно света, несмотря на тучи. Она казалась счастливой. Вот она улыбнулась, кивнула, склонила голову набок...

– Кто это? – раздался голос Джосайи у меня над ухом.

Я едва слышно чертыхнулась.

– Снова этот цыганенок. Он где-то ловко прятался. Я предупреждала его, чтобы держался отсюда подальше.

– Видишь? Теперь ты видишь? – Джосайя ткнул в окно. – Якшаться с цыганами! Именно об этом я и толкую!

Я отвернулась, слишком рассерженная, чтобы перечить.

– Я сама с ним разберусь, – с этими словами я выскочила из комнаты.

По лестнице я спускалась бегом, с громким топотом. Будь неладен этот цыган с его настырностью, будь он неладен – по его милости отец думает плохо о бедной Гетте!

Я влетела в сад. Воздух был тяжелым, как дыхание больного. Не удивительно, мимоходом подумала я, что растения чахнут. Даже земля как бы выгорела, пересохла и потрескалась.

Лиззи нигде не было видно. О чем она думала, оставив Гетту без присмотра?

– Гетта! Этот мальчишка тебя обижает?

Моя девочка вскочила и, подбежав, схватила меня за руку. Ее ладошка была в грязи, но не потная. Влажность, так изводившая меня,

ее словно и не коснулась.

– Что происходит?

Гетта вдруг заулыбалась. Ее ресницы затрепетали, и я поняла, что она рассматривает мои бриллианты. Маленькая ручка потянулась ко мне, коснулась моей шеи.

– Не сейчас, Гетта. У тебя грязные руки. Позже ты сможешь как следует рассмотреть мое кольцо, – я отодвинула ее и посмотрела на мальчишку. Мерзкий оборванец не дрогнул под моим взглядом, не оробел. – Что же до тебя... Тебе здесь не место. И ты сам это знаешь. Это последнее предупреждение.

Он запоздало сдернул с головы засаленную шапку.

– Извините, госпожа. Я пришел только потому, что ищу работу.

– Цыгане не работают, – начала я, но Гетта вдруг потянула меня за руку. Она сложила пальцы в знак, один из тех, с помощью которых мы объяснялись. *Лошадь*.

– Он украл у меня лошадь?

Девочка нетерпеливо замотала головой, нетерпеливо кривя губы, как всегда, если ей не удавалось достаточно понятно донести свою мысль. *Лошадь. Мальчик. Лошадь*.

Оборвыш всполошился и вдруг заговорил с ней на своем цыганском наречии. Звучало кошмарно, было что-то демоническое в этих гортанных звуках. Но Гетта, кажется, понимала, она кивала и мычала в ответ.

– Мисс Генриетта Мария... – цыган уставился на меня своими черными, как ямы, глазами, – мисс думает, что вы позволите мне поработать здесь. С лошадьми.

Я удивилась тому, как он это понял. А как он осмелился предположить, что он понял Гетту лучше, чем я!

– Я не подпущу тебя к нашим лошадям ближе чем на сотню ярдов, – прошипела я. – Тебя, конокрада.

Гетта отбросила мою руку.

– Пожалуйста, мистрис. Пожалуйста. Мой народ умеет обращаться с лошадьми. Ваш слуга прогнал нас с пустоши, а что же нам теперь делать? Что мне есть?

Я помолчала. У него и в самом деле был жалкий вид, весь в лохмотьях, он раболепно склонился передо мной. Гетта снова подала мне знак. *Ничего*.

– Я знаю, что у них ничего нет, Гетта. Но не я в этом виновата.

Нет, я не виновата. *Мальчик. Ничего.*

– Мы ничего не украли, – тихо сказал он. У Гетты загорелись глаза, так что я невольно ощутила ревность. Что общего у этого бродяжки с моей дочерью – *моим* созданием? Я не желаю, чтобы он отирался рядом с ней! – За все время, что мы летом прожили на пустоши, мы у вас ничего не стащили.

– Возможно. Но у меня на конюшне будут стоять кони самого короля. Понимаешь? Разве могу я так рисковать? Что скажет король, если его коня украдет цыган? Он во всем станет винить моего супруга. И тогда нам конец.

Гетта умоляюще сложила на груди руки.

– Вам нужны будут помощники, – сказал мальчишка. – На время приезда короля. В конюшне понадобится много рук. Вы с ног собьетесь.

– Тогда мы найдем взрослых мужчин. А не ребенка-цыгана.

Гетта топнула ножкой. Затем, к моему изумлению, она обхватила меня за ногу и толкнула.

Я вспыхнула. Из нашего парка в Бридже я перенеслась в родительский дом, на много лет назад. Вот Мэри тянется к блюду со сладостями, оттолкнув меня. Она хохочет, видя, что я упала. Ярость и обида переполняют меня так, что руки чешутся.

Звук пощечины оказался громче любого крика. Я ахнула. На щеке у Гетты красным отпечаталась моя пятерня. Прежде я ни разу не ударила ее, даже пальцем не тронула.

Никогда мне не забыть боль – и еще что-то, близкое к ненависти – вспыхнувшую в ее глазах.

– О, Гетта! Молю, прости меня. Я не хотела – но и тебе не следовало меня толкать! Уж очень ты своенравна сегодня.

Невольно я скосила глаза на окно. К счастью, Джосайи там не было. Он не видел, что моя дочь ведет себя, как невоспитанная шалунья, которой он ее и считает.

– Я ничего дурного не хотел, мистрис, – мальчик снова нахлобучил на голову шапку. – Просто искал работу. Ладно, я пойду. До свиданья, мисс Генриетта Мария.

С губ Гетты сорвался звук: ужасный, как крик раненного зверька. Бросившись за цыганенком, она ухватилась за его куртку. Не могу

объяснить, что происходило между ними. Он спокойно заговорил с ней на своем дикарском наречии, а она отвечала жестами, которых я никогда прежде не видела.

Наконец, Гетта отпустила его. Она вернулась к своей грядке и принялась подстригать чертополох. В мою сторону она не глядела, но мне был виден ее профиль. На ее лице не осталось ни следа негодования. Бледное, безжизненное, оно выражало только безмерную грусть.

У меня защемило сердце. Ведь Гетта еще не знает, что ей не позволено участвовать в представлении на маскараде. Я увидела, как она согнулась над грядкой и поливает розмарин своими слезами. На пересохшей почве появлялись все новые темные пятнышки, они медленно впитывались и просачивались к корням.

Сердце матери не в силах выдержать подобного. Трудно безучастно слушать даже рыдания и плач обычного ребенка. Но при виде того, как тихо страдает моя бедная немая девочка, вся решимость моя была сломлена – так ломается тонкая ветка под весом лесного голубя.

– погоди! – крикнула я. Мальчишка остановился как вкопанный. Я еще раз опасно оглянулась на окно – пусто. – погоди.

Бридж, 1865

– Мейбл? Мейбл, могу я войти? – Элси толкнула дверь.

После того, как мансарду заперли, а дом опустел, служанки перебрались спать в гостевые комнаты западного крыла, на третий этаж. Это были скромные, но милые комнатки. Полы были застланы синими коврами. Небольшие литографии на стенах создавали ощущение домашнего уюта. Чудесное, удобное место для девушек, привыкших к суровой жизни в работном доме. Мало где прислугу разместили бы с таким комфортом, но Мейбл с испуганным видом сидела на кровати, подобрав ноги и натянув одеяло до подбородка. Лицо ее было искажено ужасом.

– Мейбл?

– Ой, это вы, мэм! – воскликнула она. Зрачки ее медленно сузились до нормальной величины. – Извините. Что-то я запуталась со

сна и подумала, что вы это... Я задремала.

– Прости. Я не хотела тебя напугать, – Элси присела на краешек кровати. – Как ты себя чувствуешь?

Мейбл сморщила нос и провела рукой по взъерошенным темным волосам.

– Мне тут не по себе, мэм. Неудобно вам такое говорить, но от страха у меня прям живот сводит.

– Должна признаться, я и сама чувствую себя... странно, – Элси опустила глаза. *Странно* – мягко сказано. Выражаясь точнее, она была растерянна, чувствовала себя беззащитной, уязвимой. Страх совершенно выбивает человека из колеи – Элси уже успела об этом забыть. – Я собираюсь вызвать сюда врача. В твою рану на щиколотке, возможно, попала инфекция.

– Меня не инфекция так пугает. Я же *видела*.

– Я уверена, что знаю, что ты видела, – Элси помолчала. Воспоминание вернулось и обожгло, как огнем. Она снова увидела это: красные глаза и сухие, потрескавшиеся губы. – Мейбл, моя матушка умерла от тифа. Ты об этом знала?

Мейбл молча кивнула.

– Бедная. Какой у нее был жар. Я как-то раз потрогала ее лоб и... – у нее дрогнул голос, – мне показалось, что она сгорает заживо, изнутри. – Ноги Мейбл дернулись под простыней. – Она страдала телесно, и это само по себе ужасно. Но еще сильнее были ее страдания другого рода – у нее были видения. Не хочу вдаваться в подробности. Болезнь заставляла ее видеть демонов, летающих по комнате. Она видела их ясно как день, но на самом деле их не было. Я постоянно сидела рядом с маменькой. Ничего такого в комнате не было. Но для нее все это было очень, очень реально.

– Я не схожу с ума, мэм. И лихорадки у меня нет.

– Нет, – Элси сложила на груди руки и попыталась успокоиться. Образ матери продолжал пылать перед ее мысленным взором. – И все же я бы хотела все-все как следует проверить. Просто на всякий случай. А пока Хелен возьмет на себя твою работу по дому, а если нужно, ей поможет Сара.

– Я не могу сидеть здесь совсем одна, мэм, ничего не делать – и думать *всякое*.

Элси на минуту задумалась. По всей вероятности, ей передалось великодушие миссис Холт, потому что ее вдруг осенила неожиданная мысль.

Она может и должна дать Мейбл надежду на лучшее будущее, чем то, что обычно ждет девушек из рабочего дома!

Перспектива доверить Мейбл маленького ребенка по-прежнему пугала. Но, возможно, если сейчас Элси не пожалеет времени для этой служанки, то сумеет исправить ее до того, как родится малыш. Просвещение – разве не о нем говорил мистер Андервуд?

Элси перевела дух и решительно приступила к разговору.

– А скажи, не хочешь ли ты обучиться более тонкому ремеслу, когда оправись от раны? Я веду речь о работе, не такой трудной физически.

– Это какой же, мэм?

У Элси свело скулы, а рот будто наполнился ржавыми железками, но она справилась с собой – сумела изобразить милейшую улыбку и прошептать:

– Мне нужна камеристка.

– Чего, мэм?

– Камеристка. Личная горничная, чтобы причесывать меня и укладывать волосы. Приносить мне завтрак, выливать воду после умывания. Да, еще уборка и починка платья. Скажи, это ведь *ты* отчистила грязь с моего бомбазинового платья в день моего приезда?

– Да, мэм. Ух и грязи на нем было, как на поросенке.

Это замечание Элси пропустила мимо ушей.

– Хорошо. Значит, ты работаешь с усердием. Так что же, хочешь стать камеристкой, Мейбл? Я всему научу тебя, и в будущем ты всегда сможешь получить хорошее место. Умелой и образованной девушке не обязательно прозябать всю жизнь в Бридже.

У Мейбл взволнованно затрепетали ресницы.

– Ухаживать за вашей одеждой и чистить украшения? И ваше брильянтовое ожерелье?

– Да.

– Камеристка при леди, – восхищенно протянула Мейбл. – Это ж одна из *них*, правда? Одна из таких штучек, про которых говорит Хелен?

– Это старшая прислуга, да. Куда выше твоего нынешнего положения.

Мейбл широко заулыбалась, начисто забыв о своих страхах.

– Тогда ладно, мэм. Я согласна.

Больница Св. Иосифа

Эти лекарства были сильнее прежних. Ковыляя по коридору следом за доктором Шефердом, она чувствовала, как они всасываются в кровь.

Перед глазами мелькали лица, предметы. Куда бы она ни повернулась, повсюду одно – изумленно отвисшие челюсти и слюнявые рты идиотов. Они визжали, как ведьмы, приближались, закрывая ей поле зрения, потом уносились прочь. Отталкивающие, мерзкие фантомы, они так же неотступно преследовали ее, как и зловонный запах мочи.

– Это очень и очень благотворно, вы со мной согласны? – заговорил доктор. – Прогулка улучшает кровообращение. Я не понимаю, почему вы не должны пользоваться теми же возможностями, что и другие пациенты, под моим присмотром. В конце концов, ни одно из выдвинутых против вас обвинений пока не доказано.

Ах, эти его «благотворные» предписания. Они больше походили на кару, чем на поощрение. Заключение не было для нее наказанием: она страдала от людей, находящихся рядом. Хуже всего были умалишенные: они без умолку несли какой-то вздор, бормотали и стенали. Некоторые даже не могли контролировать свое мочеиспускание. Именно поэтому она запустила своим ужином в какую-то старуху, а заодно тарелкой поставила нянечке синяк под глазом. Ничего личного. Единственным для нее способом вернуть свое личное пространство и спокойный сон было прослыть «опасной». Это означало несколько дней в темном, тесном карцере, но зато и более сильные препараты. Честный обмен, думала она.

– Но я должен позаботиться о том, чтобы вы не слишком сильно утомлялись. Я надеялся, что после вашего возвращения в палату с грифельной доской мы сможем немного поболтать, а, миссис Бейнбридж? Вам это по душе?

По душе? Она давно заметила, что ему свойственны подобные выражения, нацеленные на то, чтобы пробудить в ней общительность и мягкость. Если, конечно, они в ней еще оставались.

Она ориентировалась по запахам. Горелая овсянка подсказала, что они приближаются к столовой, мыло, холодная вода и страх сообщили о ваннных комнатах. Когда же в нос ударил запах несвежего постельного белья, а под ногами закрипели половицы, она поняла, что вернулась в свою конуру. Это было почти возвращением домой.

Пошатываясь, она добралась до кровати и рухнула на нее. Перед глазами все плыло, белые стены словно подернулись рябью. Доктор Шеферд протянул ей грифельную доску и мелок. Она попробовала взять их. Руки дрожали и двигались замедленно, под действием лекарств.

– Лежите, лежите, если вам так удобнее, миссис Бейнбридж. Вы можете принять любое положение, какое хотите, лишь бы удобно было писать.

У нее не было выбора – подняться не позволяла слабость.

– В вашей истории намечилось несколько интересных поворотов. Я бы хотел сосредоточиться сегодня на одном из них. Вы написали, что ваша матушка скончалась от тифа. А отец ваш, я полагаю, ушел еще ранее? – Она кивнула. – А от чего умер он?

Перед ее глазами начало было проявляться лицо Па, но она не позволила себе этого, решительно опустив веки.

– Миссис Бейнбридж? Вы помните, как он скончался?

Мел закрипел по доске. *Нет*, написала она.

Шеферд покашлял, прочищая горло.

– Я предполагал, что такое могло быть. Видите ли, миссис Бейнбридж, по моему мнению, ваша теперешняя немота возникла не только в результате пожара в Бридже. Я подозреваю, что причины для этого состояния накапливались в течение долгого времени. На самом деле, я уверен, что болезнь, возможно, начала развиваться со смерти отца.

Она широко распахнула глаза. Потом повернула голову на подушке, вглядываясь в неясные очертания врача.

– Да. Мне очень жаль сообщать вам это, но смерть постигла вашего отца при очень тягостных обстоятельствах. Это случилось меньше чем через два месяца после рождения вашего брата. – Она

слышала, как доктор шуршит бумагами, но не могла сфокусировать зрение, чтобы увидеть их. – Была вызвана полиция. Вы сами дали показания. – Пауза. – Хотите... хотите, чтобы я прочитал его?

Ей показалось, что вся кровь, до единой капли, превратилась в лед. Она не могла шевельнуться, только моргнула, но он принял это за согласие.

– «Элизабет Ливингстон, двенадцати лет, со «Спичечной фабрики Ливингстонов», Боу, Лондон. Я – дочь покойного. Я помогала работницам на фабрике с самого детства. Второго августа, примерно в три часа дня я собирала связки спичечной соломки, когда заметила огонь на полу. Сперва он был небольшой, возле циркулярной пилы. Я не видела, как и почему он загорелся. Зная, как опасен огонь на фабрике, я подбежала, чтобы его погасить, но у меня не было под рукой ни кошмы, ни песка. Я попыталась сбить огонь руками и сильно обожглась. Кажется, я не кричала «пожар!». Это, видимо, сделали другие работницы. Вскоре после этого я увидела отца, бегущего ко мне с ведром воды. Вода выплескивалась из ведра, и он, видимо, поскользнулся. Я в это время была занята своими ожогами. Я услышала такой звук, будто скользит обувь, потом шум падения. Когда я подняла глаза, то увидела, что он упал на циркулярную пилу».

Шеферд выдержал паузу, как бы отдавая дань памяти. Лучше бы он этого не делал – в возникшей тишине она снова услышала его, тот жуткий звук.

– Страшное потрясение для любого человека увидеть такое, – наконец заговорил он снова. – Не говоря уже о ребенке, двенадцатилетней девочке.

Он даже не представлял, о чем говорит.

Доктор Шеферд принялся расхаживать по палате. Она почувствовала облегчение: звук его шагов заглушил вопль, стоявший в ушах.

– Из вашей истории я понял, что это событие как-то вывело вашу матушку из душевного равновесия – что ж, это вполне объяснимо. Вы помните?

Она кивнула.

– Можно ли сказать, что она – почти – помешалась от горя?

Ах Ма, преданная ему до самого конца. Как же она его любила. Ма видела его всяким, знала и с самой плохой стороны и все же

беззаветно любила – намного сильнее, чем она любила Элси.

Снова кивок.

– А не думаете ли вы, миссис Бейнбридж, что этот же несчастный случай мог повлиять и на вас сходным образом? Что в вашей семье может иметься такая предрасположенность? Не забывайте, вы тоже пережили ужасную потерю. А за ней последовала и другая.

Ужас был как раз в том, что она *не* повредилась в уме. Все чувства и привязанности, все, что только имелось в ее мире хорошего и чистого, все было поругано и искорежено – и несмотря на это, она до сих пор мыслила куда яснее, чем несчастные обломки человеческих существ, что мочились под себя прямо там, в коридоре. Она это знала.

– Безумие, как мы его называем, может проявляться по-разному. Люди не всегда вопят и воют, как, судя по вашему рассказу, делала ваша матушка. Но, скорее всего, оно действительно передается из поколения в поколение, я не раз наблюдал такое, и особенно по женской линии. Истерия и подобное ей передается от матери к дочери. Рано или поздно, но это проявляется. Боюсь, от этого не спрятаться, это факт, отрицать который, увы, невозможно.

Медленно опустив голову, она позволила ему забрать доску и мел.

Она чувствовала, как к ней неотвратимо подбирается прошлое, затапливает ее, как вода в реке, которая во время дождя дюйм за дюймом поднимается в своих берегах, постепенно добираясь ей до подбородка, наполняя рот.

Боюсь, от этого не спрятаться.

В этом доктор был прав. Теперь, когда она начала рассказывать свою историю, спрятаться было невозможно.

Бридж, 1865

С началом Рождественского поста погода резко переменилась. Туман покрыл холмы, пеленой заволок окна. Стоило приоткрыть дверь на улицу, как в дом врывались порывы ветра, неся с собой серебристо-серую дождевую пыль. Но Элси пообещала мистеру Андервуду, что начнет посещать службы, а обещание, данное викарию, нарушать нельзя, особенно накануне Рождества.

В октябре, на похоронах Руперта, Элси почти не обратила внимания на состояние церкви Всех Святых. Тогда все ее внимание было сосредоточено на гробе и лежащем в нем теле. Все остальное казалось несущественным или даже несуществующим. Но сейчас предметы приобрели четкие очертания. Церковь была убогой. Холодная, сырая, она отчаянно нуждалась в срочном ремонте.

Скамья их семьи располагалась впереди. Элси и Сара немного опоздали и, чтобы попасть на свои места, были вынуждены красться мимо сидящих рядами бедно одетых жителей деревни. Паршивцы поглядывали на них, но ни один не встретился с Элси взглядом – только косились исподтишка. Вероятно, до сих пор считали, что встреча с вдовой сулит беду.

К счастью, скамья Бейнбриджей стояла на некотором возвышении и была отгорожена от остальных прихожан боковиной и высокой спинкой. Дерево было изъедено до дыр – Элси пришлось стряхнуть пыль с сиденья, прежде чем сесть.

– Черви, – прошептала Сара, морща нос.

Дверца сбоку захлопнулась. Элси вздрогнула. Оказаться запертой в деревянной ловушке вместе с червями – почти так же ужасно, как быть похороненной заживо.

Черви оказались не единственным неудобством. Сверху свисала паутина, а с потолка капало – видимо, как раз в этом месте протекала крыша. Несмотря на то, что остролист из парка Бриджа украшал окна, в целом место выглядело унылым, совсем не радостным. В воздухе стоял неприятный запах сырости.

Сара нервно озиралась. На руке у нее до сих пор белела повязка. Аптекарь из Торбери Сент-Джуд сказал, что в ране нет инфекции, но Элси сомневалась. Ведь прошло уже почти два месяца. За это время ранка могла хотя бы покрыться корочкой?

– Ты что-то побледнела, Сара!

– Да... Все из-за церкви. Я думаю о несчастном кузене Руперте, которому предстоит вечно покоиться в таком месте!

Элси рада была бы тоже удариться в слезы, но не смогла.

В юности она любила ходить в церковь. Это место неизменно вдохновляло ее, рождало возвышенные мысли и чувства. Но в какой-то момент – кажется, примерно, когда погиб Па – ее отношение переменилось. Церковь стала огромным увеличительным стеклом,

поднесенным к ее лицу – и через это стекло на нее глазело множество людей. Вот и сегодня ощущение было примерно таким же. Фейфордская беднота не смотрела открыто ей в глаза, но, будьте покойны, все они ее заметили и держали ухо востро, словно охотничьи псы, почуявшие кровь.

Служба шла по заведенному порядку: псалмы и гимны, чтение Евангелия, проповедь мистера Андервуда, зажжение рождественской свечи. Под конец Сару трясло от холода. Элси заметила, как дрожал ее голос на словах «Господи – твердыня». Она протянула руку, чтобы обнять Сару за плечи, как вдруг толчок изнутри под ложечку заставил ее замереть.

Сара вскинула голову и вытаращила глаза.

– Миссис Бейнбридж?

Элси прижала руку к животу и снова почувствовала это: под пуговками, внутри что-то ощутимо брыкалось.

– Что-то с ребенком?

– Да. Он зашевелился.

Сара просияла и, не спрашивая позволения, приложила ладошку к корсажу Элси.

Непривычное ощущение: тепло от Сариной руки снаружи, ребенок, толкающий ее из своего влажного, скользкого обиталища внутри. Ужасно, если вдуматься. Один Бейнбридж снаружи, другой замкнут внутри, а она – не более чем тонкая перегородка, стенка, сквозь которую они могут общаться.

Элси опустила глаза вниз, на черный креп своего платья и на перчатку Сары, серую на его фоне. У нее появилось странное чувство, будто это не ее живот – что больше он ей не принадлежит. Это просто оболочка. Она была оболочкой, внутри которой росло другое, чужое тело.

* * *

Элси решила возвращаться в Бридж пешком. Движение, подумала она, пойдет ей на пользу, поможет разогнать кровь и развеет неприятное ощущение вторжения в ее собственное тело. Сопроводить ее согласилась Хелен. Сара оглохла на одно ухо от

простуды, а Мейбл не выдержала бы столь долгой прогулки из-за раненой ноги, так что они воспользовались коляской миссис Холт.

Во время службы прошел дождь, и усеянные опавшими листьями дорожки стали скользкими. Из кустов выбирались улитки, вытягивая шеи. Раз или два Элси пришлось обходить их прямо по мокрой траве, чтобы не наступить ненароком.

– Господи, мэм, придется Мейбл приготовить вам сухую одежду, как вернемся, – сказала Хелен. – Вам совсем негоже простужаться, в вашем-то состоянии.

– Спасибо, Хелен, я уверена, что она обо мне позаботится, – у Элси замерзли и онемели ноги. Еще одна пара чулок безнадежно испорчена. Хорошо еще, если от такой сырости ее креповое платье не сядет и не станет ей мало.

Отбивая башмаками неровный ритм, они пересекли мост с каменными львами. Над рекой поднимался тонкий белесый парок. Он напомнил Элси о спичечной фабрике. Закрыв глаза, она могла даже представить себе запах фосфора, который преследовал ее в те дни. Она ненавидела этот запах, но почему-то нуждалась в нем: для нее это была связь с домом, с Джолионом.

Чем сейчас может быть занят Джолион? Вероятно, отдает распоряжения новым девушкам в цеху или готовится к отъезду, чтобы выехать из дома на Рождество. Только когда он вернется в Бридж, Элси снова почувствует себя в своей тарелке. Брат слишком долго отсутствовал, и это расстраивало ее. Это неестественно – так долго быть с ним в разлуке.

Хелен выразительно покашляла.

– Мэм?

– Да, Хелен?

– Можно, я кое о чем вас спрошу?

Элси пригнулась, увернувшись от ветки, с которой, будто с кончиков пальцев, капала вода.

– Конечно.

– Что случилось с вашими руками, мэм?

– Что ты имеешь в виду?

– Ваши руки. Я ни разу не видела, чтобы вы снимали перчатки. Вот и подумала, может... может, вы их как-то повредили?

Руки Элси чесались и горели под черными кружевными перчатками: почти точная копия рук самой Хелен, мозолистых, с распухшими суставами и грязью, вьевшейся в кожу.

– Ты права, Хелен. Это был несчастный случай. Они обожжены.

Хелен тихонько охнула.

– Вот уж не повезло. С огнем нужно обращаться очень осторожно, мэм. Знала я как-то одну женщину в Торбери Сент-Джуд – давно. Платье ее маленькой дочки загорелось от свечки и вспыхнуло.

Элси пробрало холодом до самых костей.

– Нам еще далеко?

– Не очень. Еще два поворота, и увидим парк. – Тыльной стороной руки Хелен отерла влагу с лица. От холодного, сырого воздуха ее красная кожа выглядела еще румянее. – Но, пока мы еще не дошли, мэм, я хотела еще спросить... вы больше не заходили туда, в детскую?

– Нет, конечно. Да и незачем мне было туда заходить.

– А, – короткая пауза. – Мэм, а можно, я задам еще вопрос?

– Боже праведный, я думала, что это будет всего лишь прогулка, а не допрос.

– Извините меня, мэм. Я только подумала, не надо ли нам еще прислуги, когда появится ребеночек? Мейбл получит повышение, а одной только стирки прибавится столько – у меня ж не будет времени даже голову поднять.

И задавать столько вопросов.

– Конечно, я найму ребенку нянь, на Благовещение. А пока у меня совсем другие расходы.

Они уже почти добрались. Элси даже слышала, как лязгают садовые ножницы в парке.

Появилась надежда, что они успеют оказаться под крышей до того, как дождь опять разойдется. Иссиня-серые тучи сбивались вместе, готовые к нападению. Солнце подсвечивало их сзади, и они светились по краям.

– Пожалуй, надо отпустить садовников до завтра, – сказала Элси. – Они могут вымокнуть до нитки, работая в такую погоду.

Хелен удивленно подняла брови.

– Не думаю, что сегодня приходили садовники.

– Разумеется, приходили, разве ты их не слышишь? Прислушайся.

Хелен покачала головой.

– Они обрезают цветы или подстригают живые изгороди. Ты в самом деле ничего не слышишь? – Звук нарастал, становился громче и походил на то, как лезвие точат о брусок. *Вжик, вжик*. Элси остановилась, взяла Хелен под руку. – Ну же, вот оно.

Хелен растерянно моргала. Вид у нее был на редкость глупый. Элси никогда не приходилось видеть более глупого взгляда – Хелен, должно быть, долго тренировалась, чтобы так выглядеть.

– Ничего, не обращай внимания.

Как и обещала Хелен, после двух поворотов дороги они увидели парк. На фоне неба вечнозеленые деревья казались яркими и полными жизни. Между увядшими живыми изгородями Элси увидела ворону, но садовников не было. Должно быть, они работали с другой стороны.

– Надеюсь, вы не будете слишком унывать в Рождество, мэм, – подала голос Хелен. – Вспоминать о бедном хозяине и все такое... в первое Рождество всегда трудно приходится.

– Да.

– Хозяин был всего на несколько лет старше меня. Так уж это несправедливо...

Хелен поминала Руперта чаще других слуг. Возможно, дело было как раз в их сходном возрасте или в том, что она обнаружила его тело.

– Из твоих слов, Хелен, можно понять, что ты любила хозяина. Мне приятно это слышать.

Служанка нерешительно улыбнулась.

– Он всегда ласково со мной говорил. Я думаю, это было хорошо с его стороны – уделять внимание прислуге.

Видит Бог, лондонская прислуга не заслуживала хорошего отношения. Злорадные и неблагодарные, хотя и отлично вышколены.

– А еще, – продолжала Хелен, – он немножко со мной говорил про тот день. Ну, о том, что читал ту книгу и как нашел буквы в детской.

Снова детская. Элси поежилась, когда капля дождя сорвалась с ветки и упала ей за шиворот.

– Тебе следует перестать думать об этом, Хелен. Ты уже говорила мне – мистер Бейнбридж считал, что надпись осталась от прежнего владельца. *Он* не думал, что ее оставило привидение.

– Нет, – согласилась женщина. – Но только он не знал, что я прибирала там неделей раньше и сложила все кубики в коробку. А

надпись на пыли он и вовсе не видел. «Мама», вот что там было написано в тот день. А обычно там было целое предложение. – Элси не хотела знать, что это было за предложение, но Хелен явно решила посвятить ее в подробности. – «Мама сделала мне больно», вот какое.

Элси не отвечала.

Они приближались к дому и обогнули мокрые от дождя изгороди, от которых исходил запах мха и травы. Элси продолжала слышать звук неутомимых ножниц, он уже начал действовать ей на нервы.

Поравнявшись с фонтаном, Хелен снова принялась болтать.

– А как вы думаете, мэм, что это все же было? Кто мне писал?

– Это Мейбл, – отрезала выведенная из терпения Элси. – Она тебя разыгрывает. Пишет тебе всякую ерунду, а потом делает вид, будто сама не видит надписи. Ничего не может быть проще.

– Мейбл? Да она своего имени написать не умеет, мэм, не то что... – Хелен не закончила фразу, захрипев и уставившись куда-то с открытым ртом.

Элси подскочила к ней, заглядывая в лицо.

– Что? Что такое? – На щеках Хелен больше не цвели розы. Даже губы ее побелели. – Тебе плохо?

Хелен молча вытянула руку и ткнула пальцем, указывая на что-то.

Элси не хотела смотреть. Она не хотела, чтобы ее глаза проследовали в указанную сторону, но они *повернулись* туда, против ее воли, ведомые неким роковым инстинктом.

Из окна карточного салона выглядывала деревянная девочка. Часть ее лица закрывали тени, похожие на ветви дерева. Рога – это были рога. Она стояла точно под головой оленя. Но не это притягивало взгляд Элси, а окно слева.

Прямоугольник с отпечатавшейся на стекле грязной ладошкой.

– Может быть, это садовники...

– Нет, – Хелен сглотнула. – Гляньте, след-то на внутренней стороне.

Было трудно дышать. Младенец толкался, вертелся, вызывая спазмы в желудке. А в воздухе продолжали звучать зловещие ножницы: *вжик, вжик*.

Элси встряхнулась. *Делаешь из мухи слона* – так сказала бы Ма. Этот отпечаток могла случайно оставить Мейбл – а то и сама Хелен.

– Чепуха. Ты не можешь с такого расстояния разглядеть, внутри отпечаток или снаружи.

Элси направилась вперед с решимостью, которой на самом деле не испытывала. Хелен кричала ей вслед, моля остановиться, но она уже ничего не могла изменить. Ноги сами несли Элси вперед – она едва поспевала за ними.

Еще шаг, и грязный отпечаток на стекле стал четко виден. Слишком маленький. Он никак не мог принадлежать садовнику. Это была детская ручонка.

Элси подошла к окну вплотную, так близко, что стекло запотело от ее дыхания. Когда оно прояснилось, Элси увидела свое отражение поверх деревянных черт компаньонки. Но она не узнала себя. Лицо было как чужое – бледное, искаженное, уродливое от страха.

Дрожа, Элси подняла руку и прижала перчатку к грязному следу. Хелен была права. Ладонь отпечаталась с внутренней стороны.

– Мэм? Вы видите? Там есть надпись?

Элси открыла было рот, чтобы ответить, но тут ее внимание привлекло едва заметное движение. Она замерла.

– Мэм? С вами все в порядке?

Ей удалось кивнуть, но говорить Элси не могла.

Компаньонка больше не смотрела в сад. Немигающим взглядом она уставилась прямо в глаза, прямо в душу Элси.

Мейбл не солгала. Глаза фигуры *двигались*.

* * *

По бордовому коридору гуляли сквозняки. На тисненых обоях плясали тени от горящих с грозным ревом газовых ламп. Элси, зябко кутаясь в шаль, прижималась к плечу Сары. Никогда еще она не чувствовала себя настолько сломленной, как в этом доме, настолько потерянной и *поглощенной* им.

– Вот она, – сказала Сара. Вытянув палец, она ткнула в картину, остановившись в каком-нибудь дюйме от холста. – Видите? Смотрите на юбку женщины.

Полотно было написано в стиле барокко, близко к манере Вермеера. Перед птичьей клеткой сидела пухленькая светловолосая

женщина с усталыми глазами. Руку она протягивала к сидящему в клетке воробью. Слева на них падал свет, полностью освещающий женское лицо – милое, хотя и излишне полное. Вплетенные в волосы кораллово-розовые ленты повторяли цвет отороченной мехом накидки у нее на плечах. В пышную, сливочного цвета юбку вцепилась маленькая девочка. Станный ребенок, с тем неестественным, будто кукольным выражением лица, какое нередко придавали детям на старинных портретах. Девочка не глядела на воробья, а пристально смотрела вверх, в лицо дамы.

На Элси навалилась дурнота.

– Это *она*. Сара, это же она. Та же девочка, что и компаньонка.

Ш-ш-ш.

Элси ухватила Сару за рукав, смяв сиреневую ткань.

– Ты слышишь?..

– Рабочие, – мягко ответила Сара.

Элси прерывисто вздохнула. В легкие ворвался воздух, несвежий и отдающий краской. Да, конечно, это не тот звук, что слышался той ночью и показался ей похожим на пилу, – это была *настоящая* пила. Явились, наконец, настоящие рабочие, готовые привести дом в порядок.

– Конечно. А у меня из головы вон.

Сара вернулась к картине.

– Мне тоже показалось, что она схожа с компаньонкой. Только, пожалуй, чуть помладше. Но есть еще кое-что, и это очень интересно. Взгляните на надпись на раме.

– Тысяча шестьсот тридцатый, – прочитала Элси.

– Да. И имя. *Анна Бейнбридж со своей дочерью Генриеттой Марией.*

– Генриеттой Марией.

– Но ее звали Гетта.

– Откуда вам знать?

– Она – одна из моих предков! Гетта, цыганский мальчик, компаньоны – все они описаны в дневнике, который мы нашли в мансарде. Бедная Гетта была немой. Ее матери говорили, что у нее больше не будет детей. Но она пила какие-то настои из трав, и родилась Гетта, с недоразвитым языком. Несчастливая малютка! Вы представляете, тогда таких детей считали проклятыми. Ее полностью

игнорировали. А ведь она – просто прелестное, одинокое дитя... Я *отказываюсь* верить – то есть, даже если предположить, что у нее и вправду двигались глаза...

– Они двигались.

– Что ж, – Сара сдвинула брови. Она ни разу не засмеялась... и за это Элси была бесконечно благодарна ей. Сара отнеслась к проблеме, как к сложной задаче, которую необходимо решить. – Что, если в деревянной кукле присутствует дух этой Генриетты Марии Бейнбридж? Значит ли это, что она непременно желает нам зла? Не могу в это поверить. – Она замотала головой. – Гетта просто-напросто ищет кого-то, кто стал бы о ней заботиться. Друга. Она была так одинока. Мне ли не знать, каково это.

Элси передернуло.

– Вот, значит, до чего мы дошли? До разговоров о привидениях и спиритических сеансах?

– Вы не верите в привидения? – Сара, казалось, была поражена. С равным успехом Элси могла бы сказать, что не верит в разные цвета. – Я уверяю вас, они реальны, миссис Бейнбридж. К миссис Крэббл приходили магнетизер и медиум, чтобы вызвать ее покойного супруга. В Лондоне все богатые старые леди этим увлекаются. Это совершенно безопасно. Это наука. Ничего страшного.

Тогда почему так бьется сердце?

– А мне *страшно*. Я боюсь компаньона-цыгана и старуху с младенцем на коленях. С ними что-то нечисто. Они кажутся мне... неправильными.

– Возможно, отпечаток на стекле оставила Гетта, пытаюсь установить с нами связь? Нужно попытаться наладить с ней контакт. Я читала книгу о спиритических сеансах. А однажды пыталась вызвать своих родителей...

Элси застонала.

– Бога ради, нет! Перестань говорить о ней, как о реальном ребенке. Хорошо, что я велела миссис Холт запереть ее на чердаке, вместе с остальными!

– Но это не так глупо, как вам кажется. Реальный ребенок в самом деле *был*. Это подтверждается картиной и дневником. Я пытаюсь припомнить, о чем шла речь в последней дневниковой записи, которую я прочитала... Муж Анны подарил ей бриллиантовое кольцо, это я

помню. Вы знали, что его приобрели специально по случаю визита Карла Первого?

– Какое сейчас это имеет значение...

– Очевидно, никакого... Ах да, бедной Гетте запретили присутствовать на придворном маскараде! Ее отец испугался, что она его опозорит.

Элси сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь подавить раздражение.

– А я сомневаюсь, что дух стал бы изводить нас из-за того, что двести лет назад пропустил маскарад.

– Нет, – глубокомысленно согласилась Сара. – Должно быть что-то еще. Я должна дочитать дневник до конца. Если бы я догадалась взять и вторую часть до того, как заклинило дверь мансарды!

– Сейчас починкой двери как раз занимаются. Когда рабочий закончит, мы сходим за второй тетрадью и посмотрим, нет ли в ней разгадки тайны.

Скоро все наладится, Элси только нужно совладать со своим ужасом, держать его в узде, еще немного! Через две недели Рождество. К этому сроку ей доставят новые платья, и Джолион приедет. Он привезет сливовый пудинг, апельсины, утыканые гвоздикой, перевязанные лентами подарки в цветной бумаге, радость, тепло и яркие краски, которых ей так не хватает. Все будет хорошо, когда приедет Джолион, уговаривала себя Элси.

Вдруг она услышала крик.

– Мейбл! Это голос Мейбл.

Женщины бросились бежать по коридору к Фонарной галерее. Навстречу им по лестнице неслись миссис Холт и Хелен, в мокром переднике и с деревянной колотушкой для белья в руке. Хелен размахивала колотушкой, как оружием.

– Миссис Бейнбридж! Мисс Бейнбридж. Что стряслось? – миссис Холт была сильно взволнована.

– Сами не знаем, – сказала Сара. – Мы решили, что это кричала Мейбл, наверху.

Они дружно затопали по ступеням. Элси выбилась из сил, корсет больно впивался в подмышки, но каким-то чудом она первой добежала до лестничной площадки. Сделав три шага, она чуть не столкнулась с тенью, крадущейся навстречу.

– Мейбл! Мейбл! – вид у девушки был совершенно дикий. По лицу ее струились слезы. Элси схватила ее за плечи и крепко прижала к себе. – Что случилось?

– Как вы могли? Как вы могли? – замолотила она кулаками в грудь Элси. – Разве ж можно быть такой злой? Ох, ох!

– Что? Да о чем ты говоришь?

– Вы знаете! Знаете! – у Мейбл подкосились ноги, и она осела на пол. – Ничего смешного нет. Я так перепугалась...

Она разрыдалась.

Выпустив ее, Элси беспомощно оглянулась на Сару и миссис Холт, потом на Хелен.

– Хелен, может, ты попытаешься добиться от нее, что случилось?

Положив колотушку на пол, Хелен опасно тронула Мейбл за плечо.

– Ну, успокойся. Что стряслось? Уж не... – она понизила голос до шепота. – Ты что, увидела еще одного?

– Она... она... – Мейбл с трудом могла говорить. – *Она* небось подсунула это ко мне в комнату. Знает же, как я их терпеть ненавижу! Решила... подшутить!

По коже у Элси забегали мурашки.

– Что было у тебя в комнате, Мейбл?

– А то вы не знаете! Одна из этих *штучек-дрычек!*

Элси переглянулась с Сарой.

– Нет. Этого быть не может. Миссис Холт заперла всех компаньонов на чердаке. Я сама наблюдала, как она это делала.

– Не из тех. Эту я раньше не видала.

В ушах у Элси зашумело.

– Нет. Нет, я не верю.

Выпрямившись, Элси решительно пошла по коридору. Она собственными глазами все осмотрит. И докажет, что это ошибка.

Дверь распахнулась, открыв узкую кровать Мейбл, столик для умывания, литографии на стенах.

Она стояла в сидячей ванне.

Коренастая женщина, расчесывавшая волосы. Кертл на ней был цвета маринованных огурчиков. Она носила грязноватые полотняные нарукавники и длинный, по щиколотку, передник. С насмешливой улыбкой женщина проводила щеткой по волнистым темно-русые

волосам, а другой рукой придерживала волосы сверху. Глядела она кокетливо, но в то же время как-то враждебно.

– Ну, давай, – сипло позвала Элси. У нее даже закружилась голова от собственной храбрости. – Скоси их, если хочешь. Ну, что же ты, поводи, поводи глазами!

Глаза остались неподвижными. Но Элси уловила едва заметный звук – щетки, проведенной по сухим волосам. В воздухе стоял густой и удушливый запах роз. Ей вдруг стало очень жарко.

Этого Элси вынести не смогла. Она хлопнула дверью и кинулась наутек по коридору. Впрочем, ноги стали как ватные, и она не бежала, а еле плелась, отягощенная младенцем во чреве. Совершенно беззащитная.

Женщины ждали ее на площадке. Мейбл подняли и усадили на стул, она уже не плакала, но была очень бледна.

– Я их заперла, – сказала миссис Холт. – Клянусь, что они заперты. А у миссис Бейнбридж даже и ключей нет, Мейбл. Я не понимаю, как это могло случиться.

– Мейбл, – Элси старалась говорить уверенно, но голос дрожал и не повиновался ей, как чужой. – Вы все. Я прошу вас очень, очень хорошо подумать. Кто находится в доме? У нас бывают торговцы и рабочие. Садовники. Я хочу, чтобы вы составили список. Кто-то, где-то, по непонятной причине играет с нами злые шутки. Оставляет отпечатки на окнах и... – Элси нахмурилась, ее внимание привлекли блики света. – Мейбл, ты надела мои бриллианты?

Кровь бросилась служанке в лицо.

– Я их просто согревала, мэм. Хелен говорила, что так делают в богатых домах. Скажи, Хелен? Согревают хозяйские жемчуга.

– Согревала? – выкрикнула Сара. – Хороша выдумка! Миссис Бейнбридж даже не может надевать их, пока не кончится траур.

Целый день тревога и напряжение Элси все нарастали. Это должно было прорваться. Гнев взял верх над страхами, и она не стала ему противиться.

– Сними их! – закричала она. – Сними немедленно!

Снова залившись слезами, Мейбл закинула руки за голову, но цепочка запуталась в волосах.

– Если ты не снимешь их сию же минуту, я выгоню тебя вон из этого дома!

На помощь Мейбл пришла Хелен. Уверенно она расстегнула замочек и сняла кольцо. На цепочке осталось несколько темных волос Мейбл.

– Я ничего такого не хотела, – всхлипывала Мейбл. – Ничего дурного не делала и не заслужила этакой дрянной штуки в своей комнате.

Откуда-то со стороны восточного крыла донесся звук удара, а следом за ним послышался радостный возглас.

Элси встретила глазами с Сарой.

– Кажется, им удалось, наконец, открыть мансарду, – прошептала она. – Сбегай туда и забери вторую часть дневника.

Сара мгновенно повиновалась.

Миссис Холт расхаживала взад-вперед, сложив ладони вместе.

– Боже милостивый. Что же это делается! А мы ведь еще стирку не закончили...

Элси покосилась на дрожащую Мейбл, которую утешала Хелен. К этому времени она успела немного успокоиться, и ей стало немного стыдно за то, что накричала на девушку.

– Вот что, Мейбл, что бы ты ни думала, я не приносила эту компаньонку к тебе в комнату. Я, признаюсь, начинаю ненавидеть их так же сильно, как ты.

Мейбл глядела и слушала, но Элси не могла ничего прочитать по ее лицу.

Вернулась Сара, задыхаясь от быстрого бега, растерянная, с пустыми руками. Она побледнела и вся тряслась, как левретка.

– Сара, что? Тетрадь пропала?

– Нет, дневник там, но она не... – Сара с трудом перевела дыхание, – она не захотела, чтобы я его брала. Я явственно почувствовала, что эта несчастная душа противится и не хочет, чтобы я читала его.

– Бога ради, о чем ты говоришь?

– Там была она, – у Сары прыгал подбородок. – Гетта была в мансарде.

Уже похолодало настолько, что мог выпасть снег, но Питерс и Стилфорд во дворе трудились до седьмого пота, снова и снова нанося удары топорами: *бах, бах*. Кусок за куском, щепка за щепкой отделялись от дерева. Сверху оно было коричневым, а потом молочно-белое, волокнистое, и его плоть с большим трудом поддавалась топору. Питерс остановился передохнуть, положив руку на пояс. Перед ним горкой валялись разрозненные части компаньонов: деревянные головы, отделенные от тел руки.

Элси, в самом теплом из своих плащей, вышла к кухонной двери вместе с Сарой и женской прислугой. Как хотелось ей сейчас быть женщиной. Будь у нее силы на то, чтобы поднять топор, она бы сама сделала это: вдребезги разнесла бы лицо мальчишки-цыгана. Ей вспоминалась циркулярная пила на фабрике и свежая, только что нарезанная спичечная соломка, с грохотом сыплющаяся из-под зубьев в желоб. По телу Элси пробежала дрожь.

– Это настоящее варварство, – причитала Сара. – Ведь это антиквариат! Их приобретали мои предки: Анна Бейнбридж купила их в тысяча шестьсот тридцать пятом году. Неужели нельзя было попытаться хотя бы продать их?

– Кому в голову придет выкладывать деньги за деревянных кукол, от которых жуть берет? – крикнула Мейбл. – Только тому, кто не в себе, мэм.

Сара кусала губы. Она была расстроена, и Элси чувствовала себя неловко. По справедливости, компаньоны принадлежали потомку рода Бейнбриджей – а не чужой, которая совсем недавно стала Бейнбридж, по мужу. Она разрушила наследство Сары. Но что еще можно было сделать? Позволить им снова по всему дому и выскакивать всюду, как чертики из табакерки, пугая их всех до смерти?

– Лишнее дерево для растопки зимой не повредит, – вставила миссис Холт.

Элси пробрала дрожь.

– Нет. Я не хочу, чтобы их сжигали в доме. Мне кажется, это было бы... неразумно.

– Можно, я тогда раздам доски в деревне, мадам? В Фейфорде?

В воздухе снова мелькнул топор, следом раздался звук падающих досок.

– Возможно, лучше всего просто сжечь их тут же, во дворе.

Миссис Холт не ответила, но до Элси донеслось ее неодобрительное хмыканье.

Она поступила глупо? Теперь, когда компаньоны превратились в разрозненные обломки посреди мощеного двора, все это и впрямь выглядело нелепо – истерика перепуганной барыни. И все же лошади нервничали, прижимали уши и косились так, что были видны белки глаз. Корова Беатриче забилась глубже в стойло и перебирала губами сено в кормушке. Животные знали. Животные всегда чувствуют подобные вещи.

– Ну вот, – с одышкой проговорил Питерс. Пот заливал ему глаза. – Последняя осталась.

Все повернулись к компаньонке, которую Сара называла Геттой. Оставшись в одиночестве, она молча, невозмутимо взирала на уничтоженных сотоварищей. На лице безмятежная улыбка, белая роза прижата к груди.

Элси показалось, что она вряд ли смогла бы смотреть на то, как Питерс разрубит эту последнюю фигуру. Каково это – увидеть, как распадутся на куски черты этого личика, так похожего на ее собственное в детстве? Прошлое отсечено и идет в огонь.

Питерс шагнул вперед.

– Нет! – это была Сара. – Нет, прошу вас. Это невозможно! Только не Гетту. Она уже довольно настрадалась.

Элси повернула голову так, чтобы поля капора скрыли ее лицо от всех, кроме Сары.

– Мы должны сделать это, Сара. В этих предметах есть что-то такое... что-то неправильное.

– Как вы можете судить о том, что в них что-то неправильно? Откуда вам знать? Вы знаете лишь, что вас они пугают.

Отпечаток детской руки на стекле, неуловимое движение этих глаз.

– Да, она меня пугает. И одно это уже достаточно весомая причина. Вы полагаете, это полезно моему ребенку – все эти испуги и переполохи?

– Но Гетта – мой предок. Я читала о ней, мне кажется, будто я с ней знакома, – мольба в голосе Сары сменилась безысходностью. – Что, если она пытается с нами связаться? Если просит меня устранить несправедливость? Я не могу ее подвести!

Ну конечно, она уже слышала об этом. Что убитые не могут упокоиться и скитаются по свету в поисках справедливости. Элси доподлинно знала, что это сущий вздор. Видно, та старуха, миссис Крэббли, годами вбивала в голову Саре подобную чепуху. Месмеризм, подумать только!

– Мисс Сара, – вступила миссис Холт, – осмелюсь заметить... Я с юных лет живу в этом доме. И никогда не было у нас здесь никаких привидений и призраков!

Хелен шмыгнула носом.

– Но вы не состояли в родстве с Геттой! – с фанатичной энергией набросилась на нее Сара. – Она и не пыталась достучаться до вас. А мы с ней похожи, она и я. Умоляю, оставьте ее мне. Хотя бы до тех пор, пока я не дочитаю дневник.

Со стороны груды оставшихся от компаньонов досок раздался тихий скрип, словно оседали балки. Ей нужно принять решение. Скоро начнет темнеть.

– Сделайте это, – прошептала Мейбл. – Пусть ее разрубят и сожгут дотла, к черту.

– Мейбл! – возмущенно откликнулась на ее слова миссис Холт.

Элси вздохнула. Сколько же их в мире, в прошлом и в будущем: печальных, одиноких маленьких девочек. *Она уже довольно настрадалась.* О ком говорила Сара, о Гетте – или о себе самой?

Элси уже заняла дом Сары и получила ее бриллиантовое кольцо. Она не сомневалась в том, какого решения ожидал бы от нее теперь Руперт.

– Сара может оставить Гетту себе, раз для нее это так важно. Но я настаиваю, чтобы ее убрали из дома и заперли в мансарде, подальше от моего ребенка.

– О, благодарю, благодарю вас, миссис Бейнбридж! – пропищала Сара. – Я уверена, что вы поступаете правильно.

Щеки у нее пошли красными пятнами. Глаза блестели ярко, как иней.

– В мансарде, вы понимаете?

– Да, да. Я буду держать ее в мансарде, ничего страшного.

Сара схватила Гетту так порывисто, будто вырвала ее из лап смерти. Она прижимала ее к себе нарисованной стороной, но из-за раненой руки никак не могла ухватить половчее.

– Кто-нибудь поможет мне отнести ее наверх?

Мейбл и Хелен дружно попятились.

– Господь милосердный! – воскликнула миссис Холт. Побряцав ключами, она отперла кухонную дверь. – Вы уж поскорее, мисс Бейнбридж. Мои девушки скоро собственной тени начнут бояться.

Когда Сара с Геттой скрылась в доме, Элси вынула из кармана спичечный коробок. Питерс протянул руку, но она отрицательно качнула головой. Этот огонь она хотела зажечь сама.

– Наконец-то, – прошептала Мейбл.

Элси приблизилась к груде обломков. Подул ветер, и вуаль у нее за спиной поднялась, как черный дым. Она будто увидела себя со стороны – серьезную и торжественную, в черном.

Части компаньонов причудливо перемешались: волосы цыгана, отделенные от головы, словно скальп, разрубленное пополам жутковатое дитя. Теперь они ее не пугали. Вынув спичку, Элси чиркнула по коробку.

Искра, вспышка синеватого света, потом оранжевое пламя. Сквозь перчатки Элси почувствовала тепло. Она наблюдала, как огонек пляшет на ветру, чувствуя силу в руке и готовность одним движением выпустить эту силу на волю. Она уже ощущала запах дыма.

– Ну же, мэ, – поторопила Хелен.

Элси отпустила спичку и дала ей упасть.

Затрещало дерево, груда разом вспыхнула. Из пламени за ней наблюдал глаз. Краски теряли цвет, а он таял, стекал по щеке, будто кровь.

Бридж, 1635

Кажется, я поступила правильно. Кажется, все идет хорошо.

Тот цыганенок (Меррипен, как он называет себя) прижился в конюшне. Он торжественно поклялся, что не станет оставлять двери незапертыми и помогать своим нечистым на руку соплеменникам. Я знаю, что это за народ.

С тех пор, как я сменила гнев на милость и помогла ее маленькому другу, Гетта вся светится от удовольствия, носится по лестницам наперегонки со своими спаниелями, носит на кухню выращенные ею

травы большими пучками и любуется моими бриллиантами. Меня немного удивляла эта радость, но в то же время я чувствовала, что горжусь своей дочерью. Ведь я решила, что она справилась с огорчением, преодолела его, как подобает леди. Ей, думала я, служит достаточным утешением то, что удалось пристроить на службу друга. *Как удачно Джосайя сумел ей все объяснить*, повторяла я мысленно. Могла ли я знать? Могла ли помыслить, что муж совсем ничего ей не сказал?

Все началось с приездом мальчиков. Стояли жаркие, неприятно душные дни. Все утро стрекотали сороки, обсуждая свои секреты. Но мои сыновья пребывали в прекрасном настроении, они выскочили из кареты, такие долговязые, неуклюжие, радостно хлопая друг друга по плечам.

Джеймс первым направился к Большому холлу. Генри его перерос. За этот год он сильно вытянулся, прямо, как тростник на одной из грядок Гетты. А Чарльз! С трудом верится, что Чарльз вышел из моего тела! Он такой крепыш и здоровяк, крепко сбит и наделен силой мастиффа. Неудивительно, что при рождении он произвел в моем теле столько разрушений, неудивительно, что повитуха сказала... Впрочем, теперь это уже не имеет значения.

Все мы долго обнимались, делились новостями. Ужин прошел весело и шумно, и улыбка не сходила с лица Гетты. Когда мы поели, она показала братьям, что подготовила к спектаклю: потайные лазейки и рычаги, помосты, похожие на облака. Она попробовала сделать пируэт, а Джеймс подхватил ее на руки, так что девочка будто бы взлетела на фоне расписанного задника, изображающего синее небо.

Из лавки мистера Сэмюелса прибыл очередной посыльный с коробками.

– Еще? – Джосайя притворился возмущенным, но я видела, что его радует каждая из выбранных мною вещей.

– Мы удивим королеву этими диковинами, – сказала я. – Бридж окажется самой удивительной кунсткамерой, какую ей только доводилось видеть.

На сей раз посыльный доставил обманки – изображения людей, вырезанные из дерева, которых мистер Сэмюелс назвал своими компаньонами. До чего же они искусно сделаны, просто чудо! Здесь

была не только та женщина, из лавки, но много, много других: и спящее дитя, и дама с лютней, и джентльмен с блудницей на коленях.

– Разрази меня гром! Видали вы что-нибудь подобное? – Чарльз подошел и потрогал одну фигуру своей толстой рукой. – Эта особа будто сошла прямо с портрета.

Гетта тоненько заскулила от восторга, как собачонка при виде обожаемого хозяина. Встав рядышком с Чарльзом, моя девочка заворуженно и с восхищением рассматривала фигуры. Пока мальчишки болтали, она, подойдя ближе, обходила их со всех сторон, обводила пальчиком край силуэтов.

– Смотрите, – сказал Генри, – Генриетта Мария играет в прятки.

Этим занялись и мы, пока слуги трудились, наводя порядок в доме: бегали, как дети, расставляли компаньонов в самых неожиданных местах, пытались испугать друг друга.

– Они должны выглядеть естественно, – говорила я. – Я хочу, чтобы люди подходили и заводили с ними беседу. Хочу, чтобы король наткнулся на компаньона и извинился!

Мы отыскивали в доме тысячу укромных уголков и закоулков, тысячу мест, где можно разместить компаньонов наилучшим, самым выигрышным способом. Когда зажигали свет, деревянные фигуры выглядывали из своих убежищ и будто бы усмехались с видом заговорщиков. Они обещали, что устроят для королевы сюрприз на славу.

– Нас ждет триумф, – смеялся Джосайя. – Все это вместе – настоящий триумф.

Час был уже довольно поздний, но никто из нас не спешил уединиться, чтобы провести час перед ужином в тишине, за чтением. Мы были крайне возбуждены, взвинчены. До визита королевских особ оставалось меньше сорока восьми часов. Дом уже ожил, преобразился – доселе мы не видели его таким. Кажется, мы предусмотрели все, что только могли. Оставалось только одно: ждать.

– Когда же мы будем репетировать представление? – спросил Джеймс. При свечах он показался мне бледным и встревоженным. – Я разучил все движения, которые вы мне прислали, но лучше все повторить на месте.

– Завтра, – сказала я. – Завтра приезжают музыканты.

– «Триумф платонической любви». Недурно звучит, правда? – Генри разгладил свой кружевной манжет. – Наша пьеса, разумеется, не может соперничать с сочинениями мистера Джонса, и все же я уверен, что королева будет довольна. Ты тоже танцуешь, Чарльз?

Все трое мальчиков разразились смехом. Я лишь однажды или дважды видела Чарльза танцующим, когда он был совсем ребенком – и не стыжусь признаться, что его танец не способен вызвать прилива материнской гордости. Бедный мальчик не обладает ни чувством ритма, ни грацией, а его могучая фигура выглядит на редкость комично.

Чарльз подхватил шутку, хоть и притворился, будто рассержен, и свирепо погрозил брату кулаком.

– Ах вот как, ты не хочешь мной полюбоваться? А впрочем, я не хочу перепугать королеву. Лучше уж я выйду и произнесу речь, вот и все. Зато какая это будет речь!

Я смеялась вместе с мальчиками и так увлеклась, что не заметила, что Гетта подобралась к очагу, перед которым сидел Джосайя. Только услышав его голос, я повернулась и увидела, что наша дочь сидит на подлокотнике и дергает отца за рукав.

– Да, Генриетта Мария? В чем дело? – Она глядела на него своими большими глазами, зелеными с золотыми и рыжими искорками. – Ну, чего ты хочешь?

Я должна была уже тогда все понять. Я должна была обратить внимание на тень, пробежавшую по его лицу, на злое, внезапно повисшее молчание. Но нет – я просто сидела и молча глядела на них, смотрела, как Гетта, с глазами, полными ожидания, тычет пальчиком себе в грудь.

– Ну что же ты? – выкрикнул Чарльз. – Говори, Гетта!

Мальчики снова захохотали.

– Отстань от нее, Чарльз! – резко прикрикнула я, но мальчики лишь сильнее зашлись смехом. Они так разошлись, что осмеяли бы, пожалуй, саму смерть.

– Я же просто пошутил, матушка.

– Не представляю, что пытается мне сообщить Генриетта Мария, – сказал Джосайя. – Анна, ты что-нибудь понимаешь?

Медленно, изящно Гетта поднялась на носочки и сделала изумительный пируэт, подняв чуть согнутые руки над головой с

черепаховым гребнем в волосах. Она походила на прекрасный сон, на фею, на танцовщицу из французской придворной труппы. Я и не знала, что она может так танцевать. Но это зрелище не вызвало у меня ни удовольствия, ни радости. Я увидела радость на ее личике, потом виновато-хмурое лицо Джосайи, и внезапно всё поняла.

– Она хочет узнать свою роль! – осенило между тем Генри. – Какая роль в этом представлении будет у Генриетты Марии, отец?

Нет, подумала я. *Только не так. Не на глазах у ее братьев.* Но Джосайя это сделал. Задумчиво поболтал вино в бокале и сказал очень-очень тихо:

– Генриетта Марии не будет участвовать в представлении.

Девочка резко опустилась с носочков на полную ступню. Я не могла поднять на нее глаз. Отвернувшись, я стала глядеть на поленья в камине, желая, чтобы огонь поглотил меня.

– Даже в маленькой роли? – голос Чарльза – он прозвучал слишком громко, слишком беззаботно. – Я уверен, мы можем ее куда-нибудь вставить. Без речей, конечно!

Джеймс и Генри прыснули.

– Ей пока рано, – ответил Джосайя. – Она слишком мала для подобных вещей. Она посидит с нами за столом, а потом пойдет спать.

Мальчики провели вне дома слишком много времени. Они не распознали предупреждение в отцовском голосе. Упиваясь своим остроумием, они продолжали придумывать все новые идеи.

– Сделаем ее купидоном.

– Любовь слепа, так почему ей не быть немой?

– Пусть танцует в комической интерлюдии!

– А если нарядить ее демоном? Знаете, такие маленькие демонята?

– О да, они самые шустрые. У мистера Джонса они всегда выскакивают из облака дыма.

– Он ведь использует для этого королевских карликов?

– Да, но карликов вечно не хватает. Переоденьте девочку и нарисуйте ей бороду, говорю я вам.

– Хей-хо! Мы поместим ее в зверинец! Ее величество обожает странных и забавных людей.

– Уверяю вас, нет никого забавнее нашей сестрицы.

– Довольно! – из бокала Джосайи выплеснулось вино, так резко он выпрямил спину. – Довольно, уймитесь. – Его низкий, рычащий голос перекрыл шум голосов и буквально проник мне под кожу. – Что за пустая болтовня! Я полагал, что вы выросли и стали взрослыми мужчинами.

Мальчики, мигом утихнув, стояли с опущенными головами.

– Мы только...

– Неважно, Генри. Скоро здесь будут король и королева, понимаете ли вы это? Допустимо ли, чтобы мои сыновья вели себя, как шуты?

– Нет, отец.

– Я сказал, что Генриетта Мария не останется на представление, и разговор окончен.

Если бы она топнула ногой, заплакала или толкнула меня, как тогда в саду – я бы стерпела. Но ничего этого Гетта не сделала. Она упала на колени рядом с камином и положила руки на колени. Она не зарыдала. Не пошевелилась. Только не отрываясь смотрела на огонь, как только что смотрела я, будто прозревая что-то в его глубине.

Все уже ушли спать, но ни Лиззи, ни мне не удавалось сдвинуть Гетту с места. Мы не могли уговорить ее посмотреть на нас. Она словно превратилась в одну из этих деревянных досок, с отсутствующим выражением на застывшем лице.

– Может, попробовать ваши бриллианты? – предложила Лиззи.

Я надела их на тонкую шейку Гетты, но все было тщетно. Они висели на ней, мерцая, переливаясь и вспыхивая то красным, то оранжевым.

Так мы и оставили ее там, смотреть, как поленья превращаются в горки золы. Моя дочурка, одна в темноте, наедине с догорающими огнями.

* * *

Я не могу уснуть. В ушах все звучат и звучат мелодии, которые, кажется, никогда не выветрятся из моей памяти. А стоит закрыть глаза, как я вижу палевый шелк, пунцовую тафту и кружева с золотыми

нитьями. Кажется, будто я все еще продолжаю танцевать. Сердце мое танцует. Джосайя оказался прав: это был триумф.

Они прибыли вскоре после полудня, сопровождаемые почетным эскортом, со множеством глашатаев и лейб-гвардейцами королевы. Величественное зрелище: сверкающая, многоцветная лента из коней, доспехов, стягов растянулась по дороге и вилась вдоль реки, уходя за холмы. Фейфордские пуритане, все до одного, попрятались в своих домишках и не мешали кавалькаде – правда, ни один не вышел поприветствовать высоких гостей. Я была к этому готова и наняла простолудинов из Торбери Сент-Джуд, чтобы изображали верных подданных. Они не подвели и справились с этой задачей.

Как только королевская чета вступила на мост, раздались фанфары – это заиграли музыканты на борту барки. От грохота сотен копыт во все стороны разлетались галки. Из пасти каменной собаки – фонтана – било красное вино, стекая в бассейн.

Король оказался меньше ростом, чем я ожидала, и очень стройным, чтобы не сказать щуплым. Облаченный во все черное, с острой бородкой и сонными глазами, он выглядел старше своих лет. Единственным отступлением в его строгом облике был широкий воротник из серебряных кружев, изящных и тонких, как паутинка.

Но она! Увидев, как королева, легкая, миниатюрная, соскакивает с лошади, я чуть было не лишилась чувств. Она была обворожительна, умна и заразительно весела: целый день смеялась, пела и говорила без умолку. Черные ее волосы блестели, как полированный агат, карие глаза сияли. Лиззи зовет королеву папистской ведьмой, и, возможно, отчасти это правда, потому что она буквально околдовывает собеседника.

Пиршественные столы мы установили в Большом холле. На золотых блюдах были разложены перепелиные яйца, лососина, петушки гребешки, сладкий картофель, финики. Все это было превосходно украшено травами Гетты. Я и не представляла до сих пор, как усердно трудилась для этого моя дочь.

С того вечера, когда Джосайя запретил ей участвовать в представлении на маскараде, Гетта была очень серьезна, послушна и вела себя безукоризненно. На пиру она с любопытством наблюдала за тем, как едят и болтают придворные. Я ожидала, что она станет хихикать, трогать тугие завитки на дамских прическах, но нет. Девочка

только наклоняла головку к плечу, как воробышек, и смотрела. Хотела бы я проникнуть в ее мысли! Почему я, подобно Создателю, не могу читать в сердце у девочки, которую произвела на свет? Почему могу слышать Джосайю, а ее нет?

Застолье, кажется, не радовало Гетту – правда, еда редко бывает для нее источником удовольствия, с ее-то крохотным язычком. Однако, когда пришла Лиззи, чтобы отвести ее спать, на лице девочки появилось очень необычное выражение. Она уходила с улыбкой на устах – но какой улыбкой! От нее веяло ледяным холодом, а не обычным солнечным светом.

Тогда меня это не слишком взволновало, да и некогда было думать о Гетте, уходящей навверх. Воплощенное бессердечие, я слишком наслаждалась праздником, чтобы обратить на это внимание. Но сейчас мысль об этом пугает меня: безмолвная девочка сидит с ручным воробьем на коленях и слушает музыку и взрывы хохота, доносящиеся до нее снизу. Бедное дитя. Это не ее нужно было бросать в одиночестве, как прокаженную, а меня.

Мне хотелось лишь одного: родить дочь, чтобы она была при мне, – компаньонку, чтобы заполнить пустоту, оставшуюся после ухода моей сестры Мэри. Я так жаждала этого, что и не задумывалась о том, какой ценой готова заполучить желаемое. Это я сожгла себе кончики пальцев, занимаясь ведовством – я составила зелье и вообразила себя всемогущим Богом. Почему же из-за моей алчности должна страдать Гетта?

Гетта не увидела ни выступления плясунов в красочных костюмах, ни акробатов, которые ходили по канатам прямо над Большим холлом. Она не видела, как в небо взлетали фейерверки и пышными цветами распускались над парком. Она не радовалась, глядя, как ахают и вскрикивают гости, натываясь то тут, то там на наших бессловесных компаньонов. Но может быть, и к лучшему, что она пропустила маскарад и представление.

Пока не началось представление, я и сама не понимала, как сильно изменился дом, превратившись в языческую рощу, полную нимф и сатиров. В экипаже из морских раковин я выехала на сцену в Большом холле и танцевала свой танец, а на шее у меня переливались и играли бриллианты. Вокруг танцевали русалки в полупрозрачных воздушных нарядах, пели песню сирены. С галереи сыпались

цветочные лепестки. В воздухе плыл густой аромат флердоранжевой эссенции. Что бы подумала моя строгая Лиззи, если бы увидела все это, не говоря уж о пуританах Фейфорда!

Возможно, что это и *в самом деле* безнравственно и порочно – этот двор с его неумемной роскошью. Но... о, до чего же все это упоительно, как пьянит! И теперь, когда я все это видела своими глазами, не знаю, как смогу обойтись без этого.

Я так долго пишу, что глаза налились свинцом. Всякий раз, погружаясь в дремоту, я вижу комическую интерлюдия: злые волшебники и их прихвостни выскакивают из страшной огненной пещеры. Ужасные существа: уродливые коротышки с непомерно большими головами. В оранжевом дыму раздаются смешки. Если уснуть с такой картиной перед глазами, то кошмары будут мучить всю ночь.

Меня, вынуждена признаться, поразили уродцы королевы. Я не видывала таких раньше – существа выглядят неестественно и отчасти непристойно. Я бы сказала, что такие не должны существовать, *не имеют права* на жизнь, но вспоминаю Гетту и со стыдом умолкаю. Ибо люди считают, что мою дочь лишил языка тот же самый дьявол, что изувечил этих уродцев.

Как можно сравнивать мою Гетту с этими отвратительными тварями? Они безобразны, непропорциональны и внушают омерзение. Особенно один из них. Он даже не надевал маски, но выскакивал во время танцев, со зловещей ухмылкой на богомерзкой красной роже, кривляясь и корчась, как многоногое насекомое, пугая моих гостей. Едва прикрыв глаза, я так и вижу его: он быстро, суетливо шныряет между танцующими, и клубы дыма поглощают его короткое тельце.

На небе собираются тучи, серые, почти черные. Кажется, все же будет дождь. За деревьями рокочет гром, а вдалеке за Фейфордом я вижу в небе извилистую молнию. Если дождь будет очень сильным, отъезд двора, возможно, задержится. Возможно, нам посчастливится принимать их дольше, чем было задумано.

И вновь раскаты грома. Моему разгоряченному воображению чудится крик в ночи. Но за окном нет никого, ни человека, ни даже лисицы.

Молния заливает комнату ослепительным белым светом. В стекле я вижу свое отражение, испуганное, искаженное лицо.

– У Гетты нет ничего общего с уродами, – шепчу я, прежде чем задуть свечу. – Совершенно *ничего* общего.

Бридж, 1865

Сара сидела у рояля, одной рукой неумело подбирая мелодию. В открытое окно у нее за спиной врывался холодный воздух. Пальцы, нажимая на клавиши, заметно дрожали.

– Закройте окно, Сара. Я вижу, что вы замерзли.

Она вскинула голову, посмотрела вверх нот.

– Я люблю свежий воздух. Мне нравится представлять, что я... где-то гуляю.

Несколько нот прозвучали фальшиво. Сара снова впилась глазами в клавиши.

Следовательно, Сара тоже чувствует это: какое-то необъяснимое напряжение. Дом заполнил удушливо-затхлый, теплый воздух. И еще запах. С того самого дня, как были преданы огню компаньоны, Элси постоянно ощущала запах гари, щекочущий ноздри. Он напоминал ей о деревянном младенце, разрубленном пополам – в глазах его не было ни гнева, ни боли, только ужасающая, леденящая пустота.

Вздохнув, Элси вернулась к своему занятию – она заворачивала подарок для Джолиона. Одно радовало – скоро из Лондона, из мира здравого рассудка, придет ее милый мальчик и привезет новости. Понравится ли ему, как она благоустроила Бридж? В детской поклеили свежие обои: птички и веточки в восточном стиле, раскиданные по кукурузно-желтому фону. На стенах салона для рисования красовалась новая обшивка с украшениями в виде золоченых медальонов. Но лучше всего она распорядилась в саду: дала садовникам задание расставить повсюду горшки с посаженными в них елками и осветить фонариками. В детстве Джолион замирал, бывало, у рождественских витрин, не в силах отвести восторженных глаз от свечей и заводных игрушек. Теперь, наконец, у нее появились деньги, чтобы немного его побаловать. Она устроит ему Рождество, какого он заслуживает.

Элси расправляла ленту, когда рояль взвизгнул высокой нотой, отозвавшейся эхом из-под лепного потолка. Какое-то время звук, жалобный, слабый, висел в воздухе, прежде чем угаснуть.

– Миссис Бейнбридж, – прошептала Сара. – Миссис Бейнбридж, смотрите.

Элси застыла. Ладони мгновенно вспотели так, что перчатки прилипли к оберточной бумаге. Дюйм за дюймом она поднимала глаза, готовясь и боясь увидеть нечто кошмарное.

Это был воробей. Всего-навсего воробышек, сидевший на крышке рояля. Наклонив голову набок, он смотрел на них. Над клювом блестели крошечные черные глазки.

– Какой красивый, – сказала Элси негромко, чтобы не спугнуть птаху. – Лучше, чтобы его не увидел Джаспер.

Сара заулыбалась.

– Нет ли у вас каких-нибудь крошек? Мы бы посыпали их на крышку рояля, чтобы он поклевал.

Элси подошла к тумбочке. На тарелке было с дюжину крупинок кекса.

– Да, есть. Но я не хочу подходить, чтобы не спугнуть его.

Воробей вприпрыжку переместился ближе. Сложив на спинке крылья, он расправил грудь и открыл тонкий клювик, собираясь зачирикать.

В этот момент в парадную дверь трижды громко постучали. Воробей проворно вспорхнул и вылетел в открытое окно. Только на рояль медленно опустилось бурое перышко.

– Кто бы это мог быть? – Элси подошла к окну и попробовала заглянуть за кирпичный угол восточного крыла. Ей удалось рассмотреть только подъездную аллею – экипажей не было.

– Я думаю... – нерешительно начала Сара, – я думаю, может быть, это мистер Андервуд.

– Мистер Андервуд? Я не помню, чтобы приглашала его.

– Нет, – Сара опустила крышку на клавиатуру. – Вы и не приглашали. Мне крайне неловко, миссис Бейнбридж. Это я. Я его пригласила.

– О. Понимаю.

– Это только потому, что...

– Вы могли бы упомянуть об этом. – Элси было не по себе, это известие застигло ее врасплох. В определенном смысле – она не сказала бы с уверенностью, в каком именно – оно ее оскорбило. – Я не готова принимать гостей.

– Но я пригласила его не как гостя. – Поднявшись, Сара нервозно поправила прическу. – Скорее, как... советчика.

Еще три удара, на этот раз более настойчивых.

– Я хочу поговорить с ним о Гетте.

В животе у Элси шевельнулся страх.

– Сара...

– Я подумала, что он, возможно, знает, как поступить. Церковь занималась экзорцизмом в прошлом.

Экзорцизм. Слово казалось чужим, царапающим, им можно было подавиться. Произнести его было так же трудно, как самой заговорить на каком-то бесовском наречии. Ах Сара, о чем она *думает?*

– Неужто вы всерьез собираетесь просить vicария о проведении какого-то ритуала?

– Нет! О нет, я не думаю, что Гетту нужно *изгонять* или что-то подобное. Я просто хотела посоветоваться с ним.

Зазвонил дверной колокольчик.

– Ну разумеется, никто так и не удосужился открыть дверь, – с досадой проговорила Элси. – Придется мне сделать это самой.

Она рада была предложению выйти из комнаты, подальше от экзальтированной Сары. Мистер Андервуд, по крайней мере, поставит ее на место. Он человек хотя и верующий, но, надо надеяться, не суеверный.

В Большом холле было холодно и темно. Камин затопили, но огонь никак не желал разгораться. На висящих по стенам церемониальных мечах и доспехах не играли отсветы огня, металл оставался серым и тусклым. В открытую входную дверь дул ветер. На пороге стоял Андервуд с длинной коробкой в руках.

– Добрый день, миссис Бейнбридж. Простите меня за вторжение. Я позвонил, но дверь оказалась незапертой, она распахнулась – а я нашел вот это, лежавшее на ступенях.

– Это, должно быть, мое новое платье! Я целую неделю жду, когда же его доставят из Торбери Сент-Джуд.

– Как раз вовремя, к Рождеству. Очень удачно, – войдя, vicарий положил коробку на восточный ковер. Элси опустилась на колени – не такая простая задача в последнее время, при ее-то растущем животе – и провела рукой по упаковке. Ни надписи, ни наклейки, только лента, оливково-зеленая с золотом.

Мистер Андервуд стянул с головы шляпу. Под головным убором его светлые волосы смялись и казались прилизанными.

– Скажите, дома ли мисс Бейнбридж? Я получил от нее записку, в которой она сообщает, что хотела бы со мной переговорить. Должен сказать, я насторожился. Ее письмо показалось мне... сумбурным.

– Она в музыкальном салоне. – Элси не сводила глаз с посылки. Ей очень хотелось во всем признаться: рассказать Андервуду о занозах на коже Руперта, о детской, о мансарде, об отпечатке руки, о глазах. Но произнести такое вслух невозможно, все это будет выглядеть, как нелепый фарс. Невозможно найти объяснение страху. Его просто чувствуешь, как слышишь в тишине рычание, от которого заходится сердце. – Мне кажется, что я должна предупредить вас, мистер Андервуд, что мисс Бейнбридж хочет обсудить с вами свои верования. Они весьма... необычны. Много лет она служила у очень старой и капризной дамы. Я полагаю, что там собирался круг тех, кто увлекается спиритизмом.

– Ах.

– Надеюсь, вы согласитесь, если я скажу, что к подобным вещам следует относиться... с опаской.

– Совершенно с вами согласен. Хотя церковь не отрицает существования духов, она крайне отрицательно относится к любым вмешательствам в эту область. Вспомним хотя бы Аэндорскую волшебницу и то, как был наказан царь Саул за то, что стал советоваться с медиумом.

К Элси возвращались отрывочные воспоминания о воскресной школе: царь Саул, который нуждался в совете своего пророка Самуила, умоляет женщину вызвать дух пророка. *Для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?*

Воспоминание взволновало ее, подтвердив догадки. Такое возможно.

Элси прочистила горло.

– Вы должны понять, что Сара особенно восприимчива к влиянию этих мошенников – месмеристов и медиумов. Ее родители скончались, когда она была совсем еще юной. Лишившись семьи, она осталась без защиты... Но могу ли я быть уверена, что вы попытаетесь убедить ее в недопустимости этих вещей? Со всей присущей вам деликатностью?

– Даю вам слово, – все еще стоя на коленях на полу, Элси подняла голову. Андервуд смотрел на нее мягко – почти нежно, подумала она с испугом. – Я ведь как-то говорил вам, что желал бы просвещать Фейфорд и искоренять подобные суеверия.

– Я помню и думаю о Фейфорде, мистер Андервуд. На праздники из Лондона приедет мой брат. Если вы порекомендуете каких-то самых подходящих девочек из деревни, я попыталась бы уговорить его взять их в обучение на фабрику. Жалованье небольшое, но все наши дети посещают школу – по крайней мере, два часа в день. У них будет работа, еда и крыша над головой. Сухая, без протечек. Приличное платье. А также их научат ремеслу. Что скажете?

– Скажу, что это лучший дар, какой я когда-либо получал, – лицо vicar озарилось блаженной улыбкой. – Признаюсь, я уже мог бы назвать имена самых подходящих детей. И у их родителей не должно быть предубеждения против вашей фабрики. Они боятся только этого дома. Кстати, – он вынул из кармана конверт из оберточной бумаги, перевязанный веревкой. – Кое-какие записи из городского архива. Чтение, боюсь, не самое увлекательное, но кое-что здесь может представлять для вас интерес.

Элси посмотрела на туго стянутый бечевкой сверток. Ей казалось, что точно так же стянута ее грудь. *Они боятся этого дома.* Ей начинало казаться, что у них есть на то причины. Возможно, в пачке документов она найдет объяснения, но, с другой стороны, там могли оказаться факты, которые она не рада будет узнать.

– Как мило, что вы не забыли. Вам не будет затруднительно оставить это в музыкальном салоне после того, как поговорите с Сарой? Позже я приду туда и разберусь в бумагах.

Андервуд протянул ей руку.

– Пойдемте туда вместе. Давайте поговорим с мисс Бейнбридж и сообща объясним, что ей не следует увлекаться подобными фантазиями. В этом случае, я уверен, нам удастся убедить ее.

Элси замялась.

– Благодарю. Но... Я уже пыталась говорить с Сарой. Думаю, будет лучше, если она побеседует с вами с глазу на глаз, без моего вмешательства. Подобные материи требуют доверительного разговора.

Викарий отдернул протянутую руку и спрятал ее за спину.

– Да. Конечно. Очень мудрое замечание, миссис Бейнбридж, – он оглянулся через плечо. – Это и есть музыкальный салон?

– Это салон для рисования, а вам – по коридору и направо. Уверена, вы его не пропустите. Едва ли вам когда-то приходилось видеть до такой степени розовую комнату.

Мистер Андервуд поспешно поклонился.

– Благодарю вас. Я удаляюсь, не стану мешать вам рассматривать посылку.

Элси смотрела, как он уходит, как при каждом шаге раскачиваются полы его потертого пальто.

Потом села поудобнее и собралась открыть коробку. Новое платье – именно то, чего ей не хватало сейчас, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Это самое нарядное ее платье – будет что надеть на Рождество.

Трудно было развязывать бант, не снимая перчаток, но Элси справилась. Пальцами, влажными от волнения и предвкушения, она нащупала край крышки. Сейчас, сейчас. Элси не терпелось скорее увидеть обновку. Креповое с бомбазином и отделкой шелковой тесьмой. Изысканного фасона, с кистями и бахромой. Она рывком сняла крышку.

И пронзительно закричала.

Ленты из черной материи были перепутаны с сухими листьями. Там и сям торчали головки репейника, липкие от крови. В коробке покоилось нечто черное и белое, покрытое шерстью и мухами. Элси увидела куски мяса, кость. Кровеносные сосуды, похожие на красную шелковую пряжу. Затем – обвислые уши, закрытые глаза. Кровь стекала по шерсти на лоб. Голова коровы.

Голова Беатриче.

От зловония у нее перехватило дыхание, Элси начала задыхаться. Она откинулась на спину, отползла прочь, скребя пальцами пол. Сейчас ей станет дурно. Она понимала это и все же не могла оторвать взгляд от коробки. *Беатриче. Несчастливая Беатриче.*

Вдруг Элси ударилась головой обо что-то твердое. В полной панике она обернулась. За спиной у нее стояла Гетта, мило улыбаясь, с белой розой в руке.

– Нет, нет.

Схватив Гетту, Элси толкнула ее, так что та со стуком полетела на пол. Элси вскочила на ноги – они были как ватные, но все же она заставила себя подняться по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Подол юбки обвивался вокруг лодыжек. Элси споткнулась, чуть не упала, но удержалась на ногах. Не понимая, куда идет, она просто карабкалась, карабкалась вверх – сейчас она забралась бы даже на крышу, будь это возможно. Лишь бы оказаться как можно дальше от этого ужасного зрелища...

Смутно она слышала голос мистера Андервуда, который звал ее из Большого холла. Потом раздался визг Сары. Но Элси не могла остановиться. Этот запах роз: он преследовал ее, становясь все насыщеннее с каждым шагом...

Элси вздрогнула всем телом и замерла в нескольких ступенях от лестничной площадки. У нее на пути возникло новое плоское деревянное лицо. Новый компаньон, но этого Элси узнала.

Над верхней губой густой щеткой растут усы. Волосы блестят от фиксажура, но один упрямый завиток падает, закрывая левый глаз. На щеке сеточка сосудов. А его глаза... Их мученическое выражение заставило Элси помертветь.

– Руперт.

Этого не могло быть. Элси зажмурилась – невозможно больше смотреть на него, чтобы не сойти с ума. И все же она его видела, чувствовала совсем близко к своему лицу. Он приближался.

– Нет, нет.

Элси попятилась назад на шаг, другой. Подол платья обвился вокруг лодыжек и сковал движения, как канат. В паническом ужасе Элси задергала ногами и шагнула в пустоту.

Она трижды перевернулась, ударяясь о ступени. Потом была лишь чернота.

Бридж, 1635

Этим утром я впервые в жизни услышала, как кричит мужчина. Не хотелось бы мне еще раз услышать этот звук: горловой, сдавленный, но в то же время резкий, он разносился над задним двором и вздымался до самой башни.

Я проснулась в холодном поту. Рядом со мной лежал Джосайя, глядя в потолок, и на лице его был тот же ужас, что ощутила я. Вдруг пришло страшное осознание: король и королева. Уж не с ними ли – да убережет нас от этого Господь Всемогущий – не с ними ли приключилось какое-то несчастье?

Жуткий звук все неся откуда-то снаружи. В ответ собаки подняли оглушительный лай. Я вскочила с постели и подбежала к окну. Стекло было сплошь покрыто каплями дождя, так что я ничего не разглядела. В воздухе после ночной грозы стоял туман. Начинало пригревать утреннее солнце, и от луж поднимался пар.

– Что там? – спросил Джосайя.

Прозвучавший ответ исходил, однако, не от меня – он поднялся изнутри, из тех глубин, где рождаются сны, откуда приходит знание.

– Кто-то мертв. Жизнь покинула этот дом.

В мгновение ока Джосайя вскочил, отбросил одеяло и сунул босые ноги в сапоги. Прежде чем выскочить в коридор, он схватил свой меч.

Шум разбудил не нас одних. Всюду слонялись выскочившие из своих спален растерянные гости, в ночных одеяниях, с растрепанными со сна волосами. Увидев их, Джосайя поспешил всех успокоить.

– Не тревожьтесь. Умоляю, возвращайтесь в свои покои. Я же немедленно пойду и выясню причину шума.

Люди что-то бормотали в ответ, терли красные глаза. Все выглядели усталыми, однако не спешили ему повиноваться.

Я спустилась за Джосайей на один этаж, волнуясь за детей. Все они, вместе с Лиззи, собрались у дверей детской, на побледневших лицах был страх. Откуда-то выпорхнул воробей Гетты. У меня зашевелились волосы на голове. Мэри как-то сказала мне, что в воробьев вселяются души умерших.

– Мы не знаем пока, в чем причина беспокойства, – обратилась я к детям. – Ваш отец пошел, чтобы с этим разобраться.

– Госпожа? – Лиззи пыталась поймать мой взгляд, но я отводила глаза, понимая, что могу выдать себя и утратить присутствие духа.

– Не теперь, Лиззи.

Я должна была казаться настоящей госпожой до мозга костей, уверенной в себе. Отвернувшись от няни, я взглянула на детей. Хотя

Гетта легла спать рано, она выглядела более утомленной, чем мальчики. Я коснулась ее лба. Она вся горела.

– Отправляйтесь к себе и ложитесь, – распорядилась я. – Все, мигом в постель.

Мальчики принялись ворчать. Я не стала обращать на это внимания, на споры с детьми у меня не было времени. Во мне бурлила странная сила, какое-то неприятное возбуждение, и я вернулась наверх, намереваясь успокоить гостей.

Среди страхов, роящихся в моем мозгу, был один, которому я знала имя: чума. Из Лондона приходили сообщения о случаях болезни, о сильнейшем жаре. И вот мое дитя горит, как в огне. Я молила Бога, чтобы это не оказалась чума.

Мэри унесла потливая горячка^[8]. Мне говорили потом, что ее постигла милосердная, легкая смерть, но эти люди сами ее не видели. Если смерть моей сестры была милосердием, я не понимаю, что такое жестокость.

Утром она хорошо себя чувствовала. Но, когда мы одевались, я в первый раз ощутила это: дурное предчувствие, которому я верила больше, чем остальным своим чувствам. Наши глаза встретились, и я поняла, что Мэри тоже это почувствовала. К полудню она слегла.

Все началось с озноба. Потом ее охватил жар, кожа сестры пылала, по ней струился пот. Еще до рассвета она перестала дышать. Умерла. В возрасте всего двадцати лет.

От беготни по дому мои босые ступни ныли. Я так углубилась в воспоминания о Мэри, что не заметила, как вверх по лестнице несетя Джейн. Мы чуть было не столкнулись и остановились, тяжело дыша.

– О, госпожа, простите меня, – на Джейн лица не было. Скорее всего, поняла я, она встала еще раньше нас. А может быть, еще не ложилась, занимаясь своей работой, когда раздался крик.

– Джейн! Джейн, скажи же мне, что стряслось.

Камеристка ударилась в слезы.

С большим трудом мне удалось по крупицам вытянуть из нее сведения. Мне не было необходимости бежать куда-то, чтобы почуять запах крови и увидеть мух – все это я ясно увидела в зрачках Джейн.

На конюшне мертвая лошадь. Не просто мертвая – зверски убитая. Хвост ее отрезан и приколот к двери снаружи, грива острижена

ножницами. Конюх нашел на коже животного множество порезов, будто насечки, ведущие чему-то счет.

– Какая лошадь, Джейн?

– Ох... госпожа! – прорыдала она.

– Уж не моя ли серая кобыла?

Джейн замотала головой. В отблесках на ее мокрых от слез щеках я начала прозревать правду.

– Х-хуже.

– Нет. Ты же не хочешь сказать...

– Конь королевы! – прорыдала она.

У меня подкосились ноги. Я прислонилась к стене и медленно сползла по ней прямо на пол.

– Но кто мог... пуритане?

– Не знаю, госпожа, не знаю. Марк говорит, что из конюшни кое-кто сбежал.

– Кто?

– Мальчишка. Цыганенок. Господи прости, я и не знала, что он у нас служил! О чем только думал старший конюх, когда решил довериться такому скверному, бесчестному созданию?

Кровь застыла у меня в жилах. Меррипен. Это сделал Меррипен.

Не знаю, каким образом. Не понимаю, откуда у мальчонки лет девяти или десяти могли взяться силы для этого бесчеловечного, дьявольского деяния. Как в его юные годы могла зародиться в его мозгу такая гнусная мысль?

Конь королевы! *Королевы!*

У меня раскалывается голова. Это моя ошибка, мой грех. Мы погибли. Двор никогда более сюда не вернется. Джосайя...

Всеблагой Господи. Джосайя узнает все. Он поймет, что я наделала – поймет, что это я глупой прихотью расстроила его надежды, всю его жизнь. Устоит ли наш брак перед таким испытанием? Выдержит ли мое сердце?

Боже, помилуй меня грешную. *Уж лучше бы* это была чума.

Бридж, 1866

Элси проснулась от тройного взрыва боли. Первая рождалась в копчике и отдавала ниже, в бедра. Другая пронзала черепную коробку, самую макушку, стекая оттуда на лицо. Элси чувствовала, что у нее распухла губа там, где она прокусила кожу.

Но эти неприятности были ничто по сравнению с третьей: болью, когтями раздирающей в клочки ее живот.

Эта боль началась вкрадчиво, мягкой лапой трогала какие-то струны у Элси внутри, постепенно ускоряя ритм, пока она не закричала. Кем бы он ни был, терзающий внутренности зверь, он выдавил ей на губы неприятную, с кисловатым привкусом жидкость. Элси почувствовала, как между ног закипает жаркий поток крови, и без сил откинулась на спину.

Она спала без снов. Что-то непонятное парило на самом краешке ее сознания – так парит над умирающим животным падальщик, дожидаясь, когда можно будет напасть – но атаки не последовало.

Она оказалась заключена в калейдоскоп с постоянно сменявшимися узорами – затхлый запах немытого тела и крови, густой, как сироп. Вкус алоэ и касторки. Голос Джолиона и еще один – его она не узнала. Она уловила лишь несколько фраз, но этого было достаточно.

– Дерево? У нее *внутри*?

– Внутри, там, где находился ребенок. Несчастное создание все изорвано. Никогда не видел ничего подобного.

Ребенок.

Его больше не было. Его отсекали. Она больше не чувствовала щекочущих пузырьков внутри.

Нас больше не двое. Я одна.

Рождество, должно быть, наступило и прошло, потому что утром, когда Элси сумела выкарабкаться из сплошного тумана, в который все слилось, в ее комнате сидела Сара, скромно одетая, и ела какое-то холодное мясо, похожее на остатки с праздничного стола. Перед шкафом вертелась Мейбл, примеряя новое форменное платье. Элси припомнила, что купила его в качестве рождественского подарка.

Вкус во рту был просто чудовищным. Элси застонала.

– Лекарство. Дайте же мне...

Лекарство. Неважно какое: опиум, морфин, хлор.

От звука ее голоса Сара подскочила. Наспех вытерев салфеткой рот, она суетливо подбежала к кровати и схватила Элси за руку. Сара похудела, отчего лицо ее удлинилось и теперь больше прежнего напоминало лошадиную морду. Тени залегли у нее под глазами, блестящими, будто от невыплаканных слез.

– Лекарство, – повторила Элси. В горле першило. Вот-вот накатит новый приступ – Элси уже чувствовала, как боль собирается с силами, выжидает момент, чтобы атаковать.

Сара покачала головой.

– Доктор предупредил, чтобы не давали вам слишком много.

– Доктор! Ему бы испытать такое на своей шкуре.

– Он сказал, что вы должны поесть. Я могу дать вам хлеба и воды, есть еще мясной бульон...

– Я не голодна.

Язык Элси изнывал по терпкому, вяжущему вкусу опиума. Чугунная голова, как о пощаде, взывала о сне... она снова разболелась, в ней ворочалось что-то острое, зазубренное, от чего память разлеталась вдребезги. Элси хотелось закричать – но нет, от этого стало бы еще больнее.

– Ради всего святого, дайте лекарство.

– Доктор...

– Доктор всего лишь человек. Он не чувствует мою боль.

По впалым щекам Сары покатались слезы. С неожиданной силой она до боли сжала Элси руку.

– Ах, миссис Бейнбридж. Мне так жаль. Это ведь была маленькая частичка Руперта, не так ли?

Боль вернулась, но сейчас болел не живот.

– Где он? Где мой ребенок?

– Со своим отцом. Мистер Андервуд был так добр. Он крестил новорожденного, и теперь тот покоится в фамильном склепе. Так делать не полагалось. Это будет нашей маленькой тайной.

Новорожденный. Исподволь рос, погребен втайне, всегда пребывая в темноте. Элси казалось, что у нее вместо рта рана – зияющая, кровоточащая.

– Но... ведь я его так и не увидела!

– Мы хотели дождаться, но вы так долго не приходили в себя. Невозможно было более откладывать, – Сара повернулась. Ее корсет

скрипнул. – Я расскажу вам о нем. Он был очень маленьким. Крошечным. Нам только удалось понять, что это мальчик.

– И... весь изорван?

– Откуда вы знаете?

– Так это *правда!* Я думала, надеялась, что Джолион, говорящий об этом, мне приснился. Сара, как такое возможно...

Сара покачала опущенной головой.

– Не могу сказать как. Даже доктор не смог объяснить. Я знаю только то, что видела.

– Что... вы видели?

Сара отвернулась.

– Пожалуйста, миссис Бейнбридж. Я не хочу об этом говорить. Не заставляйте меня.

– Это мое *дитя*.

– У него были занозы в коже, – шепнула Сара, прикрыв глаза. – По всему телу.

В голове начали было складываться образы, но Элси не позволила им. Такого она бы не вынесла.

– Имя. Как его крестили?

– Эдгар Руперт.

– *Эдгар?*

Сара недоуменно моргнула.

– Что... что-то не так? Мистер Ливингстон сказал, что так звали вашего отца.

– Да, – Элси откинулась на подушку, чувствуя, как подкатывает дурнота. – Его так звали.

Мейбл закрыла шкаф. Вжимаясь в стену и стараясь двигаться незаметно, она прокралась к двери и исчезла.

– Джолион был очень рассержен?

– Рассержен? Господь с вами, миссис Бейнбридж, с чего бы это ему сердиться? Он был только опечален.

Несомненно, это было так, Джолион не меньше, чем сама Элси, должен оплакивать свой последний упущенный шанс. Она потеряла наследника, будущего преемника их дела, потеряла его из-за – что? *Нет, Ма, не по беспечности.* Что-то неизмеримо худшее, что-то ужасное выплывало из глубины ее сознания...

– Беатриче, – выдохнула она. – Беатриче.

Рука Сары окаменела под ее пальцами.

– Ах, Сара, скажите, что мне все это привиделось.

– Не могу, увы. Бедное создание. Платье... Миссис Бейнбридж, что случилось? Я оставила вас всего на десять минут.

– Принесли коробку. Мистер Андервуд... Он сказал, что нашел ее на крыльце у входа.

– Да, он мне говорил. Но как же вы оказались на самом верху, на лестнице?

Вдруг сердце Элси словно сжали чьи-то ледяные пальцы.

– О боже. Ты это видела? Оно еще там? Что ты с ним сделала?

– Тише, тише, – Сара старалась казаться спокойной, но и сама дрожала всем телом. – Вы о Гетте?

– Нет. О Руперте.

Сара уронила руки с тихим вскриком.

– О *Руперте*?

– Он был одним из них, – Элси зажмурилась, пытаясь прогнать воспоминание, но тщетно. – Компаньон в виде Руперта, Сара. Он выглядел... Боже, как мерзко он выглядел.

– Нет! Нет, вы ошибаетесь, миссис Бейнбридж. Его нет в доме. Никто его не видел.

– Он стоял прямо на верхней ступеньке.

– Боже правый, – у Сары затряслись губы – увядшие лепестки розы, готовые осыпаться. – Я и подумать не могла, миссис Бейнбридж. Вы знаете, вы же знаете, что я никогда не поставила бы Гетту в Большом холле? Она была в мансарде, я клянусь. Заперта в мансарде, и я не понимаю, как...

Сара оборвала себя на полуслове. Лицо ее исказилось, будто она пыталась совладать с нахлынувшими чувствами.

– А ведь все описано в дневнике. В дневнике Анны. Была убита лошадь – и это сразу после того, как она купила компаньонов. Я начинаю думать, что Анна... что, возможно, Анна все-таки была ведьмой. Она упоминает там, что пила какие-то зелья, чтобы зачать и выносить Гетту... Может быть, Гетта пытается предупредить нас о злой силе своей матери!

Элси прикрыла глаза. У нее болело все тело до последней клеточки. Она начинала мечтать о том, чтобы заснуть и никогда не просыпаться. Сон – это так просто, так безопасно.

– Сара, ты рассказывала об этом Джолиону? Или мистеру Андервуду?

– Да, – внезапно ее голос стал неприятно резким. – Я рассказала вашему брату и умоляла мистера Андервуда провести обряд экзорцизма. Они не поверили мне. Переговорили между собой и настояли, чтобы я обратилась к врачу.

– Что сказал врач?

– Он дал мне какое-то противное лекарство. Его больше заинтересовало и обеспокоило вот это, – Сара подняла свою руку, все еще перевязанную. – Кожа вокруг раны побелела и стала мягкой. Он считает, что туда попала инфекция.

Так это из-за инфекции Саре стали мерещиться странные вещи. Служители медицины всегда готовы найти «разумное» объяснение – но это объяснение никуда не годилось. У Элси инфекции не было, как не было ее у прислуги. Чем можно рационально объяснить то, что видели *они*?

– Самое скверное, – Сара расплакалась, – что они хотят нас разлучить! Мистер Ливингстон хочет забрать вас в Лондон в конце месяца.

– Лондон? – Элси широко открыла глаза. Сейчас Лондон казался ей таким же далеким и недостижимым, как рай.

– Чтобы поправить здоровье. Он сказал, что смена обстановки будет для вас благотворна.

– А что же с вами?

Сара старалась удержать слезы.

– Джентльмены заявили, что у меня расшатаны нервы. Они сочли, что для меня поездка может оказать слишком возбуждающее действие, что мне лучше остаться здесь. Без вас.

Элси нахмурилась.

– Остаться? В этом доме?

– Я любила этот дом, считала, что в нем мне место. Пока... – Сара подняла на Элси умоляющий взгляд. – Я не знаю, что делать, миссис Бейнбридж. Вы уедете в Лондон, а я останусь здесь, одна, с... Что бы это ни было. Чем бы *они* ни были. Скажите же мне, как быть.

– Сожгите это. Гетту надо сжечь.

Сара колебалась.

– Как вы сожгли остальных?

– Да.

– Вы ведь *сожгли* их после того, как я унесла Гетту в дом?

– Разумеется.

Сара запустила пальцы себе в волосы, растрепав их и выпустив пряди из-под шпилек.

– Вы в этом совершенно *уверены*?

– Ну конечно, я уверена! Рядом со мной стояли Питерс со служанками и смотрели.

– Боже мой.

– Что? Сара? Да в чем дело?

– Они вернулись, миссис Бейнбридж, – у Сары сорвался голос. – Все компаньоны снова в доме.

Бридж, 1635

Никому, наверное, не доводилось пережить такой стыд, такое унижение, как нам. Я едва дышу от отчаянья, сознание неизгладимой вины гнетет мне душу.

Снова и снова в памяти возникают события того утра. Я помню общее потрясенное молчание. Помню, как придворные из беззаботных весельчаков на глазах превратились в суровых судей. Королева рыдала, а у меня лопалась голова от мысли, что я – причина этого поругания. Ее величество любила своего коня. Конечно, мы отдали ей мою кобылу... жалкая замена. По сравнению с утраченным красавцем чистых кровей эта выглядит, как лошадь бедняков. Быстро собравшись, они ускакали, окруженные усиленной стражей, а мы остались в Бридже одни. Одни, убитые сознанием своего провала.

Я же впала в двойную немилость. Не только перед королем, но и перед моим повелителем и супругом, любимым, светом сердца моего. Он не знал о моем предательстве – по крайней мере, о его причине. Вскоре после отъезда королевского двора он пришел ко мне и взял за руки. Когда он заглянул мне в лицо, я увидела, что его собственные черты так искажены страданием, словно каждая жилка дрожала от ужаса.

– Анна, ты должна сказать мне правду. – Я не могла вымолвить ни слова. – Понимаю, что мы никогда этого не касались в разговорах, но

сейчас время настало. Мы должны знать.

Моя нечистая совесть сразу заставила подумать про Меррипена.

– Джосайя...

– Я знаю, ты всегда была ясновидящей. Ты чувствуешь, что случится, еще до того, как оно произойдет. Эти настои, что ты мне давала... Я думал, что это дар от Бога. Но... Скажи мне все начистоту.

– Сказать? Что?

Джосайя говорил с трудом, еле выплевывая слова.

– У тебя родилась дочь. Говорили, что это невозможно, что ты неспособна зачать и выносить еще дитя, но ты родила дочь. Я поднялся при дворе быстрее, чем любой другой человек моего положения. Дело было в травах? Или...?

Знаю, я залилась краской, отдавая себе отчет в своей проступке, понимая, что слишком близко подошла к пропасти греха.

– Как вы можете спрашивать меня о таком?

– Я понимаю, что ты никогда не совершила бы этого ужасного, этого чудовищного злодеяния на конюшне, – торопливо заговорил Джосайя. – Но не думаешь ли ты, что могла как-то случайно... – Он взглянул на мои бриллианты. Когда я сглотнула комок в горле, камни вспыхнули. – Не знаю, сам не знаю. Не может ли статься, что какая-то злая сила остановила на тебе свое внимание?

– Джосайя! – воскликнула я.

– Ответь мне, Анна. Потому что я видел мертвое животное и не могу поверить, что это дело рук человеческих.

Тогда я рассказала. Я поведала ему всю мучительную, неприглядную правду: о том, что нечистых духов навлекла на него глупость жены, но не коварство.

С той поры он не разговаривает со мной.

У меня нет сил заплакать. Его ненависти я не перенесу. Никакой огонь не мог бы жечь меня сильнее, чем то презрение, которое я испытываю к самой себе. Я сорвала с шеи сверкающие бриллианты из-за стыда при одной мысли, как много дал мне мой бедный Джосайя, как много он вложил в меня.

Теперь Джосайя заперт в Бридже, как в ссылке: после случившегося он не может показаться при дворе. Знакомцы не отвечают на его письма. Ему ничего не остается, кроме как метаться, как медведь по клетке, стрелять куропаток да затевать ссоры с

деревенскими накануне сбора урожая. После всего, что произошло, они отказываются работать на нашей земле. Боятся, что нас прокляли цыгане.

Хвала небесам, слуги не следуют их примеру. Пока все они, кажется, предпочли остаться с нами и развлекаются пересудами и сплетнями, однако, по большому счету, я уверена только в Лиззи – что она останется с нами, что ей я могу доверять. Конечно, Лиззи тоже не *вполне* довольна – в каждом ее взгляде сквозит упрек за то, что я скрыла от нее историю с Меррипенем. Милая Лиззи, она никогда не смирится с тем, что я выросла и повзрослела. Ей невдомек, сколько тайн может хранить мое сердце, сердце изменницы.

В доме тихо, как в гробнице. Ни гостей, ни декораторов, нет даже моих сыновей – некому развеять уныние. Много лет назад мы отправили мальчиков в благородные дома, где они учились управлять обширным хозяйством. Сейчас они вернулись туда, но я сомневаюсь, что родственники Джосайи согласятся и дальше оказывать им гостеприимство. Быть связанными с нами – слишком большой риск.

Даже Гетта не служит мне утешением, как прежде. Сегодня я сидела в Большом холле, и у меня разрывалось сердце при виде того, как она снует между этими деревянными фигурами – будто не замечая, что все надежды нашего дома и семьи рухнули, обратились в дым.

Девять лет жизни я провела, радуясь каждой ее улыбке, но сегодня мне невыносимо видеть ее улыбающейся.

Так она часы напролет играла с размалеванными истуканами, а я, глядя на это, не могла сдержать потока злых мыслей. Мы были бы сегодня счастливы, думала я, если бы не она и не ее дружок-цыган. Я была бы приближена к самой королеве, но Гетта послужила причиной – единственной причиной – того, что теперь в Бридже никто больше не улыбается.

– Как ты можешь? – вырвалось у меня. – Как ты смеешь так улыбаться и приплясывать? Ты ведь знаешь, что произошло.

Гетта прислонилась головой к одному из компаньонов, будто беседовала с ним. Потом она возобновила свою игру.

Во мне вспыхнул гнев. Да простит меня Бог, я знаю, что была неправа, я знаю, она – просто ребенок. Но сдержаться было выше моих сил.

– Послушай меня! Ты что, не понимаешь, что все это значит для нас?

Она наверняка понимает. Но, судя по всему, не до конца осознает. Возможно, просто *неспособна* на это.

– Меррипен! – закричала я, теряя остатки терпения. – Все это сотворил с нами твой дружок Меррипен!

С лица Гетты исчезла улыбка – мгновенно, будто упал занавес.

– Он убил лошадь королевы, – сказала я, – за то, что мы прогнали его народ с выгона. И теперь из-за него твой отец очень несчастен.

Гетта взглянула на ближайшего к ней компаньона, потом снова на меня.

– Ты заставила меня нанять этого прохвоста, а он разрушил всё, он погубил нас навсегда!

Я не могла понять, что написано на ее лице. Гетта открыла рот, и на один безумный миг мне показалось, что она вот-вот заговорит. Потом она повернулась и побежала прочь.

Было слышно, как ее башмачки стучат по лестнице, быстро – как барабанит дождь, стремительно – как текли мои слезы. Я съезжилась в кресле, проклиная себя.

Гетта – единственное живое существо, которое не испытывало ко мне презрения и ненависти. Но вот теперь я и ее оттолкнула от себя.

Где-то вдалеке гремит гром. Не знаю, долго ли я просидела здесь, оплакивая нашу участь, моля Бога дать мне силы жить дальше. Но гроза, видимо, успела приблизиться, потому что свет померк и холл погрузился в неясный, серо-желтый сумрак. Капли дождя бьют в стекло. На меня смотрит компаньонка-метельщица.

В ее издевательском взгляде сквозит насмешка, словно ей известны все мои самые сокровенные тайны.

Завтра же компаньонов отвезут назад, в лавку мистера Сэмюелса. Я распорядилась вернуть все его чудесные вещицы и диковины. Мне невыносимо видеть эти сокровища в доме. Я ненавижу их все, до последней безделушки.

* * *

Сегодня произошла очень странная вещь. Моя карета со слугами вернулась из Торбери Сент-Джуд, однако все ящики с вещами были привязаны, как прежде.

– В чем дело? – спросила я. – Я же велела вернуть все мистеру Сэмюелсу.

– Я знаю, – ответил Марк, наш слуга, – простите, госпожа, но только его там не было.

Я посмотрела на Джейн.

– О чем это он? Что же, мистер Сэмюелс отказался принять вещи?

– Нет, – нетвердым голосом отвечала она, недоуменно морща лоб. – Нет, не в том дело. Лавка – ее не оказалось на месте.

Возможно ли такое? Богатая лавка, с таким большим выбором товаров, продержалась всего месяц!

– Что? Дом стоит пустой?

– Нет, госпожа, – теперь голос Джейн звенел, в нем слышались подступающие слезы. – *Его там не оказалось.* Дома с той лавкой. Мы, наверное, раз десять проехали туда и обратно, но клянусь вам... Его словно и не было никогда.

Я только руками развела. Тупоголовая девица! В жизни я не слыхала ничего подобного. Лавки не могут просто так бесследно исчезать!

Думаю, Джейн больна, она определенно не в порядке – с тех пор, как они возвратились, ее бьет дрожь.

Придется мне самой разобраться в этом и все уладить. А до тех пор я обречена сносить присутствие этих проклятых компаньонов. По моему приказу лица их закрыли холстами, но я все равно чувствую, что они там. Будто знают, что случилось. Будто наше несчастье их забавляет.

Бридж, 1866

– Мои бриллианты. Где мои бриллианты? – Элси рылась в шкатулке с драгоценностями, раскидывая ожерелья и жемчуг по туалетному столику.

– Элси, – в голосе Джолиона звучала усталость. Он опирался на столбик балдахина. – Перестань. Тебе нужен отдых.

– Но я не могу найти бриллианты.

– Они найдутся.

– Руперт хотел подарить их мне, – движения Элси становились все поспешнее. Она лишилась Руперта. Она лишилась ребенка. Не может же она теперь потерять еще и бриллианты.

– Элси.

– Я не истеричка, Джо, мне не мерещится. Руперт тоже слышал тот звук. Он написал мне письмо, но я не могу... – она лихорадочно перебирала вещи на столике. Никто не прибирался на нем за все время ее болезни. Поверхность была покрыта толстым слоем серой пыли. – Сейчас я не могу его отыскать.

– Тебе необходимо успокоиться. Это говоришь не ты. Ты очень, очень больна.

Больна. До смешного неподходящее слово.

– Это не нервное расстройство. У меня деревянные щепки внутри! И притом Сара видела компаньонов, – шептала Элси. – Она тоже их видела.

– До чего это не похоже на тебя, Элси. Прежде ты никогда не была неврастеничкой.

– Так почему бы тебе не поверить мне, хотя бы из жалости?

Неожиданно Элси разразилась слезами.

Джолион подсел к туалетному столику, положил руку на плечо Элси, и она почувствовала знакомый аромат лаврового листа и лайма. Его пальцы чуть подрагивали. Конечно, он не привык видеть, чтобы сестра плакала. Все эти годы она умело скрывала от него свое горе, отчаяние, старалась быть собранной и сильной. Но сейчас печать спала, внутри разверзлись хляби, и она не в силах была снова запечатать их.

– То, во что ты просишь меня поверить, дорогая... Это просто невозможно принять. Ты ведь и сама это понимаешь, правда?

Все в нем было правильно и хорошо. Его отутюженный костюм, шейный платок, до блеска начищенные туфли – все это громко заявляло о принадлежности Джолиона к миру порядка, здравого смысла, чисел, деловых операций. Он не представлял, что это такое – оставаться здесь и вариться в котле темного, не имеющего имени ужаса.

– Я не виню тебя, – продолжал Джолион, – и не считаю, что ты все выдумала. Милая, милая, бедная моя, тебя жестоко обманули.

Элси в недоумении уставилась на брата.

– Обманули? О чем ты говоришь?

– Посуди сама. Мог ли человек зарезать корову и подбросить на твое крыльцо так, чтобы этого никто не заметил? Обязательно должен найтись хоть один *свидетель*. Разве Питерс не должен был обнаружить, что корова пропала? А садовники? И где находились служанки все это время? Почему они не торопились открывать дверь?

– Ты же не думаешь...

Мысль заработала, кусочки воспоминаний складывались, стягивались друг к другу, как припарка высасывает из раны грязь. *Служанки*.

Джолион снял руку с плеча Элси и погладил ее по волосам.

– Откровенно говоря, я полагаю, что эту жестокую шутку сыграли служанки. Возможно, они не думали, что дело пойдет так далеко.

– Нет... они бы не стали.

– После смерти Ма ты уволила всю прислугу на фабрике, – тихо напомнил Джолион. – Ты не привыкла иметь дело с этими людьми. А для служанок, может быть, ничего не стоило передвинуть предметы, попрятать всюду эти дурацкие деревяшки. Писать на пыли. Сама посуди. Они могли все это превосходно разыграть, как по нотам.

Это звучало слишком дико, страшно, чтобы Элси могла в такое поверить.

– Но... зачем?

Джолион пожал плечами.

– Они крайне недовольны тобой, уже самым твоим появлением в доме. Прежде их обязанности были незамысловатыми и легкими... а с появлением хозяйки, в ожидании будущего младенца... Поначалу, полагаю, они просто развлекались, но не удержались, переступили черту.

Могли ли две женщины совершить такое? Забить корову и изрезать платье только для того, чтобы послать их ей? Элси не могла такое себе представить. И все же...

В то воскресенье перед Рождеством Мейбл вернулась домой в коляске, верно? У нее было предостаточно времени на то, чтобы перетащить Гетту и оставить на стекле отпечаток ладони. Именно

Мейбл рассказала Элси, что видела, как Гетта двигает глазами, Мейбл подняла крик из-за компаньонки в своей ванне. Она могла сама затащить фигуру туда.

– Нет, это не все объясняет. Я сама видела, Джолион. Я видела, как у истукана двигаются глаза и как та, в ванне, расчесывала себе волосы!

– Полно, да так ли это? – мягко спросил брат. – Или кто-то специально навел тебя на такие мысли? Ты была больна, напугана и вне себя от горя, а в таком состоянии легко поддаться внушению. Вероятно, твои служанки просто подсказывали тебе. Они догадались, что твое воображение с легкостью дорисует остальную картину.

Элси с нехорошим чувством вспомнила, как Мейбл с виноватым видом стояла у шкафа, пока они с Сарой оплакивали ее младенца.

Она вглядывалась в Джолиона, в его дорогие черты, которые сейчас расплывались у нее перед полными слез глазами.

– Но... я дала Мейбл повышение.

– А она тебя предала, бедная моя, любимая сестричка. Подозреваю, между прочим, что она же стащила и твои бриллианты. У нее ведь имелся ключ от шкатулки, так?

Умный, наблюдательный мальчик. Ни одна деталь не ускользнет от него. Он вырос сильнее ее, сметливее. А она-то, дура дурой, считала, что помогает нуждающимся. Помогла им только обчистить себя.

Элси закрыла лицо руками.

– Ах, Джо, какая же я дура. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Джолион обнял ее, привлек к себе. Элси уронила голову на грудь брату. Какой он стал высокий.

– Простить тебя? Глупышка! За что, скажи, я должен *тебя* прощать?

Зарывшись лицом в его сюртук, она ничего не ответила.

* * *

Ее вещи были уже собраны, перевязаны, можно было укладывать их в экипаж. Рядом с багажом в Большом холле с каменными лицами стояли слуги. Проходя мимо них, Элси мысленно возблагодарила Бога

за то, что уезжает, оставляет это чудовищное место и все кошмары, которые здесь происходили. Оставляет компаньонов.

Они стояли лицом к стене, напоминая детей, поставленных в угол за невыученный урок. Кто поставил их туда, Мейбл? Элси не могла заставить себя поднять на Мейбл глаза, даже подумать о Мейбл. Ей делалось тошно просто от того, что та где-то рядом.

На нетвердых ногах Элси подошла к зеркалу, поправила ленту и траурную вуаль на чепце. Из-под полей на нее взглянуло некрасивое, искаженное страхом лицо. Она отвратительно себя чувствовала. Тело ей не повиновалось. Мягкая грудь упиралась в корсет, будто не зная, налиться или сплющиться. А ребенок все это время был скрыт от нее – он лежал в полуразрушенной церкви, под именем, которое принадлежало не ему.

Во всем этом виновна Мейбл. И Хелен виновна. Миссис Холт должна стыдиться, что не сумела их приструнить. Или, может быть, и она тоже втихомолку посмеивалась над Элси.

Занозы и щепки. Эта дьявольская мысль вертелась и вертелась в голове, как детская юла. Это никак не увязывалось со всем остальным. Пугать ее, нагонять страх – одно. Но вторгнуться и погубить нерожденное дитя... Она была уверена: служанки неспособны на такое.

Что же с ней случилось, Боже правый?

Послышались шаги Джолиона. Элси, не обернувшись, услышала, как он стягивает перчатки с рук.

– Вы нашли бриллианты моей сестры, миссис Холт?

– Нет, сэр, боюсь, что нет. Я уверена, они непременно найдутся.

– Не найдутся, – Джолион вздохнул. – Их украла Мейбл.

Мейбл возмущенно ахнула.

– Да я их в руки не брала!

– О нет, ты их брала! – Элси развернулась, как на пружине, ее гнев языками пламени вырвался наружу. – Однажды я увидела их на тебе, помнишь?

– Я их согревала.

– Без разрешения.

– Скажи-ка мне, Мейбл, – заговорил Джолион. Он был спокоен, сдержан. – У кого еще был доступ к шкатулке с драгоценностями моей сестры? Кроме тебя?

Мейбл потупилась.

– У мисс Сары?

Сара открыла было рот, но Элси не дала ей заговорить.

– Я доверяю мисс Саре.

– Я уверена, все это какое-то недоразумение, – заторопилась миссис Холт. – Я уверена...

Подняв руку, Джолион остановил ее.

– А я уверен, что ваши служанки зло подшутили над своей госпожой. Вся эта несусветная чушь с *компаньонами*! Мейбл вхожа на кухню, не так ли? Туда, где хранятся самые большие ножи?

Миссис Холт растерянно заморгала.

– Сэр, не думаете же вы, что корову...

– Вы уж совсем, – Мейбл храбрилась, но Элси видела, что у нее дрожат губы, а глаза тревожно блестят. – Правда думаете, что я стянула бриллианты и убила корову? Совсем вы из ума выжили! Сэр.

Джолион смерил девицу долгим, тяжелым взглядом.

– Вот как? Посмотрим. – Он надел на голову шляпу. Так он казался выше и представительнее. – Миссис Бейнбридж и я вернемся к Пасхе. Если до того времени бриллианты не будут найдены, я сообщу о своих подозрениях в полицию.

– Да не знаю я, где они!

– Прошу вас, сэр! – всплеснула руками миссис Холт. – Мейбл служит здесь уже два года. Я не могу поверить, что она воровка.

Тон Джолиона несколько смягчился.

– Дорогая миссис Холт, вы чересчур доверчивы. Не замечаете, что происходит прямо у вас под носом. Полагаю, нам с вами нужно сесть и поговорить о найме нескольких... более подходящих служанок.

– Но...

– Не волнуйтесь. Вы своего места не лишитесь.

– Бог ты мой. Бог ты мой, – у миссис Холт судорожно задергалась шея.

Нелепая, глупая старуха, подумала Элси. Если бы она как следует смотрела за прислугой, если хотя бы *задумалась*, какого сорта девушек нанимает, всех этих неприятностей можно было бы избежать. И ребенок Элси мог бы остаться в живых.

Подняв саквояж, Джолион выпрямился, лицо его оставалось невозмутимым.

– Успокойтесь, миссис Холт. Этот разговор мы возобновим позже, когда я вернусь из Лондона. А пока вами будет распоряжаться мисс Бейнбридж.

Джолион передал Питерсу свой саквояж и вышел с ним вместе, чтобы проследить за погрузкой вещей.

Сара выступила вперед. Ей было трудно даже смотреть на Элси.

– Миссис Бейнбридж... Это просто какой-то ужас. Я...

– Не волнуйтесь. Вы не могли знать. Мы обе позволили горю и страху затуманить наш ум. Ни вы, ни я не заподозрили служанок.

Сара кусала губу.

– Вы... Вы действительно считаете, что они все это подстроили? Все до мельчайших деталей?

Элси проглотила стоявший в горле комок.

– Так считает Джолион, а я ему верю.

– Но в дневнике...

– Довольно. Это невыносимо, я не могу больше слышать об этом. Возвращайтесь к своему дневнику и знакомству с домом своей семьи. Вы и не заметите, что я уехала.

Сара встрепенулась, потом вдруг потянулась вперед и поцеловала Элси в щеку.

– Счастливой вам дороги. Мне так жаль, миссис Бейнбридж.

– Думаю, вы можете называть меня Элси.

Только усевшись на свое место и помахав рукой Саре на прощание, Элси заметила еще одно лицо. Со второго этажа, из окна ее собственной спальни выглядывала компаньонка.

Эту Элси хорошо знала. Анна Бейнбридж. Ошибки быть не могло: те же кораллового цвета ленты в волосах, что и на портрете, те же пухлые щеки. Желтое платье топорщилось у нее на груди, под скрещенными руками. А на шее у нее было изображено кольцо. Одна мерцающая дуга с тремя грушевидными каплями.

Бриллианты Элси.

Бридж, 1635

День рождения Гетты. По своему обыкновению, я ходила в церковь Всех Святых воздать благодарность за дочь, которая, как мне

говорили, не могла появиться на свет.

Я говорю, что воздаю благодарность. Но в глубине души я мучаюсь вопросом. Благодарю ли я Бога или приношу покаяние? Ведь всякий раз, как я вхожу в церковь, сердце начинает ныть от чувства вины. Когда я молюсь, в голове одновременно звучат два голоса, перебивая друг друга. Один кричит *благодарю Тебя*, другой – *помилуй меня*.

Сегодня, сильнее, чем когда-либо, я ощутила на себе гнет Божьего неодобрения – он так давил на меня, когда я проскользнула в полупустую церковь и села на скамью. Сила любящая, но, увы, невыносимо тяжкая.

Со старых витражных окон, оставшихся от времен королевы Марии, на меня взирали святые. Казалось, они скорбно качают головами. Я крепче сцепила пальцы. А когда прикрыла веки, то вдруг ясно услышала слова: *Как ты смеешь?*

Мои глаза сами собой широко открылись. Я вдруг показалась себе очень маленькой. Но, даже упав на колени, я продолжала слышать его, этот голос. *Как ты смеешь?*

Взгляд мой упал на крест перед алтарем. *Кто ты, чтобы творить жизнь там, где Я запретил?*

Я поняла, что это ответ на мои молитвы, на бессонные ночи, когда я, коленопреклоненная, спрашивала, за что моя семья подверглась подобному унижению: ведь грех совершила я.

Теперь я вижу. У Бога есть замысел о всех и каждом из нас, которых Он сотворил. Его замысел о Джосае был прекрасным, восхождение при дворе – стремительным. Но этот план не учитывал одного фактора: Гетты.

Гетта подружилась с цыганом, а я, снова проявив слабость, уступила ее требованиям. Мой грех так велик, что изменил весь мой жизненный путь.

Эта мысль точила меня по пути домой. Ступая по опавшим листьям, ощущая в воздухе терпкий запах октября, я все спрашивала себя, почему это сделала. У меня было трое сыновей. Трое! Моя мать отдала бы правую руку на отсечение, чтобы иметь хоть одного. Но я мечтала о девочке. О второй Мэри, которая сидела бы со мной рядышком, гуляла, – о зеркале, в котором отражалось бы мое

собственное детство. И, даже понимая, насколько это порочно, я все же и теперь о ней мечтаю.

Вернувшись в Бридж, я сразу прошла в детскую. В кресле-качалке под выющимися растениями сидела Лиззи и штопала дырявые чулки Гетты.

На моей девочке было платьице из оливкового шелка, которое я заказала ей по случаю королевского визита. Оно очень ей идет, подчеркивая рыжевато-медный оттенок волос. Гетта позволила мне себя поцеловать, но удержать ее рядом с собой мне не удалось. Только я коснулась губами ее щеки, девочка вскочила и снова принялась бегать между компаньонами.

Меня это задело. Я рискнула собственной душой, поставила под угрозу будущее – а получила, как милостыню, этот поцелуй на бегу.

Я тяжело опустилась на стул рядом с Лиззи.

– Тебе не кажется странным, что Гетта проводит столько времени с этими досками? Она и прежде всегда была не совсем обычным ребенком, а теперь...

– Нет, нет, – решительно отмахнулась Лиззи. – Пусть вас это не пугает. Так естественно, что, не имея друзей своего возраста, она играет с неодушевленными предметами. К тому же, с досками ей не приходится разговаривать.

Гетта не такая, как я. В этом, конечно, нет ее вины, но каждое различие, которое я нахожу, становится хоть и небольшим, но изъязном в моей мечте о дочери. Задушевная подруга, почти наперсница, которой я могла бы доверить любую свою тайну, не стала бы доверять мне свои. Со мной она чувствует себя скованно. Я для нее совсем не то, что для мальчиков.

Возможно, в этом отчасти состоит мое наказание. Удар по моей гордыне. Травами и древними заклинаниями я сумела создать дочь, но не в моих силах заставить ее полюбить себя.

– Помните, – продолжала Лиззи, выворачивая чулок на лицевую сторону, – когда вы были в этом возрасте, то все время увивались за Мэри. Упокой Бог ее душу.

– А потом я в любое время могла поговорить с тобой, милая Лиззи.

Она улыбнулась мне, обнажив беззубые десны.

– Хотя кое-кому это казалось неподобающим, помните? Из-за моего низкого положения. Вот видите, нет ничего странного в том, что Гетта играет и прячется среди деревянных истуканов, – она взялась за следующий чулок. – Что мне *впрямь* кажется странным, так это внезапное исчезновение мистера Сэмюелса. Удалось ли хоть что-то узнать о нем в городе?

Я отрицательно покачала головой. Марк и Джейн сказали правду: на том месте будто никогда и не было лавки. Не представляю, как это могло случиться, но это так. И сам этот человек, и его имущество пропали без следа. А его проклятые сокровища остались при мне.

Лиззи вздохнула.

– Тайна. Я было подумала, что появились новости о Сэмюелсе, когда хозяин отбыл так поспешно.

Вскинув голову, я посмотрела на нее.

– Джосайя уехал?

– Да-а. А вы разве не знали?

– Я была в церкви.

– Ох, – не глядя на меня, она вдела нитку в иглу. – Да, уехал, ускакал верхом примерно с час тому назад.

Недоброе предчувствие пронзило меня – резкое, ледяное, как ветер в холмах.

– Поспешно?

– Да-а. – Лиззи поджала сморщенные губы. – Так поспешно, словно все черти ада гнались за ним.

* * *

Я ждала в Большом холле. День прошел впустую. Зашло солнце, окрасив темно-синие тучи розовым. Пока не стемнело, щебетали черные дрозды, а потом на смену пришли заунывные крики сов.

Наконец, на дорожке захрустел гравий. Из конюшенного двора донеслись голоса и шаги. Скоро в дверях вырос Джосайя, весь покрытый грязью.

Я бросилась к нему.

– Джосайя, что? Что случилось?

Взгляд его остался чужим. Он снял мои руки со своего плаща и отвел в сторону.

– Нашли мальчишку.

– Меррипена?

– Да. Наш человек, наш Марк нашел его.

– Слава богу.

– Наконец, я смогу хоть что-то сообщить королю.

Какое облегчение, какая благодать узнать, что это исчадие ада, этот злодей найден и схвачен! Мне и в голову не приходило, что дьявол способен вселиться в такое юное дитя. Я вспомнила глаза Меррипена, темные и в то же время горящие, как отверстия в пылающей печи, и меня словно мороз продрал по коже.

По глупости своей я возрадовалась, решив, что на этом и делу конец, что у нас с Джосайей все может наладиться. Но муж выпустил мои руки, отряхнул плащ и отвернулся от меня, бросив: «Вечером мальчишку отправят в Торбери Сент-Джуд и завтра допросят. Я еду, чтобы присутствовать».

– Завтра День всех святых.

– Так, значит, послезавтра, – раздраженно ответил он.

Нужно было – я это понимала! – оставить его в покое, поздравить и скрыться с глаз. Но тревога так терзала душу, что я на этом не успокоилась.

– Что его ждет?

Джосайя смерил меня тяжелым взглядом. Из-за заостренной бородки казалось, что он усмехается, насмешливо и даже жестоко.

– Зависит от вердикта.

Виновен. Наверняка он окажется виновен. Джосайя не допустит, чтобы суд принял иное решение. На кону стоит его репутация. Если он не сумеет найти злодея, нанесшего оскорбление королеве в его собственном доме, и сурово его наказать, имя его будет покрыто несмываемым позором.

У меня так сильно перехватило горло, что стало трудно дышать. Я вспомнила о человеке с отрезанными ушами.

– Смертная казнь? Неужели можно вынести такой приговор ребенку?

От резкого трескучего смеха Джосайи я вздрогнула. В нем не слышалось веселья, в этом страшном смешке.

– Ребенок! Мог ли человеческий ребенок сотворить *такое* над животным? О нет, миледи. Помяните мое слово, он одержим бесами.

– Поистине так. В таком юном возрасте... – Он лишь немногим старше моей Гетты. Я представила его себе, такого маленького, на виселице. Как толста веревка, что захлестнется вокруг его шейки, каким тощим и плоским будет живот у него, лежащего на помосте под топором. Дитя, повешенное, выпотрошенное и четвертованное^[9].

– Как вы думаете, король его помилует?

– Помилует? – Джосайя выплюнул это слово, как блевотину. – А *ты* бы, должно быть, и дьявола помиловала?

Я принялась бормотать, заикаясь:

– Нет... я не знаю. Деяния столь злые не могут остаться безнаказанными, однако все же... Что-то во мне восстает против этого. А вам не кажется, что казнь ребенка ляжет тяжелым грузом на вашу душу?

– Ни в коей мере. – Глаза Джосайи сверкнули. Мне не понравилась стальная нотка в его голосе. – *Я* в этом не повинен. Единственный, кто в этом виновен – *ты*.

Я отшатнулась, как от удара в лицо.

– *Ты* привела его на конюшню, благодаря *тебе* он оказался рядом с лошастью. Ничего этого не случилось бы, когда б не ты, – его взгляд пригвоздил меня к месту. – Кровь этого мальчика на твоих руках, Анна, и только на твоих.

Лондон, 1866

Удивительно, насколько сильно отличался здесь воздух. В смоге, который сгущался в туман табачного цвета, коляска гроыхала по знакомым улицам. Оконные стекла были испещрены пятнами сажи. Элси почувствовала на языке едкий запах серы задолго до того, как он коснулся ее ноздрей.

Вскоре из тумана вынырнула фабрика: одна высокая труба, из которой валит дым, а за ней акульными плавниками – ряды остроконечных крыш. Двор, окруженный железной решеткой. Сквозь прутья Элси заметила фургон, доставляющий древесину для

спичечной соломки. Из здания показался и прошел мимо мальчик-продавец. На боку он тащил лоток с товаром, и гора коробок казалась больше самого мальчонки.

Сторож отрыл ворота, и они въехали во двор фабрики. До слуха Элси донесся лязг металла – это за ними заперли ворота. После Бриджа ей казалось, что она в другом мире. За границей. Элси смотрела новыми глазами, глазами иностранки, на то место, которое когда-то считала своим домом. Сквозь запотевшие стекла фабричных окон видна была машина с мерно взмахивающим резаком. Время от времени сыпались искры – это возгорались непокорные спички. Эти вспышки так слепили глаза, что Элси пришлось отвернуться.

– Направо, – скомандовал Джолион, когда они оказались во дворе. – Сейчас отправляйся в квартиру и отдохни. Поездка, наверное, тебя совсем вымотала.

– Но как же девочки из Фейфорда? Когда прибудет их подвода, их нужно разместить и все показать.

– Об этом позаботится мисс Бакстер. Ты не задумывалась, кто тут всем занимался после того, как ты вышла замуж?

От мысли, что ей нашли замену, Элси стало не по себе. Это ее дело. Она могла выйти замуж и уехать, но никогда не отделяла себя от фабрики – она всегда будет здесь хозяйкой. Видит Бог, это звание она заслужила.

– Что ж, мисс Бакстер может позаботиться о них сегодня, ведь я и вправду устала. Но завтра же, немного отдохнув, я сразу возьмусь за дело.

Джолион пожевал губу.

– Это будет мне на пользу, – пояснила Элси. – Меня так и тянет сюда, мое место здесь, среди шума, суматохи и жизни. А в Бридже я чувствовала себя, как набитое ватой чучело под стеклянным колпаком.

– Там будет видно. Но сначала выпей чаю и приляг.

С этим Элси не стала спорить.

Опираясь на руку Джолиона, она вышла из экипажа и направилась мимо цеха с пропиточными ваннами и сушильных сараев к маленькому дому из серого кирпича в западной части двора. Неопрятные женщины в обтрепанных платках на плечах кивали, здороваясь с Элси, когда она проходила мимо них. Над их спинами поднимался белый пар, отдающий тлетворным чесночным запахом.

– Окна давно следовало бы вымыть, – сказала Элси Джолиону, оглядев дом. – Вот видишь, что происходит, стоит мне оставить тебя одного. Страшно даже подумать, в каком состоянии я обнаружу логово холостяка, когда войду внутрь.

Он улыбнулся.

– Обнаружишь все то же, что прежде. То, что было всегда.

Скрипнула входная дверь, и экономка Джолиона впустила их внутрь. Сдобная фигура круглолицей миссис Фиггис не оставляла ни намек на ключицы или выступы скул под пористой кожей. Двигалась она тяжело, неся перед собой необъятный бюст. Элси диву давалась, как экономке удастся обтянуть его фартуком. Смущенно отводя взгляд, она вошла в свой старый дом.

Миссис Фиггис была относительно новенькой, ее наняли уже после замужества Элси для выполнения тех обязанностей, которые всегда лежали на ее, Элси, плечах. Было приятно видеть, что женщина эта по-матерински добра, что в камине гостиной, куда их проводили, уже разведен огонь. Экономка поспешила на кухню, чтобы приготовить им чай.

Как отличалось это от ее прибытия в Бридж. Осмотревшись, Элси обнаружила, что на каминной полке нет пыли. На подоконниках тоже. Поддержание чистоты – непростая задача там, где клубится желтый фабричный дым. Вездесущий тонкий порошок – совсем не то же, что обычная пыль или песок – проникал повсюду, въедался под ногти, щекотал нос.

– Беру назад свои слова, – сказала Элси, снимая чепец и присаживаясь к камину. – О тебе превосходно заботятся.

– Совершенно так. Миссис Фиггис – настоящее сокровище. Но, разумеется, – добавил он поспешно, вешая свою шляпу на подставку и забирая у сестры ее головной убор, – тебе она и в подметки не годится.

– Польщена. Но не верю ни единому слову.

Устроившись поудобнее, Элси осмотрела гостиную. Джолион был прав – здесь ничего не изменилось. Выцветшие обои с узором из букетиков роз, несколько изящных безделушек на полках, ажурные вязаные салфеточки на спинках стульев. Привычный химический запах фабрики, который после долгого отсутствия казался ей сильнее. Комната осталась прежней. Изменилась лишь сама Элси.

Ей бросилось в глаза, какое здесь все маленькое по сравнению с Бриджем: стулья стоят слишком близко друг к другу, камин невелик, огонь слабоват. Как будто она выросла, и теперь ей слишком тесно в этом месте.

Появилась миссис Фиггис с чаем, хлебом и маслом и, поставив поднос, тактично оставила их одних. Элси поднесла к губам чашку. На ободке был отколот кусочек.

– Советую тебе принять капли лауданума, чтобы скорее заснуть, – обратился к ней Джолион, беря кусок хлеба. – Завтра я займусь вопросом твоего лечения.

Элси чуть не выронила чашку.

– Я показывалась врачу в Бридже. Он сказал, что мое состояние не вызывает опасений и я достаточно крепка для поездки.

– Но это еще не полное выздоровление, правда?

– Признаю, я еще слаба, Джо, но мне не нужно другого лечения, кроме отдыха и бокала вина в день.

– Ты пережила нервное потрясение, шок. Подобные эпизоды не следует оставлять без внимания. В наши дни у докторов есть всевозможные средства, которые тебе помогут – ингаляции паром, холодные сидячие ванны.

Она сделала глоток, но чай показался кислым, а в горле запершило.

– Я думала, мы обо всем договорились. Я не... Все это было просто злой шуткой.

– Да, – Джолион тщательно пережевывал хлеб с маслом, избегая ее взгляда. – Я и не предполагаю ничего иного. Однако и это – ужасный удар по нервной системе. А на фоне всего остального – кончина Руперта, безвременная и такая внезапная.

– Джолион...

– А дальше? Ты только посмотри, что происходит! Ты теряешь ребенка. Было бы странно и неестественно, если бы это *не потрясло* тебя до глубины души. Нет ничего постыдного, ты и сама понимаешь, в том, чтобы принять помощь. Просто небольшое подспорье, чтобы укрепить нервы и немного поднять дух.

– Я понимаю тебя, – Элси поставила чашку на блюдце. – Но уверяю, в этом нет необходимости. Прошу, не трать без надобности свои деньги. С подобными вещами я всю жизнь справлялась сама. –

Джолион открыл было рот, чтобы заговорить, но она его опередила. – Такая у меня судьба, Джо. Я доверяюсь людям, а они злоупотребляют моим доверием. Мне просто нужно собраться с силами и запомнить этот урок.

Только сейчас Элси заметила, что дрожит, и поскорее сложила руки на коленях.

– Хотя бы, – ласково сказал Джолион, выпрямляясь на стуле, – хотя бы прими помощь в части «собраться с силами». Это мой долг, Элси, как любящего брата, позаботиться о тебе. Ты такая храбрая и мужественная, что я часто забываю о твоей принадлежности к слабому полу. А значит, ты не должна сама справляться с подобными вещами, не создана для этого.

Элси проглотила возражение, чтобы не ранить брата. В свои двадцать три года он хочет чувствовать себя взрослым, ответственным мужчиной.

– Ты уже выполнил свой долг.

– О нет, это далеко не так. – Джолион нахмурил брови, стал серьезным. – Я беспокоюсь за тебя, Элси. Мы должны быть осмотрительны. После... – он замялся, двигая кадыком, – после того, что случилось с Ма.

Элси впиалась взглядом прямо в глаза Джолиона, всмотрелась в карие радужные оболочки, бегающие из стороны в сторону, в зрачки-точечки. Но в его мысли она не могла проникнуть. Он ничем себя не выдал.

Элси поймала себя на том, что не дышит.

– Ма? – прошептала она.

– Я о том, какой она была в самом конце.

– Ты был слишком мал, чтобы это помнить.

– Уверяю тебя, что живо все помню.

Как ей скрыть это – необъяснимую дрожь пальцев, какой-то трепет глубоко в душе?

– Я не знала. Мне очень жаль, Джо. Это было ужасное время. Если бы я могла, то избавила бы тебя от воспоминаний.

Последовало долгое молчание.

– Я помню, – осторожно, подбирая слова, заговорил Джолион, – она была совсем плоха. Видела чертей и чудовищ. А потом, в самом

конце, вообще наступил кошмар. Она все время нашептывала мне разное и обвиняла тебя – в чем только она тебя не обвиняла.

– Меня?

– Она была совершенно не в себе. *Это* было понятно даже мне, хоть я и был еще совсем мал. Но она была нашей матерью, Элси, а такое может передаваться по наследству.

У Элси скривилось лицо.

– У нее был тиф! И ужасная лихорадка – при таком жаре любому начало бы мерещиться.

– Путаница у нее в голове от тифа усугубилась, но началось-то все раньше. Да ты сама мне рассказывала. Говорила, что это с ней после смерти Па.

– Да. Говорила. Конечно, горе изменило ее. Но она не то чтобы сошла с ума. Я, во всяком случае, так не считаю.

«*Понимают ли люди, что сходят с ума?*» – спрашивала она себя. Замечают ли, что нити их разума начинают рваться? Или просто уплывают в странный мир, похожий на сон? Никогда она не узнает этого, потому что они с Ма так и не поговорили на эту тему. Ну, а если быть до конца честной, Элси тогда было все равно, страдает ли Ма, – положила руку на сердце, она ей этого даже желала.

– Стоит ли рисковать? Не лучше ли навестить доктора?

Странное безразличие охватило Элси. Разве Джолион знает, что значит рисковать?

– Ты не можешь сравнивать, дорогой мой Джо. Но, знай ты родителей лучше, убедился бы, что я ни в чем на них не похожа. – Старая боль сдавила ей горло. – Ни в чем, понимаешь?

– Похожа, Элси. С этим ничего нельзя поделать. Они всегда с нами, в нашей крови, в самом нашем существе. Нравится нам это или нет.

Элси содрогнулась.

– Да. Да, видимо, это так.

Слишком быстро бьется сердце. У Элси затуманились глаза, губы пересохли. Послышалось тихое пение. Она не могла понять, раздается оно только у нее в ушах или это поют женщины во дворе.

Сквозь смог просачивался дневной свет, он заглядывал за занавески и выплескивал желтых зайчиков на поднос с чаем. Когда луч

коснулся колена Элси, она резко поднялась. Ее чашка с блюдцем задребезжали.

Джолион недоуменно поднял глаза.

– Извини, – сказала она, вытирая рукой лоб. Ладонь стала скользкой от пота. – Извини, Джо. Я вдруг почувствовала себя из рук вон скверно. Лучше мне пойти и лечь.

* * *

На смену январю пришел сырой, промозглый февраль с пронизывающим ветром, который продувал насквозь фабричные корпуса и заставлял дым из трубы стелиться. Элси почти не замечала, как проходили дни. То ли из-за снотворных капель, прописанных врачом Джолиона, то ли от лавандовой микстуры, которую она по вечерам добавляла себе в вино, она пребывала в блаженном состоянии покоя, отрешенная от повседневных забот и треволнений.

Она бродила по фабрике, но ни за что не отвечала. Могла пойти мимо пропиточного цеха или поглядеть, как в другом цеху мальчишки наносят фосфорную массу на поверхность сушильной плиты. Холодные порывы ветра выносили дым за ворота, и он смешивался с лондонским смогом. Временами Элси улавливала обрывки сернистого запаха, но это не беспокоило ее, как раньше. Запах был чем-то вроде легкого укола, небольшого толчка, но не острого лезвия ножа.

Когда ходить по двору стало слишком холодно, Элси начала заходить в корпуса, где делали спички. Здесь было легче двигаться и свободнее дышать, здесь она была как рыба в воде. Пар, грохот станков и машин, треск и шелест спичечной соломки – звуки фабрики были родными ей, как голос Джолиона. Элси наблюдала, как бегают, снуют ее работники, как блесит пила, и чувствовала, что силы восстанавливаются. Что она возвращается к жизни.

К марту она чувствовала себя совсем здоровой и начала обучать трех девочек, привезенных из Фейфорда.

– Смотри, – говорила Элси самой маленькой из них, веснушчатой девчужке, пытавшейся связать пучок соломки. – Возьми вот столько и положи под отметку. Это и будет правильное количество соломки для связки – тысяча восемьсот штук.

Подруга девочки была, казалось, испугана тем, что придется считать и складывать такие большие числа, но Элси ободрила ее и помогла, а тем временем первая, с веснушками, училась завязывать узлы.

– Я и сама этим занималась, – улыбнулась Элси, – когда мне было столько лет, сколько вам.

Конечно, тогда она работала уже не так расторопно и проворно – с обожженными-то руками.

Девочка не отвечала, хотя по ее лицу было видно, что она не поверила ни единому слову Элси. Наверное, это *вправду* странно, чтобы дочь владельца фабрики трудилась наравне с работницами, но Па говорил, что фабрику нельзя узнать, если на ней не поработать. Насколько Элси помнила, это была единственная полезная мысль, которую изрек Па.

Отойдя от девочек, Элси заметила, что за ней на полу остаются следы, как если бы она шла по песку. Машины стрекотали, соломка ссыпалась в желоб, в воздух поднялось облако пыли. Веснушчатая девочка из Фейфорда закашлялась. Постепенно пыль улеглась. И под ней, как по мановению волшебной палочки, исчезли следы Элси.

Любопытно было вспомнить о полах фабрики, испещренных неровностями, обо всех этих незаметных ямках и уступчиках, которые так легко не заметить, а еще проще сделать невидимыми, припорошив метелкой.

Элси поднялась по лестнице, направляясь к конторе, но на полпути остановилась, перегнулась через железные перила. Отсюда открывался вид на всю фабрику. Вот женщины, заполняющие формы и следящие за машинами – все их жизненные силы сгорают здесь, улетают с паром. Искры – это загораются и тут же умирают отдельные непокорные спички. Как быстро это происходит: вспышка и мгновенный переход из одного состояния в другое. Вот только что спичка была палочкой с гордой белоснежной головкой, а в следующий миг это уже обугленная, никудышная вещь. Усохшая и никому не нужная.

На ручных тележках связки соломки перевозили в пропиточный цех и обратно. Сушильные сараи располагались дальше, и из окна их почти не было видно.

Там. Это место – рядом с циркулярной пилой, оно просто незаметно отсюда. Если поскрести его поверхность, станет видно почерневшее выжженное пятно. Оттуда начался пожар. Туда Па со всех ног неся с ведром. А потом... там текла кровь. Очень много крови. Красные пятна на опилках. Красные струи между ножками стола. Странный красный цвет – темно-бордовый, будто кларет. Густой.

Большую часть убрали с помощью уксуса и воды, но Элси представлялось, что какая-то часть скрыта под опилками. Бурая, уже не такая красная. Бурая, словно патока.

Когда все произошло, Джолиону было всего шесть недель от роду. Па даже не успел включить сына в завещание. Пожелай Элси, она могла бы добиться, чтобы фабрика целиком и полностью принадлежала ей, до самого замужества. Но было бы неестественно лишать Джолиона доли. Элси было необходимо, чтобы брат подставил плечо и помог ей нести нелегкое бремя этого наследства: достояния, рожденного кровью.

Элси медленно выпрямилась и села на ступеньку, прижавшись щекой к холодным перилам. Да, в истории этого места были страшные моменты, но жизнь фабрики каким-то образом все сглаживала, смягчала, как море сглаживает камни. И тогда на смену им приходят другие, более приятные воспоминания.

Она спускалась по этой самой лестнице – тогда еще одетая не в черное, а в яркое платье модного, красного с лиловым отливом цвета – когда вошел Джолион с тремя джентльменами. Один из них носил котелок, двое других были в цилиндрах. Все приблизительно одного возраста – средних лет или немного старше, – но ее внимание привлек только Руперт, его живое энергичное лицо. Он скорее походил на молодого человека, хоть и знавшего непростые времена. Его спутники, как говаривала Ма, *неважно сохранились* – морщинистая кожа, кислое выражение лиц.

– А, – Джолион заметил ее. Брат сильно нервничал, хоть и старался этого не показать. Когда он поднял руку, под мышкой мелькнуло темное пятно. – Это моя сестра, она поможет мне провести для вас экскурсию. Мистер Бейнбридж, мистер Дэвис, мистер Гринлиф, позвольте мне представить вам мисс Ливингстон.

Джентльмены поклонились. Улыбнулся же только мистер Бейнбридж. Впрочем, Элси не была вполне уверена – у мистера Дэвиса и мистера Гринлифа на лицах имелась столь чудовищная растительность, что она не смогла бы сказать с уверенностью, есть ли у них вообще рты.

Мистер Бейнбридж ей сразу понравился. Темные с проседью усы его были аккуратно пострижены, и сам он показался ей куда опрятнее и изящнее остальных – даже его панталоны в сине-зеленую клетку заметно отличались. У него была привычка на ходу поигрывать часами на цепочке.

Взяв Джолиона под руку, Элси повела гостей по фабрике, давая пояснения там, где это требовалось, и рассказывая, чем заняты работницы. Джолион говорил о станках, машинах и уровне производительности труда. Эти роли были разделены между ними и отрепетированы тщательно, как хороший спектакль. Все шло как по писаному – в нужных местах потенциальные инвесторы кивали, задавали те вопросы, которых от них ждали. Только когда они пришли в контору и Элси села напротив Джолиона во главе длинного стола красного дерева, возникла первая проблема.

– Прошу меня простить, джентльмены, но я полагал, мы будем говорить о деле? – мистер Гринлиф положил на стол свой котелок, переводя глаза с Элси на полный графин с бренди и обратно.

– Именно так, – подтвердил Джолион. – Начинайте, прошу вас.

– Едва ли это можно счесть галантным в присутствии дамы.

Элси скривила губы в улыбке.

– Уверяю вас, мистер Гринлиф, фабрика – это тема, которая никогда мне не наскучит. Вы можете не бояться утомить меня.

Пожилой джентльмен медленно кивнул. Разумеется, меньше всего он боялся показаться Элси скучным – Элси это знала, и он это знал.

– Милостивая государыня, позвольте мне быть с вами откровенным. На подобных встречах нередко звучат выражения... несколько грубые для ваших ушей. Будет куда лучше, если ваш брат просто перескажет вам позже самые важные моменты.

Вдруг Руперт еле слышно засмеялся.

– Клянусь честью, Гринлиф, я не представляю, какой встречи вы ждете. Что касается меня, я охотно готов держать себя в рамках приличий.

Джолион зарделся, принялся суетливо искать что-то в карманах.

– Вы должны понимать, что фабрика – собственность мисс Ливингстон, а не только моя. Она, как я считаю, имеет право присутствовать на любой...

– Фью, никто не подвергает сомнению ее права, юноша. Но *нужно* ли это? К чему мучить бедную леди ужасами деловых разговоров.

Элси слышала, как сердце колотится прямо в шее. Ее бесил этот жирный старик, нафаршированный предубеждениями и деньгами. *Ужас*. Что он знает об ужасе? Только забота о Джолионе заставила ее прикусить язычок.

– Грубые выражения и деловые ужасы, – прокомментировал Руперт, раскачивая часы, словно маятник. – Я и сам начинаю сомневаться, что хочу остаться здесь.

– Вы, Бейнбридж, отлично понимаете, что я имел в виду. Фигуры речи и деловые формальности, которые нам кажутся обычными, способны утомить – я уж не говорю шокировать – даму.

Самое ужасное было в том, что Гринлиф и не собирался говорить откровенно. Нет, он не позволил бы себе оскорбительно высказаться об умственных способностях Элси. Не указал бы ей, где ее место. Вместо этого он ходил вокруг и около, изображая благородство, притворяясь, будто делает это исключительно в ее же интересах.

Гринлиф заговорил снова.

– Я искренне не вижу причины, Ливингстон, почему нужно заставлять вашу бедную сестрицу страдать здесь, с нами. Никаких причин.

– Разве что, – вставил Дэвис с хитрой усмешкой, – это нужно вам самому? Такой молодой человек, как вы, нуждается, вероятно, в присутствии старшей сестры?

Джолион побагровел. Дэвис наступил на больную мозоль. Элси встала и подняла графин бренди.

– Итак, джентльмены, вы высказались, и, я уверена, получили удовольствие. Что же до нас с мистером Ливингстоном, то нас ждут дела. Любому, кто вложит средства в фабрику, придется иметь дело как с ее владельцем, *так и* с владелицей, и это не подлежит обсуждению, – она плеснула себе немного бренди и выпила залпом. – А если вы слишком разборчивы, чтобы иметь дело с женщиной, лучше вам покинуть нас сейчас.

Вся эта речь, казалось, выплеснулась сама собой. Элси почувствовала, как обожгло горло, и устояла на стакан из-под бренди, не понимая, как он попал ей в руки.

Мистер Гринлиф и мистер Дэвис ушли. Руперт остался с ними.

Теперь, после этого инцидента, говорил в основном Джолион. Он и изложил все их с Элси планы перехода с производства шведских серных спичек на спички с безопасными головками, а также предложения по улучшению положения персонала. Именно Джолион рассказывал о вентиляции, Джолион поднял вопрос об отдельном сушильном сарае. Однако Руперту в память запала Элси.

– Удивительная женщина, – сказал он Джолиону, как только решил, что она отошла достаточно далеко и не слышит. – У вашей сестры поразительная деловая хватка, Ливингстон, она все понимает про вашу фабрику. Это слышится в каждом ее слове. Вы совершенно правы, что привлекаете ее.

– Элси.

Нет, это был не ответ Джолиона Руперту. Это был голос не из прошлого, он звучал здесь и сейчас.

– Элси.

Она поморгала, стряхивая воспоминания, пытаясь вернуться в настоящее. Образ Руперта и Джолиона, пожимающих друг другу руки, растаял. На его месте возник другой Джолион. Ничем не похожий на юношу, которого она только что себе представляла – искаженное, потрясенное лицо, глухой, отрешенный голос.

– Элси, что ты здесь делаешь? Я тебя повсюду ищу.

Элси встала, спустилась на несколько ступеней и взяла брата за руки. Ладони его были горячими и влажными.

– Что-то случилось? Джо, у тебя ужасный вид.

– Случилось страшное. Собирай вещи. Тебе необходимо вернуться в Бридж. Сегодня же.

У нее внутри все оборвалось.

– Почему? Ради всего святого, что случилось?

– Мейбл. – Он крепче сжал ее руки в перчатках. – Мейбл мертва.

Его казнят сегодня.

Это моя вина, мой грех. Всё это. Каждое утро я просыпаюсь больная: меня до резей в желудке мучает сознание собственной вины. Но я страдаю недостаточно – никогда никаких моих страданий не достанет, чтобы удовлетворить Джосайю. Ему непременно надо тыкать меня в это носом, как щенка, который напачкал в хозяйском доме. Именно поэтому у нас устроено празднество.

Поскольку беглеца поймал Марк, мой муж распорядился вознаградить всех слуг, устроив для них пир. Весь день напролет над огнем крутятся вертела, наполняя дымом нижний этаж. У меня от этого до слез щиплет глаза.

Джосайя разрешил им занять Большой холл. Сейчас они сидят там за столами, звенят стаканами, зубами рвут мясо с костей, как будто разрывают на части самого Меррипена.

Сама я убралась на кухню вместе с Лиззи. Это мое наказание – сидеть здесь в дымном чаду, обливаясь потом, и глядеть, как лопаются и пузырятся на огне кожа животных, когда поворачивают вертела.

Мы пытаемся поддерживать разговор, но я нахожу это занятие слишком обыденным, легкомысленным, не соответствующим моменту. Возможно ли болтать о пустяках после всего, что произошло?

– Не дело это, ох не дело, – вздохнула Лиззи, вытирая лицо. – Устраивать все это из-за того, что парня на рассвете вздернут. Хоть и злодея.

Я вслушивалась в шипение капающего жира. Будет ли Меррипен вот так гореть в аду?

– Как глупа я была, поверив ему. Но – он не показался мне испорченным мальчиком.

– Верно. Но у дьявола много обличий. То, как он разделал эту несчастную лошадь... – Лиззи подошла и потрепала меня по руке своей потной, мозолистой ладонью. – Может, оно и лучше так-то. Покончить с ним сейчас, пока он таким же манером не загубил человеческую душу.

Но как покончить...

Мы обе замолчали, глядя на огонь. Мне показалось, что поленья напоминают обугленные конечности. Горемыку, сторевшего на костре. Только бы никто никогда не узнал, каким образом я сумела произвести на свет Гетту. Упаси господи! Если Меррипена приговорили к

повешению, потрошению и четвертованию, то что бы сделали со мной?

– А что Гетта? – спросила я наконец. – Знает ли, что случилось с ее дружкой?

Лиззи вздохнула, ссутулилась.

– Я ей ничего не говорила, но она уж очень умна. Знает, что нынче большой пир. С утра все копошилась на грядках, собирала травки для стряпухи. Вроде бы это ей помогает не скучать.

– А сейчас?

Она выглянула в окно на часы.

– Схожу-ка я, приведу ее. Раньше духу не хватило, вот я усадила ее в тихое место, где ей хорошо. Но ветер нынче так и кусает. Не хочу, чтобы она подхватила простуду.

Протянув руку, я помешала Лиззи подняться.

– Я сама пойду, Лиззи.

Няня кивнула, соглашаясь.

Как только я выскочила из жарко натопленного помещения, ледяной воздух принялся безжалостно щипать мне кожу. Сидя на кухне, я и не осознавала, как сильно похолодало. Того и гляди пойдет снег. Мороз посеребрил инеем стебли, и они хрустели у меня под ногами. Я направилась к травяному огороду.

Мой сад, еще недавно такой красивый, превратился в неряшливую грудку тощих ветвей, дочиста ободранных ветром. Над ним простиралось бесцветное, белесое небо. Ни лилии, ни розы не сохранились. Остались только фигурно выстриженные кусты, зеленый призрак моих летних надежд. И травы Гетты.

Пока я шла, мне казалось, что я мерзну. Но только при виде своей девочки я ощутила, что сердце застыло у меня в груди ледяной глыбой.

Гетта сидела на замерзшей земле, подобрал под себя юбки. Совершенно неподвижно, положив на колени руки в перчатках. В руках у нее ничего не было, но она держала их перед собой ладонями вверх.

На дорожке осталась ее корзинка. Когда я приблизилась, Гетта не повернула голову. Ее безучастный взгляд был устремлен вперед.

– Гетта! Гетта, что ты здесь делаешь? Так ты простудишься и умрешь.

Я схватила ее за плечо. Мне показалось, что у меня в руках кукла, податливая и бесчувственная. В ее волосах искрились кристаллики инея. Сколько же она просидела вот так, на сырой земле, давно ли Лиззи оставила ее?

– Гетта. Дай мне руку, вставай.

На заиндевело́й траве вспыхнули, заиграли последние лучи заходящего солнца, на мгновение ослепив меня. Присев, я схватила Гетту за руки – перчатки были липкие, в зеленых пятнах от сока трав. От них исходил аромат тимьяна и еще какой-то запах, более глубокий, горький. Рывком я поставила девочку на ноги.

– Ты рвала травы прямо руками? – я заглянула в корзинку. Она была полна сорняков и чертополоха. – Где же твои ножнички?

Гетта сунула руку в кармашек передника. На лезвиях блеснул холодный свет, когда она защелкала ими: *чик-чик*. Ножницы показались мне ржавыми, с бурым налетом на кольцах.

– Нужно отдать их точильщику, пусть почистит и наточит.

Я повела девочку к дому. Она больше походила на мертвую, чем на живую – бледная, как воск кожа и тусклые, погасшие зеленые глаза. У меня изо рта вырывались клубы пара, ее же дыхание было совсем легким, почти незаметным. Только однажды около ее носа появилась тонкая струйка пара, легкая, как дымок погасшей свечи.

Я передела Гетту и положила ей на постель меховое одеяло. Сама развела огонь в камине. Потом накрыла клетку с воробьем, а около кровати поставила одного из деревянных компаньонов – как она любит.

В трубе завывал ветер, а мы сидели, глядя друг на друга. Только мы, соучастницы. Вдвоем мы с ней разрушили семью. Но ветер все выл, словно предвещая, что впереди ждут новые страдания.

Гетта подняла руку. Она тянулась, тянулась ко мне, желая утешить...

Но нет. Меня она даже не замечала. Ее внимание просто привлекло бриллиантовое колье.

Я отстранилась, не позволив ей его коснуться.

Когда Гетта, наконец, заснула, я тихо вернулась на кухню. Уронив голову на руки, за столом спала Лиззи. Я присела рядом, прижалась к дорогом, теплому телу и слушала, как она тихо посапывает во сне. Меня вдруг осенило: эта старая морщинистая женщина на самом деле

– единственная истинная связь между мной и Геттой. Я так тщи­лась воспитать примерную дочь и подругу, но, в конечном итоге, общего у нас с ней немного: только любовь старой служанки и смерть Мерри­пена.

* * *

Я, кажется, задремала, когда из холла слышались крики. Следом раздались шаги, тяжелые, неровные. Я тронула Лиззи за плечо.

– Лиззи, проснись. Они идут сюда.

Огонь уже почти прогорел. От каменных стен тянуло холодом. Во дворе неистовствовал ветер, он тряс дверь, колотил в окно. Я хотела выглянуть, но мороз расписал стекла ледяными узорами.

– Лиззи.

Она застонала, зашевелилась.

– Который час, госпожа?

– Я не знаю. Нам пора спать. Идем, я не хочу, чтобы нас здесь застали. Они вот-вот ворвутся сюда с песнями.

Мы уже собрались выйти, как вдруг раздался стук в дверь со стороны конюшенного двора. Я замерла. Кто мог явиться в такую непогоду?

В оконных рамах зазвенели стекла.

Стук повторился.

Лиззи, повинувшись своему долгу слуги, пошла было к двери. Я схватила ее за рукав.

– Лиззи... – я не могла выразить, до чего испугалась. Панический ужас охватил меня.

С другой стороны приближался шум – там веселились слуги.

– Я должна открыть, госпожа. Человек может замерзнуть до смерти в эту бурю! – грубая шерстяная материя ее рукава выскользнула из моих пальцев.

Лиззи достигла двери как раз в тот миг, когда с другой стороны ввалились слуги. Марк – все лицо у него было покрыто красными пятнами – чуть не упал на вертел. За ним, хихикая, шла Джейн, следом стряпуха и несколько лакеев, без своих ливрей показавшихся мне

незнакомцами. Их окутывал густой запах спиртного, усиливавшийся с каждым шагом.

– Вы только посмотрите! Что же это? Госпожа на кухне?

Бросив на них неодобрительный взгляд через плечо, Лиззи снова повернулась и потянула на себя дверь. Она распахнулась под порывом ветра, с силой ударившись о стену. Плитки пола тут же покрыл снег, немедленно начавший таять от тепла. Огонь заплясал в очаге, отбрасывая тени на потолок.

Пьяные слуги недовольно заворчали.

– Зачем ты открыла дверь, чтоб тебя? – заорал Марк. – Там же холод собачий, хуже, чем в аду!

В снежной круговерти вьюги мне никак не удавалось рассмотреть, кто же стучал. Я сощурилась, вглядываясь. В снегу что-то двигалось. Что-то невысокое, Лиззи по пояс.

– Ох! Господи помилуй, что это? – Лиззи отшатнулась назад, столкнувшись с Джейн. Теперь я его увидела: причудливое создание, черное, как черт, но с головы до пят испещренное белым. Оно рванулось вперед, что-то бормоча. Джейн завизжала.

– Пощады, – таким было первое внятное слово. Воцарилась тишина. Существо протянуло к нам свои темные руки. Все замерли. – П-п-пощады.

И я увидела, что передо мной не демон, а худенький ребенок, девочка, простоволосая, растрепанная, дрожащая от холода.

– Здесь не подают! – рявкнула на нее Лиззи. Еще никогда я не видела ее в таком испуге. – Мы не привечаем нищих попрошаек.

Я уже открыла рот сказать, что она может переночевать на конюшне. И вспомнила, что случилось в прошлый раз, когда я допустила незнакомого человека к стойлам.

Девочка замотала головой. Ее черные глаза показались мне странно знакомыми.

– Джосайя Бейнбридж, – пролепетала она – и было понятно, что английский язык ей не родной. – Я видеть Джосайя Бейнбридж. Пощады.

Вперед на нетвердых ногах выступил Марк, оттолкнув Лиззи.

– Не мечтай даже близко подойти к моему господину. Проваливай.

Я не смогла удержаться, у меня вырвался вопрос.

– Пощады? Кому?

Темные глаза обратились ко мне. На длинных ресницах сверкнули алмазы снежинок.

– Брат.

Пол покачнулся у меня под ногами. По коже побежали мурашки, и я ясно поняла в этот момент, что дар прозрения – это не мои необычные видения и сны, а гипнотическая сила в агатово-черных глазах этой девочки. Мне уже не было необходимости слышать имя, и все же оно было названо.

– Брат. Меррипен.

Джейн снова завизжала.

– Бог ты мой! Это ж тот цыганенок! – взревел Марк. – Она родня этого злодея!

– Отведем ее к господину, – выкрикнула кухарка. Она прислонилась к стене и рыгнула. – Он уж разберется, вздернет ее рядышком с братцем!

Слуги стали дружно надвигаться на цыганку. Немногочисленные, меньше дюжины, они сплотились, как легион: свирепые красные рожи и множество цепких пальцев.

Лиззи смели в сторону, порвав ее черный воротник с рюшем. Она ударилась о кирпичную трубу и умоляюще поглядела на меня. *Останови их.* Я выступила вперед, но они схватили ребенка, грубо и неуклюже, мало что соображая в своем опьянении.

– Стойте! – Лиззи снова бросилась вперед, хватая их за руки, пытаюсь помешать. – Беги, дитя! – кричала она. – Беги!

Я вторила ей. Они не обращали на нас внимания. Да и кто я для них теперь, чтобы меня слушаться? Госпожа, покрытая позором, супруга, с которой Джосайя обращается как с отбросами в уличной канаве.

Лиззи удалось помочь девочке освободить одну руку. Шипя и царапаясь, цыганка вырвала и вторую. В тот же миг чей-то кулак ударил Лиззи в висок. Она упала – теперь между девочкой и толпой никого не было.

Никогда в жизни я не двигалась так стремительно. Не обращая внимания на скамьи, на свои юбки, я бросилась туда, где только что стояла Лиззи, мгновенно приняв решение. Ударить меня они не осмелятся, но и удерживать их долго я не смогу. Нужно поскорее убрать отсюда девочку.

Схватив ее обеими руками за щуплые плечи, я вытолкнула ее за дверь, в жадные лапы вьюги. Вскинув руки, она потянулась к моей шее и чуть было не сорвала с нее бриллиантовое кольцо. На мгновение наши взгляды встретились. Потом она исчезла во тьме и снежной замети.

Развернувшись, я захлопнула дверь, привалилась к ней спиной и раскинула руки, преграждая путь.

– Назад! – крикнула я хрипло. – Все назад!

Марк с искаженным злобой лицом дерзко посмотрел мне прямо в глаза.

– Я доложу об этом господину.

Один за другим слуги разбрелись кто куда. Джейн лежит на полу у погасшего очага и звучно храпит. Тут невыносимо холодно. И все же мы с Лиззи сидим вдвоем при свете одной-единственной свечи, не в силах пошевелиться.

У нас ни на что не осталось сил, только слушать, как завывает и жалуется ветер. В окно не видно ни зги: все оно покрыто снегом, так нас занесло.

– Холодно, – повторяет Лиззи то и дело. – Ах, как же холодно.

Конец первой части

Бридж, 1866

Элси сидела на мягком сиденье неподвижно, глядя прямо перед собой. Экипаж вез ее к Фейфорду. Погода установилась теплая. В бледном мягком свете видны были почки на живых изгородях и цветы на деревьях. Но весна в этом году оказалась злой обманщицей.

Щеки у Элси окаменели и стали словно восковые. В лесу заливался дрозд, и его щебет казался самым неприятным, режущим ухо звуком, какой она когда-либо слышала.

Как это могло произойти?

Несчастный случай, сказала миссис Холт. Мейбл мыла зелень к обеду прислуги и не вытерла руки перед тем, как начать готовить мясо. Вот мокрый нож, должно быть, и соскользнул.

Соскользнул. Удобное слово: неуправляемое, стремительное, удержать его трудно – даже на языке. Слишком быстрое. И, если что

соскользнет, ничего не докажешь. Элси хорошо это знала.

Но, если у Мейбл соскользнула рука, почему она не позвала на помощь? Почему никто не услышал ее криков? Как случилось, что о происшествии узнали лишь, когда Хелен нашла ее в луже крови на кухонном полу, с глубоким вертикальным разрезом от запястья до локтя?

На это мог быть только один ответ: она не хотела помощи. Она сделала это намеренно.

– Во всем виноват я, – Джолион затянулся и с силой выпустил сигарный дым через нос, расхаживая по кабинету. – Я был зол. Накричал на нее, обвинил во всех смертных грехах. Приближалась Пасха, девушка, видимо, так боялась возвращения в работный дом...

– Ты обвинил ее, верно, но я не вижу в этом ничего дурного.

– Как можешь ты так говорить?

– Подумай, Джолион. Это самоубийство – если мы и впрямь думаем, что это самоубийство – скорее подтверждает, чем опровергает твои подозрения. Часто подобные поступки совершают в порыве раскаяния. Если она изощренно издевалась надо мной и убила мое дитя... Да могла ли она жить с этим?

Джолион снова сделал затяжку.

– Как бы то ни было, – сказал он, весь окутанный дымом, – к самоубийству девушку подтолкнули мои слова. Ее кровь на моих руках. – Он уставился на свои пальцы, машинально стряхивая пепел с сигары. – Тебе нужно ехать, Элси, и немедленно. Мне необходимо закончить здесь дела, но я приеду следом, как только смогу.

Правда это или нет, они решили поддержать гипотезу миссис Холт о несчастном случае. По крайней мере, это гарантировало несчастной Мейбл погребение в освященной земле.

Подумать только, девушка, полная жизни, дерзкая и задорная, ушла навек. Смерть придала ей благородство, которым она не обладала при жизни. Собравшиеся будут стоять вокруг гроба в благоговейном молчании, словно ожидая, что она вдруг очнется, встанет и спросит, что они все тут делают.

На подъезде к деревне Элси почувствовала, что выдержка ей изменяет – желудок будто сжал ледяной рукой. Свет весеннего солнца нисколько не приукрасил лачуги. Из полусгнившего камыша на крышах пробивалась сорная трава. Элси поерзала на сиденье,

чувствуя, как в ней что-то поднимается из глубины. К ней возвращались все ее прежние страхи, суеверия окутывали ее, словно старый плащ.

Приподняв вуаль, она оглядела каштановую аллею, ведущую к церкви. На ветвях появились свежие зеленые листья и уже распускались белые цветы. А кто там у южного входа? Сара? Элси всматривалась в окно, но фигуры за каменной стеной были так малы и расплывались в глазах – не различить. Конечно, Сара могла приехать в церковь, чтобы обо всем договориться. Что-то она расскажет об этой странной смерти? А что скажет мистер Андервуд? Все это совершенно ужасно.

Экипаж загрохотал по мосту. Внизу бурлила вода, точно смеясь над ее несчастьями. Все же с Бриджем что-то не так. В Лондоне Элси научилась считать свои страхи не заслуживающей внимания чепухой, но стоило вернуться, как они – скользкие, неотвязные – снова завладели ей. Что-то темное мерещилось ей, темное и коварное, выползающее из-под корней растущих в саду цветов. Оно коренилось не только в прошлом, в странных событиях, происходивших с Анной Бейнбридж, о которых вычитала в ее дневнике Сара. Само здание было нехорошим. Элси с детства много страдала на спичечной фабрике, но все-таки могла там находиться, но это... это место пугало ее до дрожи.

После похорон она заберет Сару с собой в Лондон и запрет дом до лучших времен.

Коляска свернула и покатила по извилистой дорожке, над холмами вышло солнце, осветив траву. С такого расстояния все виделось игрой контрастов, света и тени: рдели под лучами солнца кусты, кирпичная кладка казалась почти черной, окна пылали.

Только когда Питерс развернул коляску у фонтана, отсветы в окнах пропали, и Элси увидела картину, от которой у нее чуть не остановилось сердце.

Такого не могло быть.

Распахнув дверцу экипажа настезь, она, задыхаясь, спустилась на гравийную дорожку.

– Мэм? – обеспокоенно окрикнул Питерс. – Подождите, сейчас я подойду и помогу вам.

– Нет, – простонала Элси. – Нет, ты же умерла.

Она просто молча смотрела, так она делала всегда – просто смотрела.

– Мэм? – под ногами Питерса захрустел гравий.

Ма не стала бы, разве ей *нравилось* смотреть?

– Вам нехорошо?

Элси не услышала вопроса. Прежде она никогда не замечала, но сейчас ясно видела – этот мрачный отблеск в зрачках. Взгляд человека у виселицы, пришедшего посмотреть на повешение. Кровожадный взгляд.

– Ах нет, Ма, – мысль об этом была страшнее всего, страшнее самого деяния.

Питерс тряс ее за плечо, испуганно крича.

– Миссис Бейнбридж? Миссис Бейнбридж? Что случилось, куда вы смотрите?

– Компаньонка. Смотри!

– Компаньонка? Нет, мэм. Я же их изрубил в щепу, помните?

– Только не эту, – Элси протянула руку. Она даже нашла некое удовлетворение в этом жесте, так жертва указывает в суде на своего мучителя. – Это моя мать.

– Что?

– В окне! Смотри же!

Но Питерс попятился, трясая головой.

– Там... там в окне никого нет, мэм.

Неправда. Двумя руками Элси сжала виски.

– Смотри лучше.

– Я смотрю. В окне пусто, – Питерс двигался медленно, протянув вперед руки, как будто пытался задобрить опасную злую собаку. – Позвольте я приведу миссис Холт, мэм. А потом вы сядете, отдохнете, она приготовит добрую чашечку чая.

– Нет. Нет! Она там, я тебе покажу.

– Прошу вас, мэм!

Элси было не до рассуждений, она забыла даже о страхе. Она стремительно вбежала на крыльцо и влетела в безлюдный Большой холл. В воздухе стоял запах опилок. В очаге потрескивал огонь.

– Ма! Ма! – Элси решительно прошла в салон для рисования, не переставая звать свою мать. Тысячекратные эхо звучали в этом крике:

детские мольбы из далекого прошлого. Но и теперь, как раньше, ответом было только молчание.

Музыкальный салон.

– Ма! – Голос Элси отразился от высокого лепного потолка. Ничего удивительного. Ма никогда не приходила на помощь, даже когда Элси в отчаянии, вся в крови, из последних сил призывала мать. – Прощу тебя, Ма, ну хоть сейчас!

Глаза Элси щипало от слез, когда она, спотыкаясь на каждом шагу, побрела в комнату для карточной игры. Она не должна была этого делать. Ей никогда и *не пришлось* бы это делать, если бы только Ма...

Откуда-то из глубин ее существа всплыл крик, он поднялся и вырвался наружу хриплым воплем. Элси упала на колени.

– Миссис Бейнбридж! – по ковру протопали сапоги Питерса и остановились рядом с ней. – Миссис Бейнбридж, что... о господи!

Питерс прислонился к стене, чтобы не упасть при виде того, что открылось его взгляду.

Оленья голова больше не висела на стене. Она упала вниз рогами. Но она не просто свалилась на пол.

Под ней лежала Хелен. Проколота, пронзенная, насаженная на рога.

Из пустой глазницы хлестала кровь. Мышцы лица вокруг нее еще подергивались, словно пытаясь вытолкнуть рог, проткнувший глаз и пригвоздивший Хелен к ковру.

Изо рта у нее текла жидкость. Губы шевелились – пытались пошевелиться – но она захлебывалась. Раздалось ужасающее клокотание, и в тот же миг Питерса вырвало.

Элси зашаталась. Перед глазами все плыло, угасало. Точнее, это *она* угасала – отгораживаясь от кровавой сцены и пытаясь спрятаться где-то далеко, глубоко внутри.

Больница св. Иосифа

Карандаш был остро заточен. Доктор Шеферд сам наточил его своим перочинным ножом. Ей не понравилось то, как он стал писать после этого: царапая бумагу, застревая, грозя сломаться, стоит

посильнее надавить. Приходилось держать его осторожно, будто он был стеклянный.

Но карандаш был сделан не из стекла, а из древесины. У него был запах дерева – она узнала этот тревожный запах разрубленного древесного ствола.

Снова и снова, все те же слова. Может, они притупят грифель. Сделают его мягким и блестящим, чтобы она снова смогла взяться за свой рассказ. Она нипочем не хотела продолжать, пока буквы выглядели вот так: ясно очерченными и безжалостно четкими.

Не попытаться ли ей притупить и собственные чувства? Когда-то с этим справлялись лекарства. Она помнила, как ползала по коридорам рядом с доктором Шефердом, засыпая на ходу. Но ее организм-предатель стал привыкать к действию препаратов, как, бывало, приноравливался раньше к разным передрягам и испытаниям.

Она начала острее чувствовать тоску, вьевшуюся в побеленные больничные стены и холодные плитки. Все ее существование сейчас было ограничено палатой – клеткой, где ее держали одну взаперти. Зачем химики делают лекарства, пробуждающие людей, если реальность столь отвратительна и безнадежна? Уж лучше опийные сны, лауданум, успокоительные. А сейчас она ощущала себя лежащей в постели знойной и удушливой летней ночью – когда ворочаешься без конца, мечтая заснуть, но не получая отдыха. Писать одни и те же два слова, снова и снова.

Джолион. Защитить Джолиона.

Вечный рефрен с того самого дня, когда он родился, с ее двенадцатого дня рождения. *Защитить Джолиона.* Но он не здесь и ни разу не пришел ее навестить. Это может означать только одно: она потерпела неудачу.

Окошко в двери приоткрылось.

– Миссис Бейнбридж? Я вас не потревожил? Можно войти?

Блеснули очки доктора Шеферда. Карандаш выпал у нее из пальцев.

Скрипнул засов, и вошел доктор, закрыв за собой дверь. Сегодня пачка документов у него в руках была толще обычного.

– Почему бы вам не сесть на кровати, миссис Бейнбридж? А я с удовольствием постою.

Она сделала, как ее просили. Одеяло еще хранило тепло ее тела и ее запах. Странно, что постель стала означать для нее безопасность и избавление. Так было не всегда.

– Я хотел, чтобы вы сели, миссис Бейнбридж, поскольку то, о чем я намерен поговорить сегодня, может вас расстроить. Ваша история развивается и достигла этапа, на котором я уже способен проанализировать ваш образ мыслей. Сейчас мы подошли к трудному моменту.

Слова доктора пронзили ее насквозь. Ей захотелось спрыгнуть с кровати и бежать отсюда. Она обшарила глазами палату, от зарешеченного окна до тяжелого засова на двери. Выхода нет.

– Вы написали об этих «компаньонах», как вы их называете. Говорите, что боитесь их. Но знаете, что пугает вас на самом деле? Не предметы, которые громяют – или даже шипят – среди ночи. Предмет наших страхов намного ближе. Мы боимся того, что внутри нас, будь то воспоминания, болезнь или дурные побуждения. – Доктор склонил голову к плечу. Его очки съехали набок. – Вы, я полагаю, боитесь стать похожей на кого-то из ваших родителей.

Она так и знала, что они непременно появятся: мелькание света перед глазами и журчащий шум в ушах. Детские воспоминания, ребяческая мысль, что, если крепче зажмурить глаза, то доктор Шеферд ее не увидит.

– Я понимаю, что вы чувствуете. Я не могу притворяться, будто не понимаю намеков, которые вы вкрапляете в рассказ, хотя – из естественной деликатности – предпочел бы опустить завесу и обойти эту тему молчанием. Я полагаю, что именно это вы и сделали, миссис Бейнбридж: опустили завесу. Сначала под воздействием насилия, а потом из-за некой ментальной потребности, вы скрыли тот факт, что родители жестоко обращались с вами.

Если бы у нее еще оставался голос, она закричала бы: *Нет, нет, говорите о чем угодно, только не об этом!* Или она может? Какая-то часть ее, маленькая, трусливая часть, должно быть, хочет, чтобы об этом стало известно, а иначе она не стала бы про это писать, не стала бы делиться этим с доктором.

Шеферд прокашлялся.

– Верьте мне, миссис Бейнбридж, я глубоко вам сочувствую. Преданное доверие в таком юном возрасте, со стороны тех, кого мы

инстинктивно считаем самыми дорогими людьми... И мать, которая должна питать и оберегать, а вместо этого...

Она надеялась, что уже исчерпала слезы, что перешла от них в засушливую пустыню, где они никогда не польются из глаз. Но вот – они хлынули. Горячие, стекающие на подбородок, не позволяющие дышать. Неужели все это время слезы были у нее, ожидая только момента, чтобы появиться?

– Я больше, чем когда-либо, хотел сказать вам, что это *позитивное* развитие. Внешне это так не выглядит – это заставляет вас сталкиваться с потрясениями и испытывать шок. Но ведь вы *и так* сталкиваетесь со всем этим, мисс Бейнбридж. Вам хватило сил на то, чтобы воссоздать в памяти все эти чудовищные издевательства. Я знаю, вы способны найти в себе силы и для того, чтобы вспомнить, что произошло в Бридже в ночь пожара. После этого мы сможем составить наше заключение. Мы сумеем обелить ваше имя.

Пораженная, она посмотрела ему в глаза: нежно-зеленого цвета весенних почек, ласковые, прощающие. Внезапно, с облегчением настолько острым, что оно ощущалось почти как боль, она осознала, что доктор на ее стороне.

Бридж, 1866

Комната вначале показалась Элси спокойной и ласковой. Предметы держались на почтительном расстоянии, их границы расплывались в дымке. Но ее охватила паника, когда она поняла, что, несмотря на сохранившуюся способность к ощущениям, она бесчувственна, нежива.

На потолке играла световая рябь. У Элси задрожали ресницы.

– Элси, – кто-то сжал ей руку. – Миссис Холт, приготовьте горячее питье! Живей! Она очнулась!

Внизу зазвенело. Звук был слишком резким, пробивался сквозь тихий баюкающий гул.

– Элси, милая Элси, слава богу, – постепенно черты Сары стали четче.

– Я не... – во рту был неприятный металлический привкус. Элси сделала еще одну попытку. – Почему я...

Образы мелькали в голове, не давая ей ухватиться за них. Она увидела оленя, потом спичку... Они опять уплыли.

– Не нужно разговаривать. Доктор сказал, что вам нужен полный покой. Я послала телеграмму мистеру Ливингстону, он скоро приедет.

Элси посмотрела вокруг себя. Все было на месте: массивный балдахин с резьбой в виде виноградных гроздей и цветов, умывальник, трехстворчатое зеркало на туалетном столике. Черты Бриджа возвратились, но расплывались, как давно забытый сон.

Скоро приедет Джолион. Джолион, ее маяк, ее якорь. Ей нужно цепляться за это. Но почему сейчас его нет здесь с ней? Он был расстроен, чем? Горевал и сокрушался о чем-то. Ма? Нет, Мейбл. Мейбл. *Хелен.* Элси резко села в кровати, вся в холодном поту.

– Хелен! Она была... она...

Сара положила руку ей на плечо, укладывая на подушки.

– Ш-ш-ш. Я знаю... – Она сглотнула. – Мы с миссис Холт были в церкви, говорили с мистером Андервудом о похоронах Мейбл. Но теперь, кажется... Придется нам теперь хоронить двоих.

Элси прикрыла глаза. Но оно все равно никуда не делось: румяное лицо Хелен, жутко изуродованное, глядело на нее с ковра.

– Как? Как это могло произойти?

Сара прерывисто вздохнула.

– Нам пришлось пригласить констебля из Торбери Сент-Джуд. А потом еще и инспекторов. Питерс дал показания. Полиция пришла к выводу, что произошел чудовищный несчастный случай. Они говорят, что Хелен, вероятно, решила почистить оленя, ну и...

Под веками у Элси замелькал свет.

– Но вы не верите им, Сара. Я слышу по вашему голосу. Вы не верите ни единому их слову.

Она почувствовала, как Сара придвинулась ближе.

– Нет, не верю.

– Расскажите мне.

Сара разрыдалась.

Элси широко открыла глаза. Мокрое лицо Сары пошло красными пятнами. Она судорожно всхлипывала, пытаясь перевести дух.

– Сара! Что такое?

– Это моя вина. Во всем этом виновна только я одна.

– Как вам только в голову пришло подобное?

У Сары задрожал подбородок.

– Я... о, как мне признаться, как это выговорить? Это я, миссис Бейнбридж. Я ук-крала ваши б-бриллианты!

К горлу Элси снова подкатила тошнота. Мейбл была невиновна, она не брала бриллианты. Невинная, она решилась пойти на этот акт отчаяния из-за ошибки Элси.

– Я лишь хотела что-нибудь на п-память о своей с-семье. А потом у Мейбл начались неприятности, и я – я растерялась. Я даже не предполагала...

Кровь, горячая, стекающая по ее рукам.

– Я собиралась во всем признаться на Пасху, – бормотала Сара. – Клянусь, я хотела сказать правду. Но потом Хелен предположила, что драгоценности украли компаньоны! Она... – Сара скривила рот, как от боли. – Она хотела снова их сжечь. Она забрала у меня Гетту и бросила ее в очаг на кухне!

Обессиленная Элси прижала пальцы к вискам.

– Я не понимаю. Почему она заподозрила компаньонов?

– Этого миссис Холт вам не рассказала. Элси, появилась еще одна компаньонка, на кухне, рядом с Мейбл. Новая, такую я раньше не видела, вроде кухарки.

У Элси руки покрылись гусиной кожей.

– Я только что видела компаньонку, Сара – это была моя мать. Она стояла у окна. В точности там, где раньше был отпечаток ладони.

– Вот видите? Их становится больше. Мне кажется, что огонь только усиливает их могущество. Их *нельзя* было предавать огню – и не стали бы, когда бы не моя глупость...

– Вы могли попросить у меня бриллианты, – оборвала ее Элси. – Я не отказала бы вам.

Сара уронила голову на грудь.

– Мне было так стыдно. Я сама не знаю, как... я словно не принадлежала себе в этот момент. Но не я одна. Гетта тоже была одержима ими, одержима компаньонами и бриллиантовым колье. Я порылась в записях, принесенных мистером Андервудом, разыскивая любые упоминания об Анне. Обыкновенно сведения о женщинах в документах XVII века очень скудны, но я нашла записи, посвященные Анне, из-за... из-за того, каким был ее конец.

Элси не смогла заставить себя задать вопрос.

– Ее сожгли, – пошептала Сара. – Сожгли на костре как ведьму.

– Ведьму? Так это она – та ведьма, которой по сей день боятся в деревне?

– Да. И не без оснований. В документах сказано, что она убивала людей, Элси. Но, судя по дневнику, она совсем не была злой. Она была уверена, что использует белую магию, безобидные травяные настои от знахарок, известные испокон веков. Однако, судя по всему, она ошибалась. Ее несчастная дочь родилась без языка и была наделена чем-то... чем-то злым...

Элси не хотела этому верить. На фабрике ей почти удалось убедить себя, что все это ей просто показалось. Но здесь, в доме, где скончался Руперт, где умерли в младенчестве его брат и сестра, она снова почувствовала его. Старый, старый страх. Никакая логика, никакие доводы разума не могли от него освободить. Она с раннего детства не понаслышке знала зло – узнавала его бархатный голос.

В дверь резко постучали. Элси и Сара вздрогнули от неожиданности.

– Горячее питье, – это миссис Холт.

– Входите, – хрипло ответила Элси.

Первым в дверь ворвался пар, напоенный ароматами муската и патоки. Затем появилась миссис Холт с окутанной душистым облачком полной чашкой на подносе. Вокруг рта экономки залегли новые морщины, такие глубокие, что казалось, будто нижняя челюсть прикреплена на шарнирах, как у марионетки. Белки ее глаз, всегда желтоватые, были теперь густо испещрены красными прожилками.

Элси взяла с подноса чашку. Густой сладкий запах дразнил ей ноздри. Желудок молил наполнить его, но Элси не могла заставить себя сделать глоток. Она не хотела принимать ничего из этого дома. Она не хотела впускать его в себя.

– Мисс Сара, я думаю, сейчас вам лучше оставить госпожу одну. Не забудьте, ей необходим покой. Так сказал доктор.

– Но... – начала было Сара.

– Уж простите, мисс, но я буду настаивать. Мистер Ливингстон мне никогда не простит, если приедет и обнаружит, что я не выполняла предписания доктора.

Сара погладила Элси по волосам. Нагнувшись к ее уху, она зашептала:

– Я приду позже. С этого дня нам нужно спать в одной комнате. Оставшись одна, я не чувствую себя в безопасности.

Элси кивнула. Она не стала уточнять, что имела в виду Сара, говоря «оставшись одна». Никто здесь не остается один. Тем более сейчас, тем более в этом доме.

Подметая юбкой пол, Сара вышла из комнаты. Из коридора были слышны ее шаги и скрип половиц – она направилась в библиотеку. Миссис Холт осталась.

Во взгляде экономки Элси заметила суровость, которой не было прежде.

– Желаете что-нибудь еще, мадам?

Это «мадам» прозвучало до того натянуто и неестественно, что Элси ужаснулась.

– О, миссис Холт. Мне так жаль. Я даже представить не могу, каково вам сейчас. Сначала Мейбл, а теперь и Хелен.

– Я любила этих девушек, как родных дочерей. Они никому не делали вреда. А теперь они неживые лежат в холодном чулане, и я буду их хоронить. Их обеих!

Миссис Холт разрыдалась. Элси отвела глаза и молчала, давая ей выплакаться. Ее всхлипывания рвали душу.

– Я была неправа, обвиняя их, – Элси решилась, наконец, заговорить. – Они не травили меня и не убивали корову. Теперь я в этом уверена. Это дело рук кого-то другого, в этом доме что-то нечисто.

Судорога исказила лицо экономки.

– Я управляю хозяйством в этом доме без малого сорок лет. И, пока вы не приехали, у нас не бывало ни привидений, ни смертей.

– Пока не приехал Руперт, – тихонько поправила Элси.

– Они были бы еще живы, если бы не вы. Если бы вы не принялись бегать по дому, все разнохивать и открывать двери, которые должны были оставаться закрытыми.

– Что вы хотите сказать?

– Теперь уже неважно, – миссис Холт отвернулась.

– Двери, которые должны были оставаться закрытыми? Я вас не понимаю. Вы говорите о мансарде?

Грудь пожилой женщины заходила ходуном, раскачивая брошь-камею.

– Я должна была хранить это в тайне. Старый мистер Бейнбридж приказал мне, в первый же день, как я только приехала сюда и приступила к своим обязанностям, держать мансарду запертой и никогда это не обсуждать.

– Но почему?

– Не знаю. Сказал, что туда убраны вещи. Вещи, которые расстраивали его жену. Книги.

– Дневник?

Произнеся это, Элси сразу вспомнила, что было два дневника. Две тетради. Сара не упоминала, удалось ли ей заполучить вторую часть. Возможно, она до сих пор лежит там.

– Может быть. Я не припомню, какие книги там были. Да и ни к чему мне было это помнить, пока не объявились вы.

Элси стиснула пальцы, державшие чашку.

– Что... что произошло с матерью Руперта? Как она умерла?

– Слава богу, я этого не знаю.

– Вы должны были слышать хоть что-то. Какие у нее были симптомы?

– Говорю вам, не знаю! Судя по тому, что я слышала, она, может, и по сей день еще коптит небо.

Элси замерла.

– Вы тогда уже были здесь, – недоверчиво возразила она. – Вы говорили. Рассказывали о времени, когда лишились хозяйки.

Миссис Холт закрыла глаза, борясь, как показалось Элси, с дурными воспоминаниями.

– Нет. Нет, она не умерла тогда. Она была...

– Что?

– Мы лишились миссис Бейнбридж, но не из-за смерти. Дело было в ее рассудке. Она повредилась в уме.

Руки у Элси задрожали. Чашка застучала по блюдцу.

– Вы хотите сказать, что муж отдал ее в приют для умалишенных?

Миссис Холт задумчиво посмотрела на нее.

– Мы никогда не рассказывали об этом мистеру Руперту. Говорили просто, что она умерла – и это было правдой, в каком-то смысле. Та безумная была не миссис Бейнбридж, которую я знала, перестала ей быть. Я видела истерики, мадам. Я видела женщину, которая сошла с

ума на почве чтения романов и от воспаления мозга. Такой вот взгляд, как у вас – я видела его и раньше.

– Но я не сумасшедшая! – На это миссис Холт промолчала. – Вы знаете, что это не так. Вы же присутствовали при этом, миссис Холт. Вы видели компаньонов. Вы знаете, что мы сожгли их дотла, но они появились снова, откуда ни возьмись.

Миссис Холт покачала головой.

– Видимо, потеря ребенка так повлияла на ваш бедный разум... Помогите мне, Господи. Я не слушала бредни последней миссис Бейнбридж и ничем не стану слушать ваши.

Бесцеремонно повернувшись к Элси спиной, она вышла и хлопнула за собой дверь. Элси слышала, как разносится эхо ее шагов – по коридору, а потом вниз, вниз, по спиральной лестнице.

* * *

Потянулась ночь, тяжелая и нескончаемая. Сара лежала рядом с Элси в кровати. По подушке разметались ее мышино-серые волосы. Она мерно дышала во сне, ее грудь под оборками ночной сорочки мерно поднималась и опускалась. И как она может спать?

Одно окно оставили приоткрытым, так что в душную комнату проникал воздух, однако не освежающий, а теплый, пахнущий травами. Где-то вдалеке призывно кричала сова.

В мыслях Элси всю ночь вальсировала, описывая круги, мать Руперта. Она когда-то спала в этом доме, гуляла по парку. Безумная? Или такая же жертва? Элси вспомнила нетвердую надпись в детской и поежилась.

Сара заворочалась в постели. От ее тела простыни сильно нагрелись, но Элси не двигалась. Она лежала с открытыми глазами и ждала. Зная, что оно придет.

Да.

Ш-ш-ш-ш. Так тихо, что можно было принять за пролетевший по комнате легчайший ветерок. Но сегодня не было ни ветерка.

Ш-ш-ш-ш. Больше она ждать не может. Нужно все выяснить. Она должна добыть вторую часть этого жалкого дневника и узнать, что же было известно матери Руперта.

Осторожно, тихонько она выпростала ноги из-под одеяла и коснулась ковра. Кровать скрипнула, но Сара не пошевелилась. Элси сунула руку под подушку за спичками, она держала их там каждую ночь в качестве оберега.

На туалетном столике стояла в подсвечнике потухшая свеча. Элси прихватила ее, проходя мимо. Зажечь свет она решила, уже покинув комнату, чтобы не потревожить спящую Сару и уберечь ее от опасности, навстречу которой шла сама.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш.

Элси заставляла себя переставлять ноги. Она двигалась медленно, вытянув руки перед собой, нащупывая путь. Ожидая в любую секунду тошнотворного прикосновения дерева.

Неожиданно ладонь наткнулась на что-то. Элси чуть не взвизгнула – но это оказалась дверная ручка, всего-навсего дверная ручка. Прислонившись к двери, Элси прислушалась, напрягая все чувства, чтобы определить, откуда донесется шипение, но больше не раздалось ни звука.

Элси крепко ухватилась за ручку, царапнув ее ногтями. Надавила на дверь плечом, налегла всем телом, но сумела приоткрыть лишь маленькую щелочку.

Из-за двери вырвалась волна горячего воздуха, словно там скрывался кухонный очаг. Элси окутали запахи розы и чабреца, они льнули к телу, впитывались в ткань ночной сорочки. *Зажги свечу, зажги свечу.* Ни свет, ни огонь не смогли бы ее защитить, и все же она нуждалась в них, они были нужны ей как воздух.

В дрожащей руке вспыхнула спичка, от нее по коридору разлетелись дрожащие тени. Элси не поднимала глаз, пока не разожгла свечу. От нее потребовалась полная сосредоточенность, чтобы от огонька загорелся фитилек. Наконец у нее получилось. Элси помахала спичкой, чтобы погасить, и бросила ее, еще курящуюся, на пол.

Быстрее, быстрее. Нужно было спешить, но рука Элси отказывалась поднять свечу перед собой, а только сжимала медный подсвечник так, что побелели костяшки. Чуть не плача, она выставила, наконец, руку вперед. И задохнулась от внезапной боли в груди.

Перед ней простирался бордовый коридор, исполосованный тенями. Путь к лестнице был залит лунным светом. Трое компаньонов стояли у нее на пути, их глаза сверкали алчным блеском.

Элси не вскрикнула, не могла закричать. Они же просто-напросто деревянные доски.

Деревянные доски, которые передвигаются сами собой.

Значит, ей нужно двигаться быстрее, только и всего. Она справится, у нее получится. Нужно только решиться – так прыгают, так зажигают спичку. *Раз. Два. Три.*

Ее походка была твердой и ровной, зато сердце несло во весь опор. Каждый раз, когда нога касалась пола, свеча подскакивала в подсвечнике. Свет мигал, но пламя не гасло.

Когда Элси поравнялась с первым компаньоном, с ковра поднялось облако опилок. В неверном свете она различила фигуру женщины. Женщины, у которой не было видно кистей рук.

Элси подняла свечу выше, и у нее спазмом сдавило горло. У женщины оказались длинные спутанные космы, глаза ее неестественно живо блестели. Они показались ей смутно знакомыми. Элси видела эти глаза прежде, более того, хорошо их знала...

Руперт.

Мать Руперта, старшая миссис Бейнбридж. Беспомощная, она молила Элси взглядом невероятно выразительным, поразившим ее до глубины души. Теперь кроме гулких ударов собственного сердца можно было различить тихое подвывание, тоненькое, жалкое. Это была она. Элси слышала плач матери Руперта.

По коже побежали мурашки, Элси вся сжалась, ожидая соприкосновения – но ничего не случилось. Непостижимо, но ее ноги продолжали движение. Она прошла мимо, невредимая, и направилась навстречу следующему компаньону.

Видимо, это была та самая стряпуха, о которой упоминала Сара: в рыхлых руках она сжимала мясницкий нож. Передник был сплошь запятнан кровью, как и колпак на голове. *Красная краска, всего лишь краска.* И все же Элси почувствовала приторный запах реальной крови. Это было отвратительно, невыносимо, особенно в сочетании с ароматами роз и тимьяна.

Элси миновала и эту компаньонку, пережив еще более сильный приступ паники, чем с первой. От ужаса она уже почти ничего не видела вокруг. Едва заметила она и последнюю компаньонку – старуху с младенцем на руках. По памяти она повернула направо после

Фонарной галереи и торопливо двинулась к лестнице, ведущей наверх, к мансарде.

На лестничной площадке никого. Облегченно вздохнув, опьяненная чувством собственной храбрости, Элси рванула наверх, перескакивая через две ступеньки. Вокруг нее жались по углам тени. Она их переиграла. И добудет этот дневник.

Обогнув балясину перил в конце лестничного марша, Элси оказалась на площадке, но звук заставил ее остановиться. Сама того не желая, она посмотрела вниз. Все они были там – каждая из компаньенок, мимо которых она прошла, – столпились, как дети, играющие в «море волнуется». Одна на нижних ступенях, две другие чуть поодаль в коридоре.

Они преследуют ее.

Ш-ш-ш-ш.

Элси подняла глаза. Появились новые компаньоны, они собирались вокруг нее, как мухи слетаются к трупу. Они стерегли выбеленный известью проход, ведущий к мансарде. *Ш-ш-ш-ш.* А сзади – компаньонка на лестнице двигалась, хоть и почти незаметно.

Дюйм за дюймом, ступенька за ступенькой, они шли за ней.

– Господи, помоги, умоляю, спаси меня.

Элси не могла вынести этого зрелища – все истуканы вместе.

С отчаянным воплем она бросилась прочь от перил, по коридору. Свеча погасла, но это не остановило ее, она не могла остановиться и неслась вперед очертя голову. Они не желают подпустить ее к дневнику, и именно по этой причине она просто обязана его прочесть. Она прочтет его, даже если это будет последним, что она сделает в жизни.

Элси протискивалась сквозь строй компаньонов, отталкивая их плечами, опрокидывая, и они скрежетали по изразцовым плиткам. *Почти добралась, почти добралась.* Она споткнулась, устояла и чуть не закричала от радости – ступенька! Первая ступенька перед дверью в мансарду.

Она попыталась достать новую спичку. Коробок упал на пол, но Элси успела выхватить одну палочку и вцепилась в нее мертвой хваткой. Чиркнув о стену, она зажгла свечу.

Дверь мансарды была отворена.

Ш-ш-ш-ш. Элси становилось дурно от этого звука. Но она не могла остановиться – истуканы следовали за ней по пятам. Взлетев по ступенькам, она захлопнула за собой дверь мансарды. И вовремя. Пока дверь закрывалась, она успела рассмотреть сквозь щель зловещую нарисованную улыбку и глядящие на нее хитрые глаза.

От пыли горели легкие, было трудно дышать. В воздухе стоял тяжелый запах сырости, как в склепе. Элси была на грани обморока, а ей предстояла еще долгая обратная дорога в спальню. Если она сможет добраться до спальни. Что, если они преградят ей путь? Или проникнут сюда, несмотря на дверь?

Элси лихорадочно заметалась, ища дневник. Вокруг летала пыль, как перья в курятнике. Когда она немного осела, стали видны два светящихся изумрудных глаза.

– Джаспер!

Никогда в жизни Элси так не радовалась живому существу. Подбежав к столу, на котором лежал кот, она поставила свечу. Пальцы жадно зарылись в пушистый мех. Тепло его кожи, биение пульса у него за ухом – все это казалось ей несказанно приятным и успокаивающим. Хоть кто-то живой рядом – живой по-настоящему. Джаспер ничем не мог ей помочь, но придавал ей сил и храбрости перед предстоящим столкновением с компаньонами.

Мяукнув, Джаспер поднялся и не спеша потянулся, выгнув спину роскошной дугой. Выпустил когти и снова втянул, царапнув поверхность, на которой лежал. Кожа. Вытертая и выцветшая, но ее запах Элси узнала безошибочно. Джаспер грациозно спрыгнул на пол, открыв то, на чем спал. «Дневник Анны Бейнбридж». Схватив тетрадь, еще хранящую тепло, Элси прижала ее к груди.

Ей непременно нужно его прочитать – здесь, сейчас же, пока у нее есть эта возможность. Пальцы перебирали страницы, но она не могла сосредоточиться, не могла читать. Строчки сливались у нее перед глазами.

Внезапно плечо пронзила острая боль, как от укола ножом. С криком Элси обернулась. За миг до того, как погасла свеча, она успела увидеть деревянный рот, оскалившийся в усмешке.

– Нет! Джаспер!

Кот отозвался мяуканьем с другой стороны комнаты. Протопав лапками по полу, он распахнул дверь и бросился наутек. Он видит в

темноте. Значит, нужно просто бежать следом за ним.

Элси устремилась вперед, сжимая в руке дневник, и побежала тем же путем, каким пришла сюда, к двери и лестнице за ней. Или ей только кажется, что это тот же путь? Она не видела ни зги. За дверью, должно быть, столпились компаньоны – она чувствовала их присутствие: давящая даже во мраке сила, злобная, полная ненависти.

Рукой Элси ударилась о стол – на пол полетели бумаги. Она ничего не видела, не могла вздохнуть...

Неожиданно пол покачнулся и ушел у нее из-под ног. Элси взмахнула руками, на губах вскипел крик... Она упала.

Углом переплета дневник больно впился в ребра. Отчаянно ныли и горели ноги, грудь сдавило. Что произошло? Со стоном Элси пошевелилась. Ноги слушались ее. Они были свободны, и все же Элси будто увязла.

Наконец, пришло осознание: снова вскрылись половицы. Она попала в ту же дыру, куда упала Мейбл.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш.

Она в ловушке, загнана в угол. А тем временем компаньоны подвигаются все ближе.

Элси иступленно забилась. Нужно было поскорее выбираться, но одной рукой она прижимала к груди дневник, а другой попусту махала в воздухе, тщетно пытаясь за что-то уцепиться.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш. В темноте она не видела, а только слышала, как они двигаются: медленно, надсадно скребя о пол своими деревянными основаниями. Что-то кольнуло Элси в шею. Потом к ее затылку прижалось что-то твердое.

– Нет, нет, нет!

Заходясь от ужаса она, наконец, освободила ноги.

Раздался протяжный басистый скрип. Элси вдруг полетела куда-то – она падала, падала, пока не ударилась спиной об пол.

Парализованная болью и шоком, она лежала, не шевелясь.

Медленно, с большим трудом она повернула голову и сбоку от себя увидела деревянную лошадку-качалку. Под ней провалился пол. Она оказалась в детской.

Больница св. Иосифа

Из сна ее вырвал резкий свист, пронзительный и гнусавый. Она попробовала встать на ноги. Мир вокруг расплывался в тумане.

Звуки тоже двоились, отдавались эхом: топот сапог по полу, крики. Отчетливо звучал только визгливый свист, пока не распахнулась дверь. В комнату гурьбой ввалились санитары – никто из них не был ей знаком. Различать их было непросто, все с непроницаемыми лицами, омраченными заботой. Своими мускулистыми руками они схватили и заломили ее руки за спину.

– Миссис Бейнбридж, – голос доктора Шеферда. Она с облегчением вздохнула, но доктор неодобрительно покачал соломённой головой. – Ах, миссис Бейнбридж, такого я не ожидал. Что случилось?

А что случилось?

Он показал куда-то влево.

– Что случилось с этим столом?

Извернувшись в руках санитаров, она попыталась посмотреть. Ее письменный стол был разрушен. Ящики разбросаны по полу, некоторые перевернуты вверх дном, у других дно и вовсе выбито. На дереве она увидела какие-то отметины. Следы зубов? Да, это следы зубов. Но чьих?

Подойдя к столу, доктор Шеферд присел рядом с ним на корточки, словно изучая некий научный образец.

– Примечательно. Весьма примечательно. Как это могло получиться?

Хотела бы она знать. Другой пациент проник в палату, пока она спала? Но она бы наверняка услышала! Это мог быть только тот, у кого есть ключ, кто может запирать и отпирать двери, двигаться неслышно, бесшумно, как...

Боже милостивый, нет.

Дерево. Они всегда появляются из дерева.

Вперед выступила высокая сестра с острыми, как бритвы, скулами.

– Вот что она творит, доктор. Ломает все на куски.

– Я не уверен, что это она, – пробормотал доктор Шеферд.

– Что?

По его лицу прошла тень сомнения. Ей хорошо это помнилось: то мгновение, когда и она внезапно стала сомневаться в собственных

чувствах.

– Во-первых, я не верю, что у миссис Бейнбридж хватило бы сил на такие разрушения. А кроме того, взгляните на нее внимательно. Ее сорочка не порвана, а на руках ни заноз, ни крови, – он вынул карандаш и потыкал им в ящик. – Не представляю, как можно устроить нечто подобное, не поранив при этом себя.

– То есть, вы хотите сказать, что стол сам себя разрушил?

– Нет, – Шеферд выпрямил согнутые ноги, прикусил кончик карандаша зубами. – Нет, это, разумеется, невозможно. Но вы же слышали удар? Что это было? Что побудило кого-то вызвать всех нас сюда свистком?

– Свистком воспользовалась я, – сестра вздернула подбородок. – Я услышала отсюда странный шум, а обычно у нее здесь тихо, как в могиле.

– Звуки ударов? Она должна была поднять невероятный шум, чтобы привести стол в такое состояние.

– Нет, не удары. Я слышала это всего несколько минут. Это звучало, как... даже не знаю, как описать... Царапанье или тихий скрежет, как будто у нее был инструмент вроде пилы.

Шеферд посмотрел прямо в глаза Элси.

– Вы могли бы, например, – спросил он, обращаясь по-прежнему к сестре, – предположить, что этот звук напоминал шипение?

У нее задрожали колени.

– Да, точно так, доктор. Нечто вроде скрежещущего шипения.

Господи, что она наделала? Ни в коем случае нельзя было описывать свою историю, даже не пытаться ее вспоминать.

Доктор Шеферд сосредоточенно поджал губы.

– Ничего страшного. Просто пришлите кого-нибудь прибраться здесь. Пока палату будут приводить в порядок, миссис Бейнбридж нужно подобрать другую комнату.

Санитар шумно задышал у нее над ухом, обдав ее запахом эля.

– Нам что, вытащить ее отсюда, доктор?

– Нет, нет, – возразил он. – Оставьте миссис Бейнбридж в покое. Я отведу ее к себе в кабинет.

– В ваш кабинет, – с недоверием повторила сестра.

– Да. И отпустите ее, пожалуйста. Она обопрется на мою руку.

Шеферд подставил ей локоть, белоснежный и незапятнанный. Она ухватилась за него, словно утопающая за соломинку.

Сестра и санитары что-то неодобрительно бубнили, пока доктор выводил ее из палаты.

Давно ей не доводилось ходить, как леди, в сопровождении джентльмена. Но сейчас она не могла оценить это как следует. Ужас сковал все ее существо. Счастье, что доктор Шеферд был молод и силен, так как ему пришлось буквально тащить ее на себе по бесконечным коридорам к переходу, где гуляло глухое эхо, а со стен облупилась краска.

– Вот мы и пришли, – сказал доктор.

В своей истории она описала, как бросила вызов, как сражалась с компаньонами. Сейчас доктору Шеферду пришлось втаскивать ее в дверь и усаживать в кресло, как парализованную. Она уже давно не могла говорить, а теперь почти лишилась способности двигаться. Осталось ли у нее хоть что-нибудь еще, кроме страха?

Кабинет доктора оказался намного теснее, чем ей представлялось. Стены зеленого и белого цвета, точно такие же, как и во всей больнице. Здесь был добротный, прочный письменный стол и медная лампа, но кроме этого, почти никакой обстановки. На стене она заметила колокольчик, какие используют, чтобы вызывать прислугу. Где-то определенно были и часы, она слышала тиканье, размеренное, намного медленнее ее частого, с перебоями, пульса.

– Я искренне сожалею о случившемся, миссис Бейнбридж. Прошу вас, не терзайтесь из-за этого. Теперь, задним числом, я понимаю, что просто обязан был предвидеть нечто подобное, – вздохнув, Шеферд сел по другую сторону стола. Он был заметно бледнее, чем обычно, глаза ввалились. Больница ни для кого не проходит даром. – В вашем деле имелись все указания. Если вы больше не бежите от неприятных воспоминаний, ваше естественное инстинктивное побуждение – бороться с ними. Вполне понятно. Выплеск гнева, если он направлен в верное русло, может принести очищение. – Он забарабанил пальцами по столу. – Но, чтобы наша с вами работа продвигалась более успешно, лучше вам обсуждать со мной свои чувства и побуждения, а не давать им волю. Я обязан включить в отчет свои наблюдения и... ну, скажем так, акты насилия и агрессии не способствуют тому, чтобы представить вас в выгодном свете.

Не веря своим ушам, она покачала головой. Скрежет! Как он объяснит шипение и скрежет? И ведь он же сам говорил, что она должна была бы пораниться о стол. Желая высказать это, она протянула к нему руки – но мел и доска остались в палате.

– Да, – произнес он, заметив это движение, – я полагаю, нам придется отказаться от этого. Судя по тому, что рассказала сестра Дуглас, у вас наметился прогресс и вы уже можете высказаться. Пусть даже это пока нечленораздельные звуки – которые вы сами же и описали в своей собственной истории... Я начинаю думать, что это «шипение» имеет куда более глубокое значение, чем мне казалось сначала. Вы можете воспроизвести его для меня?

Неужели он в самом деле думает, что она попытается это сделать? Да она готова на все, лишь бы никогда больше не слышать – и даже если она оглохнет, этот звук все равно будет подстерегать ее в снах.

– Миссис Бейнбридж?

Чтобы умиротворить и успокоить его, она открыла рот, шумно выдохнула и снова закрыла.

Доктор Шеферд вздохнул.

– Что ж, видно, пока не время, – он открыл ящик стола. От раздавшегося при этом омерзительного деревянного клацанья у нее заныли зубы. – Пока мы здесь, я хочу кое-что вам показать, миссис Бейнбридж. Это одна старая история болезни, на которую я наткнулся, когда искал вашу. В то время я не придавал никакого значения тому обстоятельству, что у нас на излечении находилась еще одна миссис Бейнбридж. Но когда вы в своих записях упомянули матушку Руперта, я посмотрел на это другими глазами.

Вытащив папку, он положил ее на стол. Обложка была сильно обтрепана и покрыта пятнами.

– Это и в самом деле оказалась она. Джулия Бейнбридж.

Что-то словно неслышно взорвалось у нее в груди. Плачущая женщина с глазами Руперта.

Она потянула было к истории болезни дрожащую руку, но доктор Шеферд решительно прикрыл папку ладонью.

– Боюсь, фотографий там нет. В те дни это было редкостью. Но я почитал записи и готов вкратце пересказать вам.

Ему не хотелось, чтобы она заглянула внутрь. Почему?

Доктор Шеферд принялся рассеянно разглаживать края папки.

– Как мне показалось при чтении ваших записей, вы подозреваете, что та, другая миссис Бейнбридж страдала похожим заболеванием. Что она попала в такие же обстоятельства – а это, разумеется, только усилило ваши собственные страхи. Вот я и подумал, что для вас, возможно, будет некоторым облегчением узнать, что у Джулии был совершенно иной случай. Всю жизнь она была больна меланхолией. Болезнь развивалась постепенно, но особенно усиливалась всякий раз после родов.

Эти жалобные звуки, совсем не похожие ни на рыдания Сары, ни на плач миссис Холт. Она прикрыла глаза, пытаясь выбросить их из головы.

– Однажды летом в Бридже случилась трагедия. Дитя Джулии, мальчик лет пяти, попытался перепрыгнуть на пони через живую изгородь. Препятствие оказалось слишком высоким. Животное получило травмы, несовместимые с жизнью, и его немедленно умертвили. Мальчик прожил немного дольше, но получил отек мозга... В конце концов, он скончался.

Лоскутное одеяльце. Должно быть, тот ребенок лежал под ним, а Джулия, истерзанная мукой, сидела рядом.

– Как на грех, всего за три месяца до того Джулия родила дочь. Ее состояние оставалось... нестабильным. После несчастного случая у нее развилась особая мания, связанная с деревянной лошадкой-качалкой. За несколько дней до трагедии, утверждала она, на лошадке появились царапины именно в тех местах, где были травмы у пони.

Все это уже было ужасно, но ее ожидало кое-что. Вот-вот – она знала – это сорвется с языка доктора. Медленно она открыла глаза.

Шеферд просматривал старые записи. Казалось, он полностью поглощен своим занятием, с интересом заглядывает в прошлое несчастной Джулии Бейнбридж.

– Дальше наблюдается расхождение в деталях. Я располагаю официальным отчетом, немного высокопарным письменным свидетельством ее супруга... и записью разговора Эдны Холт с одним из наших психиатров.

Она затаила дыхание.

– Мне было приятно убедиться, что миссис Холт подтвердила многие подробности вашего рассказа. Например, она не присутствовала при смерти детей Бейнбридж, но ухаживала за

Джулией во время ее болезни. Это, возможно, единственное светлое пятно в этой скорбной истории, – доктор Шеферд встретился с ней взглядом. Заколебался, прикусил губу. Наконец, он заговорил: – По официальной версии, имело место удушение. Порой и вправду случается, что младенцы задыхаются во время сна. Но из намеков, сделанных миссис Холт и мистером Бейнбриджем, я заключил, что Джулия утопила свою маленькую дочь в фонтане.

Из легких будто выдавили весь воздух, и я не могла вздохнуть: она тоже об этом догадывалась. *Мама сделала мне больно.*

– Трагично, – повторил Шеферд. – Я полагаю, дело успешно замалчивали – до тех пор, разумеется, пока не родился ваш супруг. А уж тогда и отец, и экономка забеспокоились о благополучии младенца. Джулия повторяла, что должна «защитить» его. А ведь то же самое она говорила и о маленькой Элис. Невозможно винить их за то, что они пошли на крайние меры.

Она вспомнила о своем потерянном ребенке, об оленьем роге, вонзившемся в глазницу Хелен. Не исключено, подумалось ей, что смерть от утопления была более милосердным исходом.

Бросив папку перед собой на стол, доктор Шеферд положил на нее скрещенные руки. Открывать ее, впрочем, не было необходимости, он, кажется, знал ее содержание наизусть.

– Несмотря на все усилия врачей, улучшения не было. Джулия оставалась здесь долгие годы. Она умерла, кажется, как и ваш супруг, в возрасте около сорока лет, от болезни сердца.

Несчастливая женщина. Даже удивительно, что ее сердце еще столько времени билось, а не разорвалось раньше.

Доктор выпрямился. Его мрачность как рукой сняло.

– Как ни странно, миссис Бейнбридж, эту печальную историю я рассказал, чтобы поднять ваш дух. Я воспринял ее как доказательство, что ваши воспоминания отчасти истинны, хотя другая их часть... – он махнул рукой, – мягко говоря, грешит преувеличениями. Однако в целом мы продвигаемся, прогресс налицо.

Она вспомнила о разбитом столе, о шипении. Прямо у нее в палате.

Чей-то прогресс и в самом деле налицо.

Остается только надеяться, что продвигается именно она.

Бридж, 1866

Было больно дышать. Как Элси ни пыталась, ей никак не удавалось принять более удобное положение. При каждом движении ей будто вонзали кинжал между ребрами.

Казалось, что у нее свернут на сторону нос. Один глаз заплыл так, что она видела лишь тонкую полоску света. Сомнений в наличии разума у нее не осталось: она не сумасшедшая. Что-то на нее надвигалось, неотвратно, как прилив, дюйм за дюймом наползающий на берег. Неотвратно, но не быстро. Нет. Им хотелось, чтобы она побегала, им это нравилось.

Элси повернула голову. Подушка, на которой она лежала, сбилась. Она находилась не в детской. Кто-то, видимо, услышал треск и обнаружил ее в западне. Элси не помнила этого. Все спуталось из-за приступов боли.

В коридоре раздались шаги, а чуть позже голос. Мужской голос – она узнала его.

– Джолион! – вместо крика его имя прозвучало стоном, едва слышным. Из последних сил Элси попыталась пошевелиться. С обеих сторон ее подпирали подушки, помогая полусидеть.

Шаги остановились за ее дверью. Элси ждала. Ничего не происходило. Никто не входил в комнату.

Напрягая слух, она услышала, как Джолион разговаривает с Сарой.

– Она до сих пор спит?

– Думаю, да, – у Сары был измученный голос. – Бог свидетель, она получила внушительную дозу лекарств, мистер Ливингстон.

– Это моя вина. Я не должен был заставлять ее возвращаться сюда, одну.

– Вы не должны винить себя.

Джолион что-то сказал, но Элси не разобрала слов. Потом опять заговорила Сара.

– Доктор сказал, что у нее трещины в двух ребрах и сильный вывих левого колена. Просто чудо, что нет переломов. На лице тоже есть повреждения, но неопасные, чисто косметические. Много царапин и кровоподтеков...

– Нет, – перебил Джолион – или это говорил кто-то другой? Уж очень резко прозвучали его слова. – Я говорил не об этом. Вы же не будете утверждать, что такое поведение приемлемо, даже с учетом всего того, что ей пришлось пережить. О чем она только думала, бродя по чердаку среди ночи?

Сара пробормотала что-то невнятное. Очевидно, это были какие-то слова в защиту Элси, потому что Джолион взорвался.

– Вы не должны поощрять ее, мисс Бейнбридж.

Скрипнули дверные петли. Элси закрыла глаза, зная, что не сумеет скрыть боль, которая бушевала у нее в груди.

Шаги, почти неслышные, по ковру.

– Элси? Ты не спишь?

Замычав, она повернула голову в сторону двери, но не стала открывать глаз.

– Миссис Бейнбридж? Тут мистер Ливингстон, пришел вас навестить.

Элси, как слепая, протянула руку. Только когда Джолион взял ее руки в свои, она поняла, что место перчаток заняли бинты.

– Элси. Как ты себя чувствуешь?

Она облизала губы, распухшие и потрескавшиеся.

– Как будто сражалась на ринге с Томом Сэйерсом^[10]. Но мне еще повезло. Ты бы видел, в каком состоянии детская.

Элси пыталась говорить весело, но ее шутка упала на землю, как подстреленная птичка.

– Я видел, – глухо сказал брат. – Ужасный разгром.

Элси осторожно приоткрыла здоровый глаз. В поле зрения заколыхался неясный Джолион. Он поразил ее своим видом. Взлохмаченные волосы свисали над ушами, подбородок зарос щетиной. Под мутными глазами набрякли темные мешки.

– Ох, Джо, – по лицу Элси скатилась слеза. Ей хотелось дотянуться, погладить брата по щеке, но в выражении его лица было еще что-то, помимо озабоченности, что-то слишком болезненное. – Я сожалею, что тебе пришлось, бросив все, нестись сюда и заниматься всем этим. Нас преследуют неудачи со дня смерти Руперта.

– Да уж, трудно не согласиться, – проговорил он сквозь зубы. – Что ты делала в мансарде, Элси?

– Кое-что искала. Это был... – она осеклась, заметив, как за спиной у Джолиона Сара мотает головой и отчаянно машет ей забинтованной рукой.

– Что?

Сара права – она не должна упоминать о дневнике. Джолион заберет его, сказав, что это чтение чересчур ее возбуждает, и она вернется назад, к лавандовой микстуре и холодным сидячим ваннам.

– Один орнамент, – нашлась она. – Хелен увидела его там, и он ей очень понравился. Вот я и подумала, что это было бы данью... что мы могли бы положить его к ней в гроб.

– Вот как, – это прозвучало холодно, равнодушно. – Понятно. А это не могло подождать до утра?

Она лгала брату всю свою жизнь. Почему же сейчас это так трудно? Может, все дело в лекарствах, о которых упоминала Сара? Они словно замораживают ее, замедляют способность думать.

– Я... не могла уснуть.

– Что?

– Мы все не могли спать, – пронзительно выкрикнула Сара. – Можно ли спать спокойно после всего, что произошло в этом доме?

– Нет. Думаю, невозможно.

Джолион выпустил руку Элси и сунул два пальца в жилетный карман. Он смотрел прямо перед собой, но не видел ее. Взгляд его стал туманным, отсутствующим. О чем он задумался, что происходит сейчас в его голове?

Когда-то Элси видела его насквозь. Своего обожаемого малыша. Но он больше не малыш, верно? Он стал молодым мужчиной, на шесть лет старше, чем была она, Элси, когда умерла Ма. И он способен на такие же хитрости, на какие она была способна тогда.

Ей было привычно всю жизнь скрывать что-то от Джолиона. Но что, если теперь *он* что-то скрывает от *нее*?

– Посмотрите на часы – скоро время обеда, – сказала Сара. – Мистер Ливингстон, если желаете, я могу распорядиться, чтобы миссис Холт принесла вам еду сюда?

– Нет, я спущусь и отобедаю с вами. Еще только одно. – Внезапно Джолион поднял взгляд, которым пригвоздил Элси к кровати. На какой-то чудовищный миг он стал до ужаса похожим на Па. – Элси, ты должна сказать мне, что случилось с Хелен.

– Она... я не знаю, что случилось. Я вошла в комнату для карточной игры, а она была там... в таком виде.

– Питерс говорит, ты вела себя странно. Была неестественно возбуждена.

– Разве? Не помню.

– Ты должна была бы это запомнить, – заметил Джолион все еще тем же холодным, мертвым голосом. – Твое поведение произвело на Питерса глубокое впечатление. Он заявил, что берет расчет.

М-да, Питерса никогда нельзя было назвать тупицей. Он был бы последним глупцом, если бы, видя, какая судьба постигала прислугу в Бридже, не покинул вовремя тонущий корабль.

– Что ты говоришь? Мне будет очень жаль лишиться его. Великолепный возница.

Джолион кивнул.

– Да. Мистер Стилфорд и садовники тоже нас покинули. После всех этих смертей их можно понять. С зимы количество прислуги у нас заметно сократилось, и это удручает.

– Мистер Ливингстон, – подойдя к двери, Сара беспокойно наматывала на палец прядь волос. – Я только что слышала, как миссис Холт позвонила в гонг.

– Еще одно слово, и я иду. Элси, в пятницу мы хороним Мейбл и Хелен. Откладывать похороны больше невозможно. Я хочу, чтобы ты осталась здесь, тебе нужен покой.

– Но...

– Никаких *но*. Я не намерен подвергать тебя ненужному риску, – он долго шевелил губами, подыскивая слова, пробуя их на вкус, и, наконец, продолжил: – Ты моя сестра. Я... настаиваю, чтобы ты подчинилась.

Подчинилась. Слово веревочной петлей обвилось вокруг ее шеи.

– А теперь поспи, – он нагнулся, чтобы поцеловать ее в щеку. Губы были холодными и сухими. – Позже миссис Холт принесет тебе чего-нибудь поесть. Вы позволите, мисс Бейнбридж?

Он подошел к двери и предложил Саре руку.

– Да, конечно. Но сначала позвольте мне пожелать миссис Бейнбридж спокойной ночи, – Сара приблизилась и повторила поцелуй Джолиона. Ее дыхание обдало теплом ухо Элси. – Дневник под матрасом. У меня не было возможности его прочитать, я лишь успела

спрятать его от миссис Холт, когда нашла вас. Умоляю, взгляните на него, пока мы обедаем. Узнайте, как нам остановить весь этот кошмар, пока еще не слишком поздно.

Бридж, 1635

Только ближе к пяти часам я поднялась наверх, чтобы лечь. Снег все еще продолжал падать. Когда же, наконец, метель пошла на убыль, все вокруг было покрыто толстым белым покрывалом.

Я до того продрогла, что даже перестала чувствовать холод. Застывшая, что снаружи, что внутри, я карабкалась по ступеням, будто во сне. Мне представилось, что сон продолжается, когда на лестничной площадке я заметила Джосайю – в ночной рубашке и босой, он стоял у окна, глядя на снежную сумятицу. Впрочем, это оказалось явью; его теплое дыхание оставляло туманные облачка на холодном стекле. Он обернулся на звук моих шагов.

– Будь я проклят! Анна, что ты здесь делаешь в такой час?

– Я не могла уснуть, – сказала я. Джосайя быстро переводил взгляд с меня на окно и обратно. С болезненным уколом в сердце я поняла его мысли: глядя на вьюгу, он мучился вопросом, не я ли ее накликала.

– Вас разбудил ветер?

Он не смотрел мне в глаза.

– Нет. Я поднялся не случайно. Через час я уезжаю. Думал отбыть немного позже, но из-за непогоды дорога отнимет больше времени.

– Уезжаете? – после бессонной ночи мне не хватало ясности мысли. В висках стучала кровь от страшной усталости. – И куда же вы направитесь?

– Ты знаешь куда.

Меррипен, вспомнила я. Джосайя собирался смотреть, как этот ребенок дергается в петле, как потом ему вспорют живот и от него повалит пар на морозном воздухе. У меня перед глазами всплыла картина его почерневших, как уголь, внутренностей.

– Джосайя, вы не можете ехать! Разве можно пускаться в путь в такую погоду! Это безумие.

– Я обязан попытаться. Я уже послал своих людей прокопать дорогу до моста. – Тех людей, что сопровождают его в поездках – не домашних слуг, приглашенных вчера на праздник. Это хорошо, так как я была уверена: пошли он нынче Марка с лопатой на улицу, завтра в сугробе нашли бы его замерзший труп. – Я желаю оказаться первым, кто доложит королю о свершившемся правосудии.

Моя рука опустилась на плечо Джосайи за миг до того, как он отпрянул.

– Право же, супруг мой, вам не стоит ради этого рисковать своим здоровьем. Я сомневаюсь, что казнь состоится в такой день, как сегодня.

– И тебя это порадовало бы, верно? – ледяной тон показался мне неизмеримо более холодным, чем стужа за окном. – Довольно, Анна. Я еду, чтобы убедиться, что она состоялась.

Страх сжал мне сердце. Должно случиться что-то ужасное. Я это чувствовала, знала так же точно, как знала, что муж стоит сейчас рядом с мной.

– Джосайя! – я умоляла его. – Не рубите с плеча! Вы можете погибнуть!

Вот тогда-то я и увидела это: жест, виденный мною тысячи раз. Но никогда от него. И в страшном сне мне не могло привидеться, что мой муж станет скрещивать пальцы, пятясь, как от ведьмы.

– Не смей мне угрожать. Вы и так уже достаточно натворили, миледи.

Резко развернувшись, он зашагал к своей опочивальне.

В моей собственной спальне оказалось холодно, как на улице. В камине не было огня, ведь слуги вповалку спали внизу. Даже чернила, которыми я делаю записи в дневнике, замерзли в чернильнице, и я согревала ее в ладонях. Полностью одетая, я улеглась в постель. От холода простыни казались сырыми.

Должно быть, меня сморил сон. Проснулась я от чувства, что падаю куда-то – и меня буквально подбросило на кровати. В окна проникал холодный белый свет – я забыла прикрыть ставни. Уже поднималось солнце, но никто из слуг не принес мне утреннего питья.

Совершенно разбитая, я встала с кровати, зная, что больше не усну. Что-то стряслось. Я это чувствовала, и это беспокоило, как

ссадина. Может, лучше пойти на кухню, решила я. Если где-то в доме и есть огонь, так это там.

Почти на ощупь я стала спускаться по лестнице. Мне повезло. В кухонном очаге плясали рыжие языки пламени, над огнем висел котелок. Джейн уже не валялась на полу, а сидела за столом рядом с одним из людей Джосайи. Оба были бледны, как смерть.

– В чем дело? – спросила я. При звуке моего голоса оба вскочили на ноги. – Ты, – обратилась я к мужчине, – почему ты не в пути с твоим господином?

Он тяжело вздохнул.

– Я был в пути, – начал он. – Но господин отослал меня назад, сюда, с посланием. Есть кое-что... одно дело, не терпящее отлагательства.

Джейн не отрывала глаз от столешницы, изрезанной ножами.

– Что?

– Неприятные обстоятельства. Но не беспокойтесь, госпожа, мы сами обо всем позаботимся...

У меня упало сердце.

– Что такое?

Взгляд, которым они обменялись с Джейн. Нетрудно было догадаться по их нахмуренным лбам: мне не доверяли. Они не знали, насколько мне можно доверять.

– Там что-то у... что-то в реке, – сказал он.

Осознание легло мне на душу свинцовым грузом.

– Нет! – воскликнула я. – Нет, нет!

Я устремилась к двери. Надежды не было, я знала это, и все же я должна была увидеть все собственными глазами.

С трудом приоткрыв дверь, в которую бил ветер со снегом, я стала пробираться по двору. Там никого не было видно. Не было слышно никаких звуков. Над всем простиралось белое заклятие.

Обхватив себя руками, я с трудом, шаг за шагом, продвигалась навстречу безжалостному ветру, по дорожке, где прошли люди Джосайи и их кони – ее уже тоже покрывал свежий снег. В считанные минуты мои башмаки промокли насквозь. Я подобрала юбку намного выше лодыжек, но подол все равно промог и тянул меня вниз.

Я шла, выбивая зубами дробь. На лицо падали снежные хлопья – до того холодные, что жгли кожу, словно огонь. Волосы с завыванием

разметал ветер. Я поняла, что скоро замерзну насмерть.

Наконец, впереди показались каменные львы на мосту. С рычащих пастей свисали сосульки. Охваченная ужасом, я бросилась туда.

Ничего. Один пустой заиндевевший мост, а под ним замерзшая река.

Обессилев окончательно, я привалилась к одному из львов – камень оказался до того холодным, что моя перчатка примерзла к нему.

Я постояла, набираясь сил и решимости для обратной дороги. Было больно дышать. Я так устала, что даже не чувствовала облегчения.

Внезапно краем глаза я заметила что-то необычное и стала всматриваться в реку, стараясь что-нибудь разглядеть под неровным, серебристо-серым льдом.

Из-под затвердевшей воды на меня смотрело лицо.

В небо были обращены два темных глаза. Черные волосы шевелились вокруг плеч, как щупальца. Должно быть, она зацепилась за колючие побеги ежевики, которыми порос берег, и упала в реку: ветви и сейчас были там, они держали ее. Губами и руками она прижималась ко льду, жутковато напоминая любопытного, выглядывающего в окно ребенка. Открытый рот хватал воздух, которого не было. Падая на обмякших ногах на снег, я услышала, как ее рот выговаривает одно слово.

«Пощады».

* * *

Я струсила. Не в силах выносить долее взгляда несчастной цыганской девочки, я уползла обратно, к теплу, жизни, удобству. Я не вмешивалась и не давала никаких указаний по извлечению тела. Оцепенев, молча я позволяла событиям течь мимо. Люди Джосайи сделают все, что следовало.

– Я пойду и лягу, – сказала я Джейн. Спать я не смогла бы – стоило закрыть глаза, как перед глазами всплывало то изможденное лицо. Но в постели я, по крайней мере, могла спрятаться, укрыться за теплыми одеялами и за запертой дверью.

Джейн неловко поднялась на ноги. Я заметила, что она держится за стол.

– Вам угодно, чтобы я раздела вас, госпожа?

– Нет, я сама. Да ты, мне кажется, сегодня вряд ли справишься бы с корсажем, – я коснулась ее трясущейся руки. Она не могла унять эту дрожь. – Ты так сильно замерзла, Джейн?

– Ох, да, госпожа. Ноги совсем заледенели.

Я нахмурилась. Огонь в очаге бушевал. Болезненными толчками тепло проникало мне под кожу.

– Посиди у огня и согрей себе вина с пряностями. Никак нельзя, чтобы ты простудилась.

Она благодарила меня, назвав доброй госпожой. Я рада была бы сказать, что эта доброта исходила от мягкого сердца, но на самом деле милосердной меня сделал страх. Страх, что по моей милости одна девочка уже замерзла до смерти, и второй жертвы на своей совести я не вынесу.

Мои юбки оставили мокрый след на плитках Большого холла, а потом на лестнице. Усталость начинала брать надо мной верх. Трясаясь, как в лихорадке, я шла по опустевшему дому. Никто из слуг не показывался. О вчерашнем пире напоминал лишь хриплый кашель с чердака да время от времени звук рвоты. Джейн поведала, что одного или двух слуг выворачивало наизнанку всю ночь. Я почувствовала запах – острый, кислый. У лестницы на втором этаже валялись брошенные метла и ведро, но я не увидела того, кто их принес.

В другое время я, вероятно, разгневалась бы. В конце концов, Джосайя дал им только один день поспрашивать – но никто не освобождал их от обязанностей следующего дня. Но сейчас – кто я такая, чтобы напоминать им об их обязанностях? Наша семья лежит в руинах, двое цыганских ребятишек мертвы – и все по моей вине. У меня нет права распекать слуг.

Добравшись до своей комнаты, я тут же пожалела о своем сострадании к Джейн: окоченевшими руками было невыносимо трудно управляться с мокрой одеждой. Наконец, высвободившись из платья, я позволила ему упасть на пол и устала на свое тело – кожа, до сих пор влажная, блестела. Чистой рубашкой я насухо вытерла руки, разожгла в камине огонь, после чего улеглась с дневником в кровать. С тех самых пор я нахожусь здесь безвылазно.

Дневник не приносит мне утешения, как бывало прежде. Я думала, что смогу подробно описать, как дюйм за дюймом меня поглощает раскаяние. Объяснить, как щемящие подробности прошедшей ночи кружатся перед глазами, не выходят из головы. *Если бы только я смогла это сделать.* Но, как оказалось, слова недостаточно выразительны, чтобы выразить некоторые чувства. Язык слишком беден. Я ничего не могу поделать, только вспоминать искаженное страданием лицо несчастной. Чтобы передать всю глубину своего преступления, мне нужны не слова, а этот *образ*. Вся моя бездонная, безграничная вина отражается в двух этих остекленевших глазах.

* * *

Должно быть, она споткнулась. Оступилась, зацепившись за ежевику, и рухнула в реку. Закрывая глаза, я вижу ее: она карабкается в глубоком снегу, пытается освободиться от растений, цепляющих ее за щиколотки. А мои бриллианты – унесла ли она их с собой в подводную могилу? Те камни, которые подарил мне Джосайя с надеждой и гордостью? Вполне возможно, что унесла – что ж, и правильно. Мужчина, который покупал эти бриллианты, и женщина, которая их носила, исчезли. Я их больше не знаю.

Дом наполнен тревожной тишиной. Любой звук разносится эхом, и это исполняет его какой-то глубокой значимости. Сосульки растаяли, и по окну стучит капель. Надо мной в мансарде время от времени раздается какое-то постукивание. Внизу что-то упало – видно, Джейн не удержала сковороду в дрожащих пальцах.

Что же делает Гетта в детской, со своими деревянными компаньонами? Понимаю: надо бы дойти до Лиззи и рассказать ей, что случилось с маленькой цыганкой. Она заслуживает того, чтобы услышать об этом от меня. Но, видит Бог, я не вынесу ее уныния.

* * *

Неужели я действительно оставила ее здесь? Усталую, но в безопасности, в моей постели? Где должна была бы остаться и я.

Я отдала бы целое королевство за то, чтобы можно было не оглядываться назад и не вспоминать события последних нескольких часов. Но у меня нет королевства, только бремя, которое я должна сбросить. Правда должна быть рассказана здесь.

Образы крутятся перед глазами, и я никак не могу расставить их по порядку. Где я была? В постели? Да: я спала в постели, потому что усталость от прошедшей ночи и трудного пути в снегу подкосили меня, наконец. Я проснулась от звука плача, тихого и от того еще более рвущего сердце.

Я встала с кровати. Ледяной воздух сразу развеял дремоту. Нащупав на крючке плащ, я набросила его на плечи и открыла дверь. Никого. Всхлипы то делались громче, то стихали, будто прилив и отлив.

С какой-то безысходностью я поняла, что это плачет Гетта. Горюет по Меррипену или, быть может, оплакивает самое себя и собственное одиночество.

С каждым всхлипом, который я слышала, от моего сердца откалывались крохотные кусочки. Но даже несмотря на это, я была слишком эгоистична, мне было страшно. Я не побежала утешать свою дочь – я не могла встретиться с ней, посмотреть ей в глаза. Вернувшись в спальню, я надела дневное платье и спустилась вниз.

Слуг по-прежнему не было видно. Это меня встревожило. Судя по солнцу, было уже далеко за полдень. Никто не принес мне завтрак и не поинтересовался, не нужно ли мне чего. Это так не похоже на наших слуг.

Подходя к кухне, я услышала удар и стук, как будто гремели кастрюлями. Наверное, кухарка, подумала я. В животе урчало – уже много часов у меня во рту не было маковой росинки. Но, открыв дверь и ступив в исходящую от очага теплую волну, я, к своему удивлению, обнаружила, что кухня безлюдна.

Я принялась – потянуло чем-то странным, затхлым.

Было заметно, что на кухне недавно кто-то хозяйничал: колода, на которой рубили травы Гетты, лежала на боку, стебли были изрублены наполовину, нож еще не успел высохнуть, и его позеленевшее лезвие влажно поблескивало. Может быть, кухарка спустилась в погреб?

Войдя через внутреннюю дверку в сырой проход, я словно очутилась в пещере. Взять фонарь я не догадалась и потому почти ничего не видела. Я медленно и неуверенно пробиралась на ощупь, то и дело останавливаясь.

Дверь в холодный погреб была открыта. Изнутри не доносилось никаких звуков. Я постучала. Ничего.

Я сунула голову внутрь. Это была просторная комната с рядом крюков для подвески туш в дальнем конце. Тусклыми, как камни, глазами глядели на меня мертвые звери, а в исходящем от них запахе я почувствовала такой животный ужас, что мои руки покрылись гусиной кожей.

Стряпухи я не увидела.

Я неуверенно шагнула внутрь.

– Здесь есть кто-нибудь?

Большую часть стола занимала полуразрубленная грудинка оленьей туши. Я заметила топорик с прилипшим к лезвию пластом мяса.

Еще шаг. Головой я врезалась в свисавшую с потолка битую курицу. Вздвогнув, я оттолкнула ее, выплюнув перья. Птица была еще мягкая, наполовину голая, как будто кто-то начал ее ощипывать, но бросил дело на половине. Только теперь я задумалась о том, что вокруг вот так же много начатых и не законченных дел: брошенное ведро, не до конца порезанные травы.

Туша на крюке, скрипнув, покачнулась.

– Кто здесь? Кухарка?

Ответа не было. Начиная тревожиться, я прошла дальше, к крючьям. Не знаю, чего я ждала – возможно, что из-за туши на меня кто-то выпрыгнет или одно из животных вдруг окажется живым. Поглощенная своими страхами, я не смотрела под ноги. Нога вдруг поехала, встав на что-то мягкое, и через мгновение я с силой приложилась о каменный пол.

От удара у меня из легких вышибло воздух. С минуту я лежала, приходя в себя.

Сбоку от меня вытянулось что-то продолговатое, грузное. Уверенная, что это оборвавшаяся с крюка коровья туша, я занесла ногу, чтобы отпихнуть ее от себя. Но когда черная масса перекатилась, из-под нее выпросталась рука.

Это был человек.

Эхо еще долго разносило мой вопль. Кое-как я сумела сесть, потирая спину. Теперь я разглядела лицо: это была кухарка.

Преодолевая страх и отвращение, я протянула дрожащую руку и постучала пальцами по ее щеке. Кожа была холодной, как мрамор. Поздно, ее уже нельзя было спасти.

Нужно было выбираться из погреба. Хватаясь за окровавленный стол, я с трудом заставила себя подняться. Ноги дрожали, но хотя бы не подгибались. *Нужно звать на помощь*, билась мысль. *Джейн, Марка, кого угодно*.

Неверными шагами я вернулась по каменному проходу назад, в тепло кухни.

В воздухе висел все тот же затхлый запах.

– На помощь! – закричала я. – Кто-нибудь, помогите! Я здесь, на кухне.

Кругом стояла мертвая тишина.

Тогда ли жуткая, чудовищная мысль закралась мне в голову? Нет, в глубине души я уже все понимала, пока ковыляла по коридору для слуг в посудомойню.

На пороге меня ошеломил запах – запах рвоты, смешанный с мерзким кислым духом помойной кучи. В луже отвратительной жидкости валялись осколки глиняной посуды, грязные ножи, а чуть в стороне лежали две мои молоденькие посудомойки.

Их налитые кровью глаза глядели в потолок. Губы почернели, а на коже выступили желтые и красные пятна.

– Нет, – выдохнула я, – нет.

Не понимая, что делаю, я бросилась назад, в кухню. Но остановилась. Все вокруг меня заколыхалось, как вода. Когда сознание немного прояснилось, в глаза мне бросилась колода для рубки зелени. Страшная догадка поразила меня. В не до конца изрубленном пучке я увидела то, чего не замечала прежде.

– Нет, – я осторожно коснулась пальцем мокрых стеблей. Они были усеяны фиолетовыми пятнышками.

Схватив нож, я устремилась к двери. Это не могло быть правдой. Я готова была пробежать десять миль по снегу, чтобы ветер рвал на мне платье, лишь бы доказать, что это неправда.

Огород Гетты был припорошен снегом и инеем. Голыми руками я стала ощупывать травы. Все заполонил чертополох. Из глубин памяти всплыли слова Гарриса: *он расползается*. Я выхватила нож и стала прореживать сорняк.

Вся изрезавшись, в крови, я скребла снег ногтями, пока не раскидала его весь. И там, скрытые под голубовато-серым пологом чертополоха, таились растения, которые я не примечала раньше – я, так гордившаяся своей проницательностью. Ядовитые белена, аконит и щитолистник. Вербена для колдовства. Последними, в конце грядки, показались темные ягоды белладонны.

У меня разжались пальцы, нож выпал и беззвучно утонул в снегу.

Так это *правда*. И все было даже хуже, чем я себе представляла.

Нахлынули воспоминания, настолько ясные, что отрицать очевидное было невозможно. Перед глазами замелькали картины: зелье, ржавые ножницы, холодные, бесстрастное лицо Гетты, комическая интерлюдия с дымом и красными огнями – и надо всем этим мерзкий демон в маске, карлик с ребенка ростом.

– Господи, помилуй, – прошептала я. – Господи, помилуй.

* * *

Не знаю, долго ли я простояла на коленях среди горьких трав, посеянных моей дочерью. Я не замечала ни щиплющего лицо мороза, ни того, что под юбкой натекла лужа из растаявшего льда.

Джосайя был прав с самого начала. Своими снадобьями и заговорами я вызвала к жизни злое и испорченное существо. Я *создала* ее. Я хуже, чем просто ведьма.

Моя девочка. Порочная до мозга костей. Все воспоминания о ее детстве теперь предстали в другом свете, казались постыдными, подлыми, грязными. Была ли она демоном с самого начала, с материнской утробы? Ну конечно же, была. Кем еще она могла быть, противоестественно появившаяся и не имеющая будущего?

Сейчас ей девять, и она в полной силе. Девятый час, время, когда умер Христос. Но она строила козни и раньше. То, что я ошибочно принимала за дружбу с тем цыганенком, было коварной западней. Она

подстроила все так, чтобы подозрение за убийство лошади пало на мальчишку. И вот теперь она сгубила всех моих слуг.

Не знаю, наделено ли душой дитя, сотворенное руками человека. Но одно я знаю точно – в Судный день с *меня* спросят за злодеяния Гетты. *Я* убила слуг, готовя свои снадобья – разве что сочетание трав было другим.

Должно быть, я допустила какую-то ошибку. Нарушила пропорции в смеси или перепутала слово заклинания. Я сотворила не ребенка. Вместо этого получилось чудовище.

Как хотела бы я сейчас написать, что мне хватило мужества войти в дом и встретиться с Геттой лицом к лицу. Но нет, под крышу меня в конце концов загнал мороз. Солнце закатилось рано, окрасив перед этим облака розовым и серым перламутровым светом. Трясущимися пальцами я прижимала к боку нож.

Юбки мои были жесткими и тяжелыми от льда. Спотыкаясь, я брела к дому и будто тащила на поясе кандалы. Мои мысли тоже спотыкались и брели вразброд, я не могла решить, что должна сделать. И что я должна сказать своей семье? Лиззи сдувает пылинки со своей обожаемой девочки, она никогда мне не поверит.

Тут меня обожгла новая мысль.

Лиззи.

Я побежала. Оступаясь, скользя, с трудом переступая непослушными ногами, я оказалась у калитки во двор. Дом встретил меня смертельным смрадом. Надсадно кашляя и прикрывая лицо рукавом, я дотащилась до Большого холла.

Роняя куски льда с юбок, стала подниматься по лестнице. В сердце острыми когтями вцепился страх, когда я подходила к детской.

У двери я помедлила. В комнате чирикал воробей Гетты. Раньше мне нравилось слушать птичий щебет, но сегодня он звучал, как зов. Зов к мертвым, к их душам, который мог унести их отсюда.

Я колебалась. Потом, набравшись решимости, толкнула дверь.

Мои глаза отказывались понимать значение открывшегося им зрелища. Взгляд выхватывал то листья на полу, то бессловесных компаньонов, расставленных по всей комнате, будто они были участниками игры, то Лиззи, лежащую на полу. *Спит*, говорили мои глаза, *она спит*. Вот только вокруг ее шеи что-то обвивалось. Побег растений. Веревка, свитая из побегов и вьюнков.

Я вспомнила странные звуки, которое приняла за плач. Это плакала не Гетта, задыхаясь от рыданий – то была Лиззи.

Гетта обернулась ко мне. Стоило нашим взглядам встретиться, как картина обрела ясность. Я увидела свою старую, любимую подругу, женщину, которая была мне как мать. Жизнь покинула ее тело, а над ней стояло чудище, которое я некогда звала *дочерью*.

На ее лице не было сожаления, вины – лишь всепоглощающее, тошнотворное торжество.

В руке я все еще сжимала нож.

Бог меня простит.

Теперь все тихо. Воробей неподвижно сидит в своей клетке. По всему дому лежат мертвые тела, а кровь Гетты ползет по половицам к ногам компаньонов, единственных ее настоящих друзей. Я наблюдаю, как красная лужица, соприкоснувшись с лианами, становится ржаво-бурой – того же цвета, что варево, которое я пила тогда, много лет назад.

Я знаю, что со мной будет: вернувшись, Джосайя и его люди обнаружат меня одну в мертвом доме. Меня отправят к следователю по делам ведьм. У меня за спиной и так уже слишком давно перешептывались. Я буду сожжена.

Такая смерть – самая страшная из всех возможных. Я могла бы ее избежать – нож не затупился. Я могла бы вскрыть себе вены и спасти себя от мук. Но этот исход для меня незаслуженно легок.

Я вызвала к жизни демона. Я нуждаюсь в очистительном огне гнева Господня.

Я должна почувствовать на себе языки пламени.

Бридж, 1866

Наступило утро, часы в Большом холле пробили десять, и только тогда вернулась Сара. Шторы были отдернуты, и в окна светило солнце, отбрасывая на стену ее длинную тень. В сиреневом платье она казалась исхудавшей. С серьезным, без улыбки, лицом она вошла в комнату с тазиком воды. За ней тянулись бинты, будто за восставшей из гробницы мумией.

– Сара, слава богу. Я уж думала, что больше вас не увижу.

– Я пришла перевязать вас, – громогласно возгласила Сара. – Нужно освежить бинты, чтобы избежать инфекции, – хлопнув дверью ногой, она мгновенно перешла на шепот: – Ну вот, это позволит нам выиграть немного времени.

Элси наблюдала, как она выкладывает бинты на туалетный столик и ставит туда же тазик.

– Что все это значит, Сара?

Сара опасливо оглянулась на дверь.

– Не сейчас. Ну-ка, дайте мне вашу руку.

Сев рядом с кроватью Элси, она положила ее руку себе на колени.

Когда Сара оторвала от ее ладони высохший окровавленный бинт, Элси поморщилась.

– Я прочла дневник, – шепнула она.

– И что же? Не томите!

Элси помолчала, осознав, сколь непосильна ее задача – как передать отчаяние, безысходность и леденящее чувство вины последних страниц дневника. Голос, которой для этого был нужен, принадлежал Анне, он принадлежал другой эпохе.

– Вы были правы. Касательно Анны. У нее никогда и в мыслях не было причинять вред. Все это – чудовищное стечение обстоятельств, череда событий, помешать которым она была не в силах.

У Элси перехватило дыхание, и ей не пришлось это скрывать – как раз в это мгновение ее повязка спала, открыв ссадины и порезы. Почти все они уже покрылись корочками, только один или два еще кровоточили.

Странно, подумала Элси, что ее руки заживают быстрее, чем единственный порез у Сары. За это время даже сильное воспаление уже могло пройти.

– Но что случилось с бедняжкой Геттой?

– Анна... Гетту убила Анна.

– Она убила собственное дитя?!

– Ей пришлось сделать это! – этот взрыв эмоций не имел никакого отношения к Анне. – Зло, о котором вы говорили. Что-то насчет зелья и заклинаний или заговоров? Это зло было в Гетте. Поглотило ее. Анне пришлось ее убить, чтобы спасти то, что осталось от ее семьи. Она должна была спасти своих мальчиков.

Сара хмурилась, размышляла. Рассеянно она смачивала в тазике тряпицу и промывала Элси ладонь. Элси чуть не застонала от облегчения.

– Значит, нас преследует не призрак Гетты?

– Не совсем так. Все сложнее и глубже. Я полагаю... Когда Гетта умирала, рядом находились компаньоны. Анна писала, что кровь дочери текла к их ногам. Дерево впитало кровь, понимаешь? Зло вселилось в них.

– Но чего оно хочет?

– Понятия не имею.

Могут ли быть желания и потребности у зла? Конечно же, нет, это бы чрезмерно его очеловечило. Не безликая сила из глубин бездны, а нечто осмысленное, способное вселиться в любого. В нее.

– Может быть, зло чего-то ищет, – Сара обдала ее горячим дыханием. – Ищет... другого, постоянного хозяина.

В комнате воцарилась тревожная тишина – обе женщины оценивали смысл сказанного. Занозы. На Руперте, на младенце. Нечто, пытающееся проникнуть внутрь, войти.

Сара прижала к ладони Элси свежий бинт.

– Пока оно остается в компаньонах, оно заперто здесь, в доме.

– Следовательно, мы должны с ним покончить раньше, чем ему удастся выбраться.

Закончив перевязку, Сара завязала на бинте узелок. После этого она, наконец, выдохнула.

– Мы не можем его остановить. У нас нет времени. Нам нужно бежать отсюда.

– Бежать? – Элси сорвалась на крик. – Мы не можем просто ретироваться! Что, если оно поразит других людей?

– Оно *наверное* поразит других людей, Элси! Но сейчас меня не заботят другие люди. Я беспокоюсь только о вас. – Элси захотелось отдернуть руку. В глазах Сары была какая-то непомерная, отчаянная требовательность. – Послушайте меня, умоляю. Всю свою жизнь я была одинока. Миссис Крэббли не назовешь семьей, с ее-то вечной воркотней и ужасной сварливостью. Что до Руперта... Что ж, было время, когда я думала, что Руперт может на мне жениться. Я представляла, как он появляется и избавляет меня от судьбы компаньонки. Но вы и сами знаете, как все случилось на самом деле.

Элси не знала, что сказать.

– Потом я познакомилась с вами. И вы были добры ко мне. Я начала думать, что, возможно... возможно, рано или поздно вы позволите мне быть вашим другом. Что я могу стать вам полезной.

– Так и случилось, Сара. Вы – единственный человек в мире, кто мне верит, кто понимает меня. Вы – мой лучший друг.

– Никогда прежде у меня не было друга, – Сара так сдавила ей раненую руку, что Элси поморщилась от боли. – И будь я проклята, если позволю им отобрать вас у меня!

– Компаньонам?

– Да не компаньонам! Докторам!

Элси так и замерла под простыней.

– С чего бы... зачем докторам меня отбирать?

– Мне жаль, Элси. Я не хотела вам говорить, но мистер Ливингстон принял решение. Он сам об этом сказал, вчера вечером за ужином. Он написал в приют для душевнобольных.

Паника ледяными пальцами глубоко сдавила ей грудь. Это какая-то ошибка. Ну конечно, ошибка – Джолион никогда бы на это не пошел! Но бездонные карие глаза Сары говорили совсем о другом.

– Что именно он вам сказал?

– Что вы очень больны, – Сара бережно уложила руку Элси на кровать. – Он сказал, что заподозрил это уже некоторое время назад. А потом попросил меня уложить все ваши вещи, потому что сюда едет кто-то, какие-то медики, чтобы вас обследовать. Что они увезут вас с собой, и что вы, скорее всего, больше не вернетесь.

Падение с высоты – вот на что это было похоже. Будто сорвалась с утеса, и внизу нет ничего, кроме камней. *Джолион* ее предал? Мальчуган, ради спасения которого она истекала кровью, пожертвовав собственной юностью? Нет, он бы никогда... Разве только... Разве только тогда он все же не спал.

– Вы уверены во всем этом, Сара? *Абсолютно* уверены?

Сара кивнула. Пряди ее волос выбились из-под шпилек и вяло свисали по бокам от лица.

– Я ходила в библиотеку. И видела письма, которые он писал.

– Но вы-то знаете, что я не сумасшедшая!

– Конечно, знаю. И именно поэтому я приняла решение, – она упрямо вздернула подбородок. – Я намерена вызволить вас отсюда.

Сегодня вечером.

Элси непреодолимо захотелось расхохотаться. С огромным трудом она подавила этот истерический смех, который накатывает только в тех случаях, когда уходит последняя надежда.

– Как вы собираетесь это сделать? Подумайте о моей ноге.

– Я нашла палку. Вы сможете на нее опираться.

– Палка будет стучать. На лестнице ее услышат.

На щеках у Сары будто расцвели розы.

– Кое-что... я что-нибудь смогу предпринять позже вечером, во время ужина. Я проделывала такое с миссис Крэббл, когда она становилась невыносимой, – Сара посмотрела на Элси в упор. – Маленькая капелька в питье, чтобы помочь крепче уснуть.

У Элси возникло чувство, что все это время она недооценивала Сару.

– Вы серьезно? Вы действительно усыпляли миссис Крэббл просто чтобы от нее отдохнуть?

Сара расплылась в плутоватой улыбке.

– Всем приходилось совершать поступки, за которые потом бывает немного совестно, миссис Бейнбридж.

* * *

Стремительно наступила ночь. Весь день по стеклам барабанил дождь. Всякий раз, пробуждаясь от дремоты, Элси отмечала, что тучи стали еще немного темнее. Она закрыла глаза, когда небо было грифельно-серым, и, вновь открыв их, обнаружила, что оно стало черным, как смола. Время настало.

Не дожидаясь, пока ее снова начнет клонить в сон, Элси выбралась из постели. С огромным трудом она натянула плащ, оставленный ей Сарой, и положила в карман непочатый коробок спичек. От настойки лауданума все расплывалось в глазах. Каждая мышца, каждая клеточка ее тела бурно протестовала против этого безумия. Как она намеревается спуститься по лестнице вниз?

Опираясь на клюку (которая оказалась слишком хрупкой и прогибалась под ее весом), Элси захромала к двери.

А что еще ей оставалось делать?

В дверь два раза тихо постучали. Элси вскинула голову.

– Входите, – шепнула она.

Дверь беззвучно отворилась. В комнату скользнула Сара, окутанная ореолом золотистого света. В каждой руке она несла по масляному фонарю.

– Вот, – тени заскользили по ее лицу, когда она протянула один из фонарей Элси. В ее зрачках отражались огоньки.

– Они уснули?

– Возникла небольшая проблема, – сказала Сара. – Мистер Ливингстон пошел в библиотеку. Боюсь, он задремал прямо там. К тому времени, как он проснется, у него затечет шея.

У Элси в груди шевельнулось сомнение. Когда дошло до дела, она была готова дать слабину. Она не хотела бросать брата.

– Сара... Может быть, нам следует подождать. Нам необходимо все спланировать, как следует продумать. Куда мы пойдем, что будем делать?

Сара посмотрела на нее.

– Времени нет. У нас хватит денег на поезд.

– Но... я не могу вот так оставить Джолиона. Что, если на него нападут компаньоны? Что, если зло вселится в него?

– Сможете вы их остановить, если останетесь?

– Нет... Но...

– Сможете вы помогать ему из палаты сумасшедшего дома?

Элси прикрыла веки. Выбора нет. Какое решение ни принимай, она в любом случае лишится Джолиона. А во что в таком случае превратится ее жизнь?

– Не могу...

– Вы не предаете его, Элси. Это *он* поставил *на вас* крест.

Элси кивнула нерешительно. Лучше уж рискнуть бежать с Сарой, чем провести остаток жизни за решеткой. Она больше не допустит, чтобы ей помыкали, довольно.

Сара шла впереди, указывая дорогу. Элси хромала следом. Кругом было темно. Не горели даже газовые фонари.

Она слышала только шаги Сары да звонкое постукивание собственной клюки. Лампа подпрыгивала у нее в руке в такт неровной походке, отбрасывая пятна света на темно-красный ковер.

Внезапно Сара будто окаменела. Элси не успела остановиться вовремя. Раздался удар, звук разбитого стекла, плеск разливающегося масла. Тьма в коридоре сгустилась сильнее. Сара выронила свой фонарь.

– Скорее, – обернувшись, она выхватила у Элси оставшийся светильник. Потом подняла его в руке – и они ахнули в один голос.

Рядом с лестницей сбились в кучку семь компаньонов.

Было слишком темно, чтобы разглядеть лица. В трепещущем свете фонаря в руке у Сары только маячили силуэты на фоне стены, показавшиеся им гигантскими. Элси покосилась через плечо, она помнила, что в прошлый раз они нападали со всех сторон, точно стая волков. Сейчас сзади не было ничего определенного, только какая-то желтая струйка в конце коридора стекала с потолка.

– Сара, что... – не успев договорить, она услышала храп Джолиона. Беспорядочные образы тут же сложились в четкую картину, и Элси поняла: странная желтая полоса – это лампа, горящая в библиотеке. Дверь в библиотеку была открыта. Элси схватила Сару за платье.

– Он там совсем один. Я не могу его бросить, когда они подстерегают здесь.

Сара смотрела на компаньонов.

– Кого вы имеете в виду?

– Джолиона!

– Но вам их не остановить, даже если останетесь!

Раненая нога принялась дрожать.

– Он даже не закрыл дверь.

– Какая разница?

Сара была права. Она рассуждала логически, но кроме логики были еще доводы сердца: сердца женщины, растившей мальчика в одиночку с тех пор, как ему минуло пять лет. Элси не могла его покинуть. По крайней мере, она должна была хотя бы закрыть дверь.

– Не спускайте с них глаз, – крикнула Элси, опершись на палку, и, думая только о Джолионе, двинулась по коридору.

Клюка стучала об пол в такт ее бешеному частому пульсу. Она слышала предостерегающие крики Сары, но ей уже казалось, будто они остались далеко позади. С каждым шагом она погружалась во мрак. Взгляд ее заметался, пытаясь зацепиться хоть за что-то в

крошечной тьме. *Джолион. Сосредоточиться на Джолионе.* Не обращая внимания на боль, пронзившую грудную клетку, на онемение и слабость левой ноги, Элси упорно двигалась по направлению к желтому свету.

Она не понимала, как еще держится и не падает. Ею владели боль, страх и лауданум. Навстречу ей из библиотеки полз только неестественный ледящий холод и затхлый, плесневелый запах. Задыхаясь, она переступила порог. У стола в нише сидел обмякший Джолион, уронив голову на полированную столешницу.

Подойдя ближе, Элси уловила движение глазных яблок под веками и увидела, как на шее бьется жилка. Жив. Он просто спал. От его дыхания на столе ритмично приподнимался листок бумаги, прижатый щекой.

По чистой случайности Элси бросила взгляд на заголовок письма. Она уже поворачивалась, чтобы уйти, как вдруг в глаза бросились буквы бланка, напечатанные четко и ярко, как вскрик.

Психиатрическая лечебница Святого Иосифа.

На миг все остановилось, замерло. Потом ее сердце снова забилося, болезненными ударами вколачивая кровь ей в голову. Элси не помнила, как выбралась из комнаты.

Одно слово билось в голове, ударяясь рикошетом о стенки черепа: *психиатрическая.*

Больше она не сомневалась в словах Сары. Джолион в самом деле считает ее умалишенной. Он поставил на ней крест. Боль от осознания этого была сильнее и острее, чем от трещин в ребрах. Захлопнув за собой дверь, Элси побрела в обратный путь по коридору, через темноту.

– Пожалуйста, Элси! – раздавался впереди сдавленный голос Сары. – Где вы? Я больше не могу смотреть на эти порождения ада.

– Они двигались?

– Только шевелили глазами. Они следили за вами.

Элси передернуло.

Если бы только она могла сейчас ясно видеть. Но разбитый фонарь нельзя было зажигать: масло из него капало на ковер. Может, осмелиться и зажечь настенную лампу? Ведь свет одной лампы не разбудит Джолиона?

Свободной рукой Элси потянула за рычажок.

– Сара, возьмите-ка у меня спички. Я подержу лампу, а вы подожгите газ.

Сара повиновалась, вспыхнул свет. Он осветил красные стены, мраморные бюсты.

– Господи. Они переместились ближе к нам.

– Нам нельзя от них отворачиваться, – сказала ей Элси. – Я первой спущусь с фонарем, чтобы проверить, нет ли их и в Большом холле. Вы ступайте следом и не спускайте глаз с этих.

Пальцы Сары сжали коробок.

– Следом? Но почему я?

Элси нетерпеливо стукнула по полу клюкой.

– Мне тоже непросто будет идти туда первой.

Они встали спина к спине. Хорошо еще, что на них простая одежда, без пышных кринолинов. Элси ощущала плечи Сары, прижатые к ее собственным, сквозь ткань платья просачивался ее пот.

– Готовы?

Вздых Сары.

– Готова.

Прихватив юбки той же рукой, в которой держала клюку, Элси ощутила, как мнется материя под влажной ладонью.

– Ну, тогда идем.

Теперь у нее дрожали обе ноги, а не только больная. Шаг. Другой. Медленно, медленно. Сара наступала ей на пятки. Круг света от фонаря заплясал по лестничному пролету, выхватывая куски ковра и обоев. Компаньонов там не было.

– Еще немного, – прошептала Элси, и они оказались на тесной лестничной площадке. Еще пролет, за ним другой.

Ш-ш-ш-ш.

Плечи Сары напряглись.

– Я их больше не вижу. Газовый фонарь... теперь он слишком далеко.

– Зажгите спичку. Осталось совсем чуть-чуть.

Над ними раздавались шорохи и скребущие звуки. Элси представила, как истуканы неловко тащат по половицам свои громоздкие подставки.

Она как могла боролась с усталостью, но силы были на исходе. *Бум, бум*, застучала по ступеням ее палка, а нога уже почти не держала.

На каждом шагу Сара натыкалась на нее, и от этих ударов по ребрам Элси разрядом электричества пробегала острая боль. И все это время за ними вились тени.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш.

Наконец, под светом фонаря блеснул металл – синие с золотом доспехи Бейнбриджей. Показался Большой холл. Они почти добрались.

– Элси! Элси! Я что-то *чувствую!*

Они были на последней ступеньке. Элси поторопилась, чтобы скорее коснуться прочного пола, но оступилась.

О нет, только не это. Ее палка заскользила в сторону, фонарь закачался. Раненую ногу прожгла острая боль. Сара закричала. Вот же он, пол, ровный и безопасный. Элси зашаталась, но каким-то образом сумела устоять.

Они добрались до Большого холла.

– Господи помилуй! Мисс Сара!

Слабый свет в дальнем конце Большого холла. Сердце Элси готово было выскочить из груди.

– Как же вы могли?

Хватая воздух ртом, подслеповато щурясь, Элси обернулась навстречу голосу. Обитая зеленым дверь на половину слуг была распахнута. На пороге вырисовывался силуэт миссис Холт на фоне освещенной комнаты. Она повозилась, раздался хлопок, и на стене зажглась лампа.

– Ну как же это, – по каменному полу зацокали шаги миссис Холт, торопливые, осуждающие. – Кто бы мог подумать? Я еще могла бы ожидать такого от *вас*, – она резко взмахнула головой в сторону Элси. – Но чтобы мисс Сара! Вам-то следовало быть благоразумнее.

Сбитая с толку, обессиленная, Элси выпустила фонарь, и он покатился по полу. Миссис Холт зажгла еще одну лампу.

– Вы! – взвизгнула Сара у Элси за спиной. – Вы должны были... Почему вы не спите?

– Бог вам судья, барышня, неужто вы думаете, что я не распознаю по запаху маковый отвар в чае? Я сразу догадалась, что вы что-то замыслили, но и представить не могла, что вы попытаетесь увести *ее!* Что за блажь вам вселилась в голову?

Где компаньоны? Вокруг Элси постепенно проявлялись очертания Большого холла. Доспехи, мечи, восточный ковер. Компаньонов не было. Только миссис Холт и мигание газовых ламп.

– Вы пытаетесь разлучить меня с ней! – пронзительно выкрикнула Сара, вцепившись в руку Элси. – Но я вам не позволю. Элси не умалишенная! Они только что были здесь, неужели вы не видели? Неужели вы не *слышали* их, старая вы дура?

Сара еще рвалась в бой. Но не Элси. Опустошенная, она не чувствовала ничего, словно от нее осталась лишь пустая оболочка. Ушло разочарование. Тенью растекся у ее ног страх. Если она что-то еще и чувствовала, так это нечто вроде облегчения. По крайней мере, теперь ей не придется расставаться с Джолионом.

– Ничего я не слышала. Ничего и *не было*. – Черты миссис Холт исказила неприязнь. – Царь небесный! Да вы такая же безумная, как она!

У Сары распахнулся рот. На какое-то мгновение Элси показалось даже, что она готова ударить экономку, но тут наверху раздался шум, будто что-то уронили, зазвучали неуверенные шаги, и наконец в галерее показался Джолион. Он казался пьяным: лицо покраснелось, волосы торчали во все стороны.

– В чем дело? – он таращился на них, одурманенный, с трудом выговаривая слова. – Я услышал крик, и... Элси? Это ты?

– Здесь обе леди, мистер Ливингстон, – отозвалась миссис Холт. – Я их поймала при попытке бегства.

– Бегства!

– Боюсь, они вас опоили, мистер Ливингстон. Какое коварство. Они оказались куда опаснее, чем мы думали.

Элси навсегда врезалось в память выражение его лица: смесь ужаса и ненависти. Потому что вовсе не Джо глядел сейчас на нее этими покрасневшими, ввалившимися глазами. На словах миссис Холт ее любимый мальчуган исчез, словно его и не было. На его месте стоял другой – тот, кого она желала бы не видеть больше никогда, никогда в жизни.

Это был Па.

* * *

– Выпусти меня! – Раз за разом Элси била ладонью по дереву, так что дверные петли скрежетали. Каждый удар ослепительно-обжигающей болью отдавал в ребра, но это ее не останавливало. Она *не могла* остановиться. – Джолион, открой дверь сию же минуту!

– Я не могу этого сделать.

– Пожалуйста! Выпусти меня! Я провела здесь всю ночь! – голос срывался на крик. Истеричный, обезумевший. Даже ей самой было понятно, что это может служить подтверждением диагноза. – Джолион!

– Ты нездорова. Мне следовало понять это раньше. – Элси слышала, как он задел плечом дверь. – Я уже давно должен был заметить.

Рука Элси замерла в дюйме от двери. Дым заполнил все ее существо – он был за глазами, в животе, под языком. Горький, удушливый дым, который был ее прошлым и настоящим, окутывал ее едкими испарениями.

– О чем ты говоришь? – как фальшиво прозвучали ее слова. Словно реплика у актрисы в скверной пьесе.

– После Ма...

– Нет!

– Я видел тебя, Элси. Я видел, как ты положила подушку ей на лицо...

– Все было не так! – закричала она, снова хватаясь за ручку. – Послушай меня, я могу объяснить...

– Я не верю ни единому твоему слову!

– Она слишком страдала от боли. Она уже была при смерти, это не было грехом.

– Не грех! – взорвался он. – Боже праведный. Может, бедная Ма была права с самого начала. Может, она совсем не была сумасшедшей. То, в чем она тебя обвиняла...

– Все, что я когда-либо делала, я делала только для тебя.

Она слышала за дверью сдавленный всхлип.

– Ты сделала это не ради меня. Не говори, что ты убила нашу мать ради меня.

– Джолион, послушай. Было такое, о чем я никогда тебе не рассказывала, такое...

– Прекрати! – он ударил в дверь кулаком. – Прошу, не заставляй меня выслушивать все это. Иначе я и сам сойду с ума. Скоро придет помощь. Мне нужно только следить, чтобы ты была в безопасности, пока за тобой не приедут.

– Из больницы Святого Иосифа?

– Миссис Холт отправилась давать телеграмму. Это лучшее место для тебя. Они смогу... – его голос стих.

По ее лицу катились слезы. Возможно ли, что все это происходит с ней?

С каждым днем невозможное становилось реальным, но проще было поверить в деревянных убийц, чем принять, что Джолион, ее Джолион обратился против нее.

Элси прижалась к двери лбом. Сквозь белую краску она чувствовала узловатую структуру древесины, словно между ними с братом была не просто преграда, а живое существо, с жилами и сухожилиями.

– Джолион, рассуди здраво, – Элси постаралась выровнять дыхание, чтобы голос звучал, как у нормального человека. – Ты великолепно знаешь, что все это не вяжется со мной, моим характером. Ты ведь сам уверял мистера Андервуда, что готов собственной жизнью поручиться за мои нервы.

– Все изменилось, и это разбивает мне сердце.

Элси прижала к двери ладонь, представляя, что с другой стороны к дереву прислонился лбом ее брат. Если бы только он взглянул на нее. Заглянув в ее глаза, он сразу поверил бы, что она говорит правду.

– Ты слишком торопишься. Спроси Сару...

– Сару я отправил в ее комнату! Довольно, я не желаю, чтобы она являлась сюда и поддерживала тебя в твоих заблуждениях!

Она сползла на ковер и чуть не вскрикнула, ударившись больным коленом.

– Ты не можешь ограничивать передвижения Сары, – сделала она еще одну попытку, – у тебя нет над ней власти. Ты не можешь держать нас, как узниц.

– Это для твоей же безопасности. Я знаю, что для тебя лучше.

Но в действительности он даже не знал, кто она.

Она осталась сидеть на полу, опустошенная, выдохшаяся. Через минуту в коридоре раздались шаги Джолиона. Отворилась и снова

закрылась дверь библиотеки.

На ковре лежали тени растущих под окном деревьев. Дюйм за дюймом они удлинялись, ползли по полу. Какая-то часть ее отрешенно размышляла о том, кто заполучит ее раньше – компаньоны или сумасшедший дом. Вероятно, к этому времени миссис Холт уже решила ее судьбу, определила ее участь с помощью проводов, точек и тире. Элси уже представляла себе холод больничной спальни, смыкающиеся вокруг нее белые стены.

Разве она этого заслуживает? Возможно, что это и в самом деле заслуженно. Не из-за компаньонов, а из-за другого. Па, Ма. Она избавилась от них, но они так никогда и не оставили ее, невидимо они присутствовали в ее крови. И в Джолионе.

Прошло, наверное, не меньше часа, прежде чем она услышала шум. Сначала тихое потрескивание, как будто от горящих поленьев в камине. Элси метнула взгляд на камин, но в нем огонь давно прогорел. А звук раздался снова: шепчущий, скребущийся. Прямо у нее за дверью.

Элси наклонила голову, прислушиваясь. На этот раз она различила тихие щелчки. Затем со скрипом отворилась дверь.

От вскрика Джолиона Элси испуганно вздрогнула. Что там – вернулась миссис Холт? Но шагов не было, не звучали и голоса. Только это шуршание, будто шелест ветвей. Или пощелкивание крошечных костей.

Элси осторожно улеглась на пол. Под дверью виднелась полоска света, но, заглянув, она не увидела ничего, кроме коричневого ворса ковра.

Джолион вскрикнул снова.

Она выпрямилась, застонав от боли в ребрах.

– Джо? – Элси снова задергала ручку. Запертая дверь не поддавалась. Он закричал опять, сдавленно выкрикнул какое-то слово... ее имя? – Джолион!

Шум все усиливался. Что-то вращалось, скользило. Ей представились звери, копошащиеся в подлеске, задевая ветки. Боже милостивый, да что же там происходит?

– Элси! – раздался отчаянный вопль, сменившийся влажным бульканьем.

Яростно, как львица, она бросилась на дверь, дергала ручку. Она не могла вырваться наружу. Не могла помочь ему.

Невозможно выдумать более мучительную пытку: слышать и не видеть, не иметь возможности кинуться на помощь. Воздух сгустился, он сжимался, дышать становилось все труднее.

Глаза Элси заметались по комнате в поисках чего-то, чем можно разбить дверь. Взгляд ее упал на туалетный столик... и она вознесла благодарственную молитву. Как же она сразу о них не подумала?

Не обращая внимания на боль в колене, она бросилась вперед и схватила несколько шпилек. Мокрыми от волнения руками она согнула первую, попыталась просунуть в замочную скважину. Не попала. Она попробовала еще раз – и снова промахнулась.

– Черт побери! – руки у нее дрожали, как при малярном ознобе.

Раздался звук бьющегося стекла.

– Сейчас, сейчас, – наконец, она попала булавкой в отверстие, но та проворачивалась. – Ну же, пожалуйста!

Ш-ш-ш-ш. Шпилька выпала у нее из дрожащих рук. *Ш-ш-ш-ш.*

Еще один вопль, и голос Джолиона затих. Наступившая тишина оглушала.

Схватив следующую шпильку, Элси зажала ее зубами и, нагнувшись, просунула в замок. К ее облегчению, в нем что-то щелкнуло, и дверь приоткрылась.

В коридоре было тихо. Она выглянула, потом вышла, скрипя зубами от боли. Слева от нее раздались шаги. Повернувшись, Элси увидела Сару – та спешила к ней, с дико вытаращенными глазами. По пятам за ней бежал Джаспер.

– Элси! Что стряслось? Я услышала крики.

– Джолион, – выдохнула Элси. – Джолион.

Глаза Сары чуть не вылезли из орбит.

– Это *они*?

Из уст Элси вырывались нечленораздельные звуки, заунывные, животные. Никогда она не ощущала такой боли.

– Нет! Господи, прошу, нет!

Не говоря больше ни слова, Сара подставила плечо под руку Элси и помогла ей добраться до библиотеки.

Там царил полный разгром. По полу были разбросаны открытые книги, часть страниц вырвана. Ковер покрывали бумаги, стекло, сухие

листья. Когда, спотыкаясь, они прошли дальше, в глубь комнаты, Элси заметила, что занавеси – они колыхались и трепетали на ветру – изорваны в клочья.

– Джолион? – это не было похоже на ее голос – не было похоже и на его имя.

По столу были разлиты чернила, валялись зеленые осколки стеклянного абажура лампы, но кресло стояло пустым.

– Элси! Там!

Она обернулась. Перед камином стоял цыганский мальчик со своим посохом. В плоском лице проглядывало что-то нечеловеческое. Элси взглянула в ту сторону, куда указывал его посох.

По стеклу средней створки разбежалась паутина трещин, расходящихся от неровного отверстия в центре. За выступы стекла что-то зацепилось. Волосы?

Издранные занавеси отчаянно махали, отталкивая, отгоняя ее. Но ноги Элси двигались сами, против ее воли. Они тащили ее через всю комнату, по ковру, по хрустящим стеклам, к окну, где ветер мог ударить ей в лицо.

Десятки Элси смотрели на нее из осколков разбитого окна, и все разные. Вытянутые, сплюсненные, без ртов, с перекошенным, словно тающим лицом. Потом она увидела, что края трещин покрыты кровью.

Судорожно вздохнув, она посмотрела вниз, перегнувшись через подоконник.

Ее Джолион, ее мальчик, лежал на гравии ничком, изогнув шею под неестественным углом. Мертвый.

Занавески обвилились вокруг нее, обнимая, когда она закричала.

* * *

Однажды, когда она была совсем ребенком, Па повредил Элси барабанную перепонку. Из-за этого сперва возник шум, такой громкий, что это было больше, чем звук – в нем тонуло все, и слышен был только этот непрерывный звон.

Вслед за шумом пришла нестерпимая боль. Боль вбуравливалась ей в голову, от этого Элси мутило, у нее немело лицо. Она чувствовала все – и не чувствовала ничего.

Должно быть, сейчас это повторилось, потому что Элси ничего не видела и не слышала. Время текло мимо, как будто она больше не принадлежала этому миру.

Пришла в себя она внезапно, обнаружив, что сидит за столом, в остатках разорванного кожаного кресла. Из разрезов торчал конский волос, жесткий и колкий, он царапал ей нежную кожу.

Слева от нее стояла Сара, помахивая перед ней флаконом с нюхательной солью. Справа была миссис Холт.

– Еще один трагический несчастный случай? – говорила она. – Я все вижу! Это все она, глупая вы девчонка. Она повредила умом. Я иду в полицию.

– Это сделали компаньоны, миссис Холт! Элси только выходила из своей комнаты, я видела, как открывалась ее дверь. Немыслимо, чтобы она могла оказаться здесь и... – заметив, что Элси возвращается к жизни, Сара опустила нюхательные соли.

– Я так думаю, что мистер Ливингстон кое-что не учел, когда писал эту телеграмму, – пробормотала экономка. – Нужно было вызвать доктора для вас обеих.

Даже звук его имени был как удар под дых. Не было больше мистера Ливингстона, горюй не горюй; только лежали на гравии искореженные останки красивого молодого человека, как подстреленная птица. «Мое дитя, – выговорили ее онемевшие губы. – Дорогой мой мальчик».

– Видите? – дернула головой миссис Холт. – У нее заскоки. – Экономка наклонилась так близко, что Элси увидела сетку морщинок у нее вокруг глаз и почуяла едкий запах ее старческого дыхания. – Вы, конечно, потеряли ребенка, мадам, но разве это может сравниться с тем, чтобы потерять взрослую дочку, надежду всей жизни. Чтобы увидеть ее искалеченной, как кусок мяса на вертеле! – Лицо миссис Холт, перекошенное и залитое слезами, внушало страх. – Бог свидетель, я должна бы пожалеть вас, потому что вы больны, но не могу. Не могу. Я только хочу увидеть, как вам воздастся за то, что вы с ней сделали.

В любое другое время ее разум без труда сложил бы фрагменты головоломки. Но сейчас Элси глядела на миссис Холт с таким же недоумением, что и Сара.

– О чем вы говорите? Какая дочь?

Миссис Холт провела рукой по искаженному лицу.

– Думаю, теперь уже не нужно держать это в секрете. Мистер Бейнбридж не без причины звал меня своим ангелом. И не без причины я приехала сюда откуда ни возьмись.

– Ах! – выдохнула Сара. – Вы носили под сердцем его ребенка.

Экономка закрыла глаза и кивнула.

– Да, это так. Видите ли, моя госпожа так хворала, а ему требовалось... Он не был дурным человеком. Он хотел добра нам обеим.

– И потому привез вас сюда. Дал вам дом, где вас не станут доносить сплетнями.

– Сначала я прятала ребенка. А потом стала постепенно приучать делать работу по дому. Я ведь не дура и никогда не рассчитывала, что Хелен будут воспитывать вместе с мистером Рупертом.

– *Хелен*. Хелен была вашей дочерью? И, следовательно... – Сара прижала к груди руку, – моей кухней?

– Именно так. Эта испорченная женщина, что сидит перед нами, и вас лишила семьи, мисс Сара. Вы должны позволить мне пойти за полицией.

Элси не была страшна ярость миссис Холт. Ей хотелось прильнуть к ней – той, что пережила такую же боль и осталась жива. Хотя полно – осталась ли? Женщина, которая увещевала сейчас Сару, не была той самой миссис Холт, встретившей ее здесь в первый вечер. Эта была другая – очерстневшая, с ожесточенным сердцем, словно выкованная из железа.

– Ступайте, – сказала Элси. – Пожалуйста. Идите за полицией.

Миссис Холт непонимающе мигнула водянистыми глазами.

– Нет, – зарыдала Сара. – Нет, Элси, вы не понимаете, что говорите. Вам нужно уйти отсюда раньше, чем явятся те, из больницы и...

– Пусть явятся. Какая теперь разница?

– Для меня разница есть! Вы нужны мне!

Элси откинула голову на спинку кресла.

– Я не покину Джолиона. Не допущу, чтобы его обмывали и одевали чужие руки. Я буду здесь, когда его предадут земле, как была рядом, когда он родился.

Сара выдохнула, понурилась, уныло сгорбила плечи.

– Тогда, по-видимому... миссис Холт права. Мы должны сами обратиться в полицию, иначе люди из лечебницы вызовут ее, как только приедут. Если так случится, это будет хуже для нас всех.

– Три трупа в доме, – встала миссис Холт. – Три.

– Один из них снаружи. Вот что, нужно внести его в дом, прежде чем я отправлюсь за констеблем.

– Вы? – возмущилась миссис Холт. – С чего это я должна доверить *вам* поход в полицию? Это же вы нынче вечером пытались выпустить ее на свободу!

Сара положила руку на плечо экономке и отвела ее от Элси, поближе к камину.

– Путь до Торбери Сент-Джуд неблизкий. А вы сегодня уже ездили туда и обратно.

– Но вы не обманете... – она внезапно оборвала себя на полуслове. Что-то изменилось в ее взгляде, в выражении лица. – Это вы сделали? – прошипела она.

– Сделала что?

– Вот это! – миссис Холт взмахнула рукой в сторону очага. – Вы или она?

– Я не понимаю.

Зато Элси поняла. Она тоже увидела изменение, происшедшее, пока они втроем разговаривали, отвернувшись от камина.

– Этого не было, когда я вошла в библиотеку. Смотрите!

На дереве появились беспорядочные белые линии. Глубокие борозды.

У мальчика-цыгана были выцарапаны глаза.

* * *

В открытую дверь вонзались иглы дождя. Послеполуденный воздух пах как-то странно. Элси постаралась сосредоточиться на этом густом, торфянистом запахе, потеряться в нем – что угодно, лишь бы отвлечься от стоящей у нее перед глазами кошмарной картины.

И миссис Холт, и Сара были слишком слабы. Они наполовину втолкнули, наполовину перетащили тело Джолиона через порог.

Голова у него болталась, как у куклы. К щекам и ресницам, обрамлявшим открытые карие глаза, прилипли камешки.

Она всегда пыталась спасти его. Боже, как она старалась.

Они положили его – сломанную куклу – на тот же восточный ковер, на котором стоял гроб Руперта. Миссис Холт сложила раскинутые руки Джолиона, и теперь они, скрещенные, лежали у него на груди. Экономка нахмурилась.

– У него в пальцах занозы.

Элси вздрогнула.

– У Руперта тоже были занозы, – сказала Сара. – И у младенчика.

Миссис Холт скривила губы. Элси видела, как она борется, постигая невыносимую правду: начинает верить, отказывается верить, убеждает себя, что ошибается.

– Были ли занозы у Мейбл и Хелен? – спросила Сара.

– Я не видела. Не смотрела, – экономка сделала шаг. Остановилась. – Я могу... сходить взглянуть.

Она снова покосилась на Элси.

Элси поняла. Экономке хотелось ее ненавидеть. Она предпочла бы увидеть на шее Хелен окровавленные отпечатки ее пальцев, чем деревянные щепки.

Бедняжка миссис Холт. Насколько легче верить, что твое дитя было убито, быстро и без мучений, чем знать, что последние мгновения жизни оно встретило в ужасе и отчаянии. Элси проводила глазами старуху, скрывшуюся за дверь. Сердцем она была с ней.

– Я не понимаю, – Сара в возбуждении прикусила прядь серых волос. – Что нужно этой твари? Чего она не смогла найти в Руперте, в младенце? Что она хочет?

Элси покачнулась.

– Не знаю, Сара, и не хочу этого знать. Я только благодарна, что Джолион теперь свободен. Над ним она теперь бессильна. Налейте мне, пожалуйста, воды в тазик. Я должна его обмыть.

Сара заколебалась.

– Я не думаю, что это можно делать сейчас. Если полиция начнет расследование, им будет важно увидеть его... каким он был.

– Каким он был! – у нее вырвалось сухое рыдание. – Боже правый, мы бы все этого хотели.

Сара повесила голову.

– Вы все еще... Вы по-прежнему хотите, чтобы я заявила в полицию?

– Да! Кто-то должен нам помочь. Одним нам с этим не справиться.

– Но они же не поверят в компаньонов! Что, если они нас арестуют?

Тюрьма, сумасшедший дом. Ей было все равно теперь, без Джолиона.

– Пусть арестовывают. По крайней мере, мы будем далеко от этого проклятого дома.

Сара сбегала за своим капором и наспех завязала под подбородком ленты. Пока она натягивала митенки, Элси посматривала на обитую сукном дверь. С тех пор, как миссис Холт вышла в нее, оттуда не донеслось ни звука.

– Не переживайте, миссис Бейнбридж. Мы со всем справимся, вы и я. Сейчас это кажется невозможным, но... Вот увидите, каким-то образом мы наладим жизнь. Вместе, – Сара схватила Элси за локоть. – Я уверена, Руперту бы это понравилось.

Никаких сомнений, Сара говорила, желая сделать ей приятное, но Элси больше не могла выносить ее приторно-сладкие речи. Она отпрянула.

Сара снова открыла дверь, впустив мелкую дождевую пыль. Дорожки в парке были залиты водой. С живых изгородей капало, а с брылей каменной собаки лило так, что казалось, будто статуя исходит слюной. Сара занесла ногу через порог.

– Погодите! – Элси вынула из кармана свой кошелек и протянула Саре. – Возьми это, на всякий случай. Здесь довольно, чтобы оплатить ночлег или дорогу домой.

В последний раз бросив на нее взгляд, Сара выбежала под дождь. Элси смотрела ей вслед: сутулая серая фигурка захрустела гравием на дорожке, становясь все темнее в тени дома. Направившись к холмам, она скрылась из виду.

Не прошло и десяти минут, как все заволкло туманом.

Элси доползла до камина и села, вытянув ноги, рядом с Джолионом. Или от того, что осталось от Джолиона: злой, иссиня-серой карикатурой на него. Не хотелось хранить в памяти такой образ ее мальчика: отекший и бледный, как воск, черты искажены ужасом,

мертвая кожа испещрена порезами. Но Элси понимала: он заполонит все, тайно, исподтишка, и покроет собой все счастливые времена. Смерть жадна и прожорлива. Она забирает с собой все.

Тиканье больших напольных часов эхом разносилось по Большому холлу. Вторя ему, за окном барабанил дождь. Элси чувствовала, как сгущаются тучи, загораживая солнце. Обхватив голову забинтованными руками, она ждала.

Она не решалась закрыть глаза и бодрствовала, несла свою скорбную вахту, прислонившись спиной к стене. Компаньоны могли отнять жизнь Джолиона, но разрази ее гром, если она позволит испоганить его тело новыми занозами. Ей отлично известно, каково это – когда в тебя вторгаются против твоей воли. Никогда, никогда она не допустит этого для брата.

Время ползло. Нигде не было никакого движения. Элси не видела ничего, кроме серой неподвижности, не слышала ничего, кроме постоянного стука по оконным стеклам. Это была какая-то пытка.

Мысленно она отправилась по туманным тропам до Торбери Сент-Джуд, видела, как Сара блуждает, падает в реку и течение тянет ее за намокшие юбки, как девчушку-цыганку в дневнике Анны. Элси похлопала себя по щекам и постаралась направить мысли на что-нибудь более приятное. Мысли поблуждали, затем неуверенно свернули к Джолиону. *Нет.*

Когда прошло два часа, Элси стало казаться, что она и впрямь лишится рассудка. Все ее суставы затекли и болели, но она поднялась на ноги и со стоном выпрямилась. Дождь все шел, слабый, но настойчивый. Остальное выглядело так же, как утром. Казалось, за это время она прожила десяток жизней.

Воздух менялся. Медленно, словно краска стыда, от тела Джолиона поднимался запах, скрадывая ароматы лаврового листа и лайма, которые все последние годы были его неотъемлемой частью. Сейчас он выглядел грязным и таким неухоженным: на руках грязные потеки, во всклокоченных волосах запутались осколки стекла. Полицейские могут делать, что хотят – она должна выкупать, наконец, своего ненаглядного мальчика.

Элси, припадая на ногу, вышла через обитую дверь на половину слуг. Дверь у нее за спиной со скрипом затворилась, оставив ее посреди холодного камня.

В последний раз, когда она сюда заходила, у них был штат прислуги из пяти человек. Сейчас здесь царило запустение. Пропали звуки кухонной плиты и запах мыла. Не горели масляные лампы.

По дороге на кухню – там она хотела набрать воды – Элси миновала комнату экономки. Дверь в нее была захлопнута. Неужели миссис Холт просидела там все это время, одна, в темноте?

Не зная, как поступить, Элси нерешительно подняла руку. Если миссис Холт хочет остаться одна, она не имеет права ее беспокоить. Но только она решила уйти восвояси, как изнутри донесся звук.

Не плач, как ожидала Элси. Другой, более низкий, протяжный. Стон или скрип.

Элси положила руку на круглую дверную ручку, но не повернула ее. Сердце билось где-то в горле.

Скри-и-ип. Из-под двери по ногам потянуло сквозняком. Она должна вернуться туда, к Джолиону, она должна...

Не успела Элси отвернуться от двери, внутри закричал Джаспер.

Он заставил ее замереть на месте. Этот жалобный, высокий крик, похожий на плач младенца. Элси попыталась ожесточиться и отбросить жалость, но крик раздался снова, на сей раз громче. Пронзительнее. А потом снова тот скрип.

– Да что с тобой не так, Джаспер? – наперекор себе она все же повернула ручку и вошла.

Комната поплыла у нее перед глазами. Элси крепче вцепилась израненными пальцами в косяк, так что ногти впились в дерево.

Все до единого ящика в конторке миссис Холт были открыты. На столике, покрытом скатертью в цветочек, валялись бумаги. Сверху на них сидел Джаспер и заунывно мяукал. Рецепты и квитанции под ним трепетали. На черной кошачьей шубке бриллиантами переливались капли дождя. Окно было распахнуто настежь.

– Что...? – одного стула в комнате не хватало. – Джаспер, где миссис...

Скрипнуло справа, прямо у Элси над ухом. Она повернулась туда. Крик застрял у нее в горле.

Сначала она заметила движение – плавное, будто дерево качнулось на ветру. Лишь затем до нее стал доходить смысл всего этого: скрип, но не дерева, а пеньковой веревки, покачивание ног. Поднимая глаза, Элси видела подол черного платья, обвисшие плечи и

лицо, ни на кого не похожее: иссиня-фиолетовое, с выкатившимися глазами и вывалившимся языком. В петле, привязанной к крюку в потолке, висела экономка. То, что совсем еще недавно было миссис Холт, болталось, словно мешок с крупой.

К горлу подкатила тошнота. Позади за колышущимися юбками мелькнуло деревянное лицо – лицо служанки, искаженное страхом. Хелен.

Элси подошла и забрала со стола Джаспера.

Забыв от ужаса о боли, она кинулась к двери, побежала по проходу и сама не заметила, как очутилась на кухне. *Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш*. О да, они идут. Просто выжидали, пока Элси увидит этот кошмар, миссис Холт, прежде чем приняться за нее саму.

Дрожащей рукой она уцепилась за ручку двери, ведущей во двор.
– Ну же, открывайся.

Джаспер тоже зацарапался в дверь.

Она скрипела, но не двигалась. Заперто.

Ш-ш-ш-ш.

Назад, в комнату экономки – миссис Холт всегда носила целую связку ключей. Нужно только вернуться туда и – нет, она не станет обшаривать труп в поисках ключей, можно же просто выбраться из комнаты через открытое окно. И почему она не додумалась до этого раньше?

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш. Звук проникал в череп, сбивал ее с мыслей.
Ш-ш-ш-ш.

– Перестаньте! – закричала Элси. – Прекратите же, черт вас побери!

Пришлось нагнуться и поставить Джаспера на пол, рядом с собой. Боль обжигала, будто ногу кололи раскаленными иглами, а в груди полыхало пламя. Да еще это ощущение, когда снова раздается шипение – будто в голове разрывается петарда.

Джаспер с мяуканьем потрусил вперед, то и дело оглядываясь и проверяя, идет ли Элси следом. С огромным трудом она заковыляла за котом.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш. Другой звук, не тот, что преследовал ее во снах: теперь в нем слышалась фабричная паровая машина. Пила тоже, только она вгрызалась не в древесину. Она рвала другое вещество и разбрызгивала жидкость.

– О нет.

В поле зрения возникли белые буквы: «Экономка». Эта надпись красовалась на двери в комнату миссис Холт – но разве Элси не оставила ее открытой?

Ш-ш-ш-ш.

Заперта. Еще одна дверь – и тоже заперто. Элси плечом навалилась на створку, плача от боли и отчаяния. Ее кулаки молотили по дереву, но все безрезультатно.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш.

Джаспер зашипел в ответ. Он, прижав уши, крался по каменному проходу. Охотился.

– Подожди.

Элси захромала за ним. Снова вспыхнула боль так, что в глазах потемнело. Элси не могла поддаться ей сейчас, она терпела из последних сил. Эти муки – ничто по сравнению с...

Ш-ш-ш-ш.

Внезапно Элси чуть не упала, как от удара. Она *узнала* этот звук. Он звучал в ней самой, был частью ее, однако мозг отвергал его, не позволяя воспоминаниям ожить.

Ш-ш-ш-ш.

Нечто, сыплющееся в желоб. Не щепки. Более мягкое, более влажное.

Они добрались до обитой зеленым двери.

Джаспер изготовился и прыгнул. Дверь распахнулась, и сразу стали более явными звук и запахи – на сей раз не розы, а фосфор, жженое дерево и обгоревший металл. И над всем этим острая, тошнотворная нота. Кровь.

Элси почти вползла в Большой холл. Выл ветер, с силой швыряя в окна струи дождя. Смеркалось. Догорающий огонь бросал на лицо Джолиона оранжевый отсвет, а рядом с ним...

– Нет! – этот крик будто сам вырвался из ее глотки, исторгся из недр ее существа.

Джаспер заорал и выгнул спину.

Еще один компаньон: тот, которого она так долго избегала. Его зловещая ухмылка на лице, его беспощадное, бугрящееся мышцами тело.

Па.

Ш-ш-ш-ш.

Элси больше не чувствовала боли в ребрах. Ею овладели совсем другие чувства. Еще худшие, чем помнилось ей: не просто ужас, но гнев, бессилие и омерзение.

Ш-ш-ш-ш.

– Ты не получишь его! Убирайся!

Она хотела кинуться вперед, но больная нога подвернулась, и Элси упала на колени, чувствуя, что ее вот-вот стошнит.

– Не трогай его, убирайся вон!

Ш-ш-ш-ш.

Элси видела свои руки с растопыренными пальцами, на серо-черных плитках пола. Бинты на них развязались и сползли. Там, под свежими ранами, были старые шрамы – как грех, впечатавшийся в ее кожу.

Ш-ш-ш-ш.

Плотина была прорвана. Она вспомнила всё до конца.

И не пожалела ни о чем.

Она на фабрике, двенадцати лет от роду, согнулась над коробком спичек, а сердце колотится так, что жилы вздулись. Она пытается зажечь огонь, торопится, но все валится из рук. Наконец, огонь разгорается, она чувствует, как его жар, жар возмездия, отзывается, отвечает ярости, бушующей у нее внутри. И то, что пламя обжигает руки, ее не останавливает, потому что она и сама пламя, она стала языками огня, стала приманкой для отца, который бежит, как безумный, в надежде погасить пожар.

Заметил ли он ее? Она надеялась, что заметил, как и Ма – за долю секунды до падения. Ребенок, девочка, которую он так долго мучил, врезалась ему в ногу, толкнув точно под циркулярную пилу.

Ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш. Механизм, изо всех сил пытающийся справиться, забившиеся лопасти стопорятся. Кровяные сгустки шлепаются в желоб. Кровь с шипением брызжет на пол, и девочки-работницы визжат от ужаса. Но затем звук переходит в треск и клацанье – это в зубцах полотна застревают обломки костей. От машины валит пар. Пила издает предсмертный хрип. Затем все стихает – и Джолион в безопасности.

Был, до недавнего времени.

– Ты... его... не... получишь!

Джаспер прыгнул, опередив ее. На когтях блеснул отсвет тлеющих в камине углей. Компаньон-Па покачнулся, опрокинулся на решетку.

Облачко дыма, треск. И истукана охватили языки пламени.

Джаспер отпрыгнул от огня. А он разгорался непостижимо быстро: въедаясь в деревянную фигуру по всей ее длине, разбрасывая снопы искр, похожих на светящихся блох. Обычный, естественный огонь не мог бы гореть вот так.

Дым ел Элси глаза. Она подхватила Джаспера и, шатаясь, поднялась на ноги.

Истукан переломился и, упав на восточный ковер, поджег его.

– Джолион!

Но и он был уже охвачен пламенем. Рыжие языки прыгали и извивались, отражаясь на клинках висевших на стене мечей. Элси смотрела, как они пляшут, зачарованная, потрясенная, смотрела до тех пор, пока не начала задыхаться.

Повернувшись, чтобы бежать, Элси увидела колеблющиеся контуры окруживших ее со всех сторон компаньонов. Они были всюду: стояли на лестнице, выглядывали с галереи, караулили у каждой двери. Преграждали ей путь.

Становилось жарко. Очень жарко. От шерсти Джаспера у нее вспотели ладони.

В воздухе черными снежинками летал пепел. Элси уже не могла различить, где какой компаньон, она не видела даже парадной двери.

Вокруг не было ничего, кроме огня.

Окно. Оступаясь, она бросилась к едва видимому сквозь дым светлomu прямоугольнику. Окно, выходящее на подъездную аллею. Там они и стояли, Гетта и цыганенок, глядя на нее. Зная, что все случится именно так.

Держа под мышкой Джаспера, свободной рукой Элси заколотила в стекло. Горячее стекло – невыносимо горячее.

– Ну же!

Давнее, такое знакомое жжение в ладонях. Именно так она победила в первый раз – преодолевая боль. Она справится. Она может заставить свое тело справиться с чем угодно. Она закалена и привычна к трудностям.

Элси ударила в стекло еще раз. Еще. Резкая боль обожгла костяшки пальцев, и с них закапала кровь. Еще. Стекло треснуло.

За спиной заревел огонь. Элси почувствовала его дыхание, осушившее пот у нее на затылке и шее. Конечно, она же впустила воздух и подкормила его. Она помогла ему усилиться.

– Скорей, Джаспер, скорей!

Кот превратился в комок торчащих во все стороны конечностей и когтей, он отчаянно цеплялся лапами за обе стороны битого стекла, не давая ей выбраться. Но Элси не уступала, не поддавалась. Стекло треснуло еще немного, так что она сумела вытолкнуть злобно завывающего Джаспера наружу.

Спину обдало жаром. Элси казалось, что кожа пузырится и коробится. Боль. *Боль*, хватающая ее через одежду своими пылающими щупальцами.

Элси не раздумывала. Думать было некогда – она отступила назад для разбега и бросилась прямо на стекло, как, должно быть, раньше бросился Джолион. Прикрывая лицо руками, она выскочила в окно, разбив его вдребезги.

Огонь рванулся за ней, пытаясь схватить, но она уже была на земле, каталась по гравию, сбивая языки пламени с платья. Дождь довершил начатое и погасил его до конца. Слишком поздно. Сделанного не воротишь. Элси чувствовала, как волдыри на коже надуваются и лопаются в беспощадно холодном воздухе.

Джаспер вскарабкался на ближайшее дерево. Оттуда его изумрудные глаза смотрели на Элси – следили, как она, полумертвая, дымящаяся, уползает в мокрый парк. Подальше от дома.

У нее ныло все тело, каждая мышца. Вокруг летали черные хлопья сажи. Она увидела фонтан: это предел. Тело отказывалось двигаться дальше. Кое-как Элси перегнулась через бортик, окунула в бассейн красные, как сырое мясо, руки.

С холмов подул ветер. В воздухе Элси почувствовала новый запах: к дыму примешивался пряный аромат роз и тимьяна. Она надсадно закашлялась.

– Миссис Бейнбридж!

– Сара?

Элси всмотрелась в парк – все колыхалось и расплывалось в горячей дымке. Она увидела – но не Сару. Там, у цветника, стояла

деревянная фигура. Та, с которой все началось: Гетта.

– Миссис Бейнбридж! Боже все милостивый!

На слух это *казалось* голосом Сары, идущим с другого конца сада, но Элси ни в чем не была уверена. Ей будто слышались два голоса, один из которых наслаивался на другой.

Пока она пристально вглядывалась в Гетту, другая темная тень, повыше, пробежала по саду, по гравию дорожки, к ней. Человек. Мужчина это или женщина, Элси определить не могла. Как будто бы там была не одна, а две фигуры.

– Миссис Бейнбридж!

Когда она пришла в себя, ее окликал по имени уже другой голос – медсестры с крысиным личиком. Все вокруг было белым и стерильным. Она почувствовала запах карболового мыла. Мочи. Вся кожа невыносимо болела.

Она приоткрыла рот, чтобы откликнуться, но с губ слетело лишь какое-то хрипкое карканье. Голос пропал – покинул ее вместе с памятью и дымом.

Больница св. Иосифа

Дочитав до конца, он продолжал сидеть за столом, задумчиво глядя на последнее слово. Затем откинулся на спинку кресла, издав странный горловой звук. Этот звук, казалось, прошел всю ее насквозь – так монета падает в колодезь, – отдавался эхом и, наконец, с глухим стуком приземлился где-то под ложечкой.

Поражение. Она пристально следила за ним, ловя малейшие изменения выражения лица. Его зеленые глаза не двигались, уставившись на бумагу. Прошло не меньше трех минут. Воздух между ними сгущался, напряжение росло.

Она представила себе его мозг в виде огромного механизма, поршни которого непрерывно двигались, качали, сбивая ее прошлое в... во что? А хочет ли она это знать?

– Что ж, – он вздохнул. – Хорошо. Видимо, вы слышали, как мистер Андервуд зовет вас по имени. Это он вас обнаружил.

Жалкая крупица информации, но она подалась вперед, радуясь и этому.

– Хотя, – продолжал доктор Шеферд, меня положение тела, – это случилось куда позже, чем следует из вашего описания. Прошла вся ночь. Он увидел свечение вокруг вашего дома и поднял тревогу.

Этого ей никто не сообщил. С ней вообще никто ни о чем не говорил.

В изболевшейся памяти начали вспышками появляться картины: не только окрашенные сепией фотографические изображения, но и голоса, запахи, внушаемые ими чувства. Мистер Андервуд, Сара, Джаспер. *Что же* случилось с ними?

Долгое время Элси берегла эту историю как свою тайну. А сейчас, увидев ее лежащей на столе – страницы, страницы, исписанные крупным угловатым почерком, – поняла, что рассказ не окончен. И его окончание зависит не от нее. Последний акт таится глубоко в мыслях доктора Шеферда.

Неуверенно она взяла со стола его карандаш и внизу на последней странице написала одно слово.

Сара?

– Это вопрос. Что произошло с Сарой Бейнбридж?

Она нагнула голову, пытаясь заглянуть ему в глаза, но ей помешало освещение. Стекла его очков блестели, казались непроницаемыми.

– То, что вы написали... Думается, я смогу использовать это. Но, скорее всего, не так, как вы надеетесь. Ваш рассказ не доказывает вашу невиновность. По сути, он ничего не дает, кроме простора для небылиц. Но, если бы фантазии считали проявлением душевной болезни, мистер Диккенс давно стал бы нашим пациентом.

Фантазии! *Безумие*, по крайней мере, было наделено властью. С ним она не казалась инфантильной дурочкой, девчонкой, верящей в фей и единорогов.

Сара? Она подчеркнула слово, прорвав грифелем бумагу.

– Да. Это единственный человек, способный засвидетельствовать ваш рассказ. Если то, о чем вы пишете, правда, она сможет подтвердить, где вы находились во время гибели Джолиона Ливингстона.

При упоминании имени Джолиона у нее по щеке скатилась слеза.

– Но вот здесь-то у нас с вами и начинаются трудности, миссис Бейнбридж. С тех самых пор, как вы взялись писать, я начал поиски

Сары Бейнбридж. Догадываетесь, что я нашел? – доктор картинно простер перед ней руки, демонстрируя, что они пусты. – Ничего. Ни данных переписи, ни записей о смерти – совсем ничего. Я даже дал объявление в газете с просьбой отозваться, если у кого-то есть о ней сведения. Сара Бейнбридж бесследно пропала.

Новая слеза упала, догоняя первую. Бедная Сара так и не добралась до полиции. Ее тело не найдено. Наверное, она лежит где-то в канаве, разлагаясь, а по ее губам ползают мухи. О, Сара. Она не заслужила такого конца.

Доктор Шеферд покашлял. Не закашлялся по-настоящему, а лишь деликатно прочистил горло. Это сигнал. Он готов огласить свою теорию.

– Одно стало мне совершенно очевидно, миссис Бейнбридж, после знакомства с вашими писаниями. У вас есть склонность подавлять неприятные эмоции. Это ваша защита, ваш способ справиться с ними. Все эти... несчастные случаи – с вашим отцом, например. А еще эпизоды, которых в вашем рассказе недостает. Элси (сейчас я говорю об Элси – героине этих страниц) неоднократно лишается чувств. Ничего не поделаешь, но каждый обморок – это частица прошлого, которую вы отказываетесь вспоминать.

В коридоре зазвенел колокольчик.

– Давайте вообразим на мгновение, что вы активно подавляете те воспоминания, которые могут оказаться для вас вредными. Жгучая обида на родителей, чувство вины после их смерти – оправданное или нет, я сейчас сказать не могу. Все эти негативные эмоции должны были как-то выплеснуться. Я читал, что в противном случае они начинают подтачивать организм пациента и вызывают различные заболевания. Но бывают и случаи, когда они вызывают то, что мы можем назвать раздвоением личности.

Сделайте мне одолжение, миссис Бейнбридж, попытайтесь представить себе такую возможность. Подозреваю, это может показаться вам пугающим, но я хочу, чтобы вы не отгораживались, а допустили возможность, что Сара Бейнбридж никогда не существовала. Что это, в каком-то смысле, вторая сторона вас самой.

Элси схватила карандаш, стараясь, чтобы рука не дрожала. *Ее видели другие люди. Они с ней разговаривали.*

– Вам так кажется, – голос доктора звучал мягко и вкрадчиво, но в нем не было сочувствия. Он убеждал, уговаривал, заползал ей в уши. – Но мы не можем это подтвердить. Действующих лиц вашей истории не осталось. Все те, кто мог бы засвидетельствовать существование Сары Бейнбридж, мертвы и лежат в земле.

Мистер Андервуд.

– Ах да. – Он скрестил ноги. – Вынужден с прискорбием сообщить вам, что и мистер Андервуд также погиб.

Она задвигала пальцами, ничего не чувствуя, кроме движения карандаша. *Как?*

– На пожаре. По всей вероятности, когда прибыли спасатели из Фейфорда, мистер Андервуд отправил кого-то из жителей деревни за помощью в Торбери Сент-Джуд. Но так и не дождался их возвращения. Очевидцы утверждают, что он говорил о других людях, оказавшихся в доме. Это совпадает с вашей версией – если он не знал о смерти мистера Ливингстона и миссис Холт, то мог подумать, что они нуждаются в помощи. Он бросился в Бридж, чтобы попытаться спасти их, но увы... Бедняга.

Джаспер?

Доктор с облегчением улыбнулся.

– Хотя этим могу вас порадовать. Ваш маленький друг не бросил вас в беде. Он оставался рядом с вами до самого рассвета, пока не прибыли наши люди, получившие телеграмму от мистера Ливингстона.

Учитывая ваше состояние, полицейские сочли необходимым переправить вас в наш лазарет, и котик попытался последовать за вами. Один из наших санитаров его пожалел и принес сюда, а тут его приютила наша главная смотрительница, у нее он с тех пор и живет. Я его видел. Очень упитанный котик и вполне доволен жизнью.

Девять, написала она.

– Не понял?

Девять жизней.

– Ах да! Верно, верно, – доктор Шеферд распрямил ноги и облокотился о стол. Ровные, коротко стриженные ногти. Светлые волоски на фалангах. Рядом с его аккуратными кистями ее обожженная рука казалась лапой чудовища. – К счастью, у нас с вами речь не идет о девяти жизнях. Только о двух. Мистера Ливингстона и миссис Холт.

Наконец-то он взглянул ей прямо в глаза.

– Миссис Бейнбридж, я не верю, что вы их убили. И с самого начала не верил. И, хотя, с другой стороны, я не могу поверить всему в вашей истории, однако то, что вы любили мистера Ливингстона, *не вызывает* у меня сомнений. Вы бы не причинили ему зла. Мне представляется, что пожар возник случайно, как это нередко бывает. Он унес жизни двух человек и чуть не погубил вас – только по счастливой случайности вы сумели выбраться из дома. Но вы должны понимать: моя вера ни на чем не основана. Присяжные, разбираясь в этом случае, увидят женщину, чей отец погиб при подозрительных обстоятельствах, чей муж скончался вскоре после женитьбы, к ее явной выгоде. Две служанки стали жертвами таинственных несчастных случаев. Затем, в тот самый день, когда в психиатрическую лечебницу была отправлена телеграмма, называющая вас неуправляемой и буйной... Словом, вы сами понимаете, как все это выглядит.

Убийца. Это слово никак не вязалось с Элси из ее истории, но сейчас она выглядела вполне подходяще: ярко-розовая блестящая кожа, ежик обгоревших волос, глаза, словно провалившиеся на дно глазниц. Чудовище, отданное на растерзание толпы. Как они будут глумиться, писать о ней, радоваться, слыша стоны, с которыми она поковыляет на скамью подсудимых.

– Я мало что могу поделывать, миссис Бейнбридж. Я обязан представить свое заключение, и скоро... – у него дрогнули пальцы. Этим пальцам вскоре предстояло написать несколько слов, слов, решающих ее участь. Она с опаской глядела на них. Справятся ли такие изящные, ухоженные пальцы, сумеют ли сохранить ее жизнь в безопасности?

– Насколько мне видится, есть только два способа, какими я мог бы спасти вас от тюрьмы. Первый: вы соглашаетесь с моей теорией, согласно которой вы – психически неуравновешенная особа, жертва жестоких родителей. Вы позволяете мне сказать, что Сара – это часть вашего расщепленного сознания, что вы, возможно, убивали, но не отдавали себе в этом отчета и теперь не можете осознать содеянного, потому и выдумали всех этих фантастических призраков, эти *компаньонов*, переложив вину на них. Присяжные, несомненно, вынесут вердикт «виновна», но у нас будет шанс говорить о

невменяемости ввиду психического расстройства. Это означает Бродмур^[11], но хотя бы не Ньюгейт^[12].

Позволить всем считать, будто она убила Джолиона? Допустить, чтобы в документах фигурировало ее имя как злодейки, лишившей его жизни? Она замотала головой.

– Обдумайте все хорошенько, миссис Бейнбридж. Обещайте, что подумаете. Возможно, это не совсем правда, но... Это наша надежда.

Карандаш скользил и выворачивался из ее взмокшей руки.
Вторая возможность?

Доктор скривил губы.

– Она существует, но, боюсь, это маловероятно.

Пусть.

– Дорогая моя миссис Бейнбридж, ваша единственная альтернатива – молиться, чтобы в эту самую дверь вошла Сара Бейнбридж, готовая подтвердить под присягой вашу невиновность.

* * *

Ночью ей приснилась Сара. В платье цвета лаванды и серой накидке она брела под дождем. Ветви деревьев над ее головой шумели и тянулись к ней в немой мольбе. Сара шла, то и дело поскользываясь на скользкой, в лужах, земле.

Перед ней простирался странный ландшафт: ямы, черные кочки и нестриженные, разросшиеся живые изгороди. Позади виднелась деревня, похожая на Фейфорд, в серебристо-серых тенях – будто дагерротип знакомого Элси места. Света не было вовсе.

Сара споткнулась и провалилась в воду по щиколотку. На подол ее платья налипла грязь, мокрая юбка липла к ногам. Она казалась совершенно потерянной и невозможно одинокой. Словно утопленница.

Скрип. Протяжный и тихий, будто во мраке кто-то стонал от боли. Два тяжелых удара – *бум, бум*. Потом снова скрип.

У Элси затрепетали веки. Уж не из ее ли сна эти звуки? Или они прозвучали здесь, в палате? В глазах все еще стояла Сара, сутулившаяся под серебряными иглами дождя, но Элси уже не чувствовала ни миазмов набрякшего водой торфа, ни резкого

металлического запаха дождя. Нос наполнился более тяжелым и сладким ароматом. *Розы.*

Вздрыгнув, она окончательно проснулась, попыталась шевельнуть рукой и не смогла. Вытянутые вдоль тела руки были придавлены подоткнутым со всех сторон одеялом. Элси попробовала оглядеться, но кругом была непроглядная темень.

Скрипнули половицы. От этого звука у Элси по коже побежали мурашки. Маленькие частые шажки, как у бегущего трусцой животного.

Джаспер?

Но нет: Джаспер далеко отсюда. Она не в Бридже. Элси перевела дух, чувствуя облегчение уже от одного сознания, что она не там.

Бум, бум. У нее зашлось от страха сердце. За дверью кто-то стоял.

Не стану отзывать, лихорадочно думала Элси, им меня не одолеть. Она хотела забраться под одеяло с головой, но оно было слишком туго натянуто. Стук повторился.

Кто бы это мог быть? Сиделки, нянечки, доктора – никто из них не *стучится*, они входят без разрешения.

Снова заскрипели половицы в изножье кровати, звук раздавался внутри комнаты.

Горло сковал ужас. Ни закричать, ни позвать на помощь – она только и могла, что поджимать ноги по мере того, как приближался скрип. Одеяло по-прежнему сковывало движения, к тому же, под ним сделалось жарко, Элси вся горела, будто от огненного дыхания преисподней.

Ее мутило, хотелось плакать. Наконец – видно, отчаяние придало сил – она высвободила руки и стала шарить под подушкой. *Хоть бы они были там, хоть бы были.* Нет, это в прошлом. Сейчас ей никто не позволил бы хранить спички.

Что-то коснулось ее ноги.

Ее обожгло, как огнем. Раскаленные докрасна стрелы вонзились под кожу, побежали по венам. Они насквозь пронизали горло Элси и выпустили на волю крик.

В коридоре затопали шаги. Голоса, настоящие, реальные люди, подмога. Закрыв глаза, Элси закричала еще громче. Помощь может не поспеть вовремя.

Она услышала, как за дверью звенят цепочкой, отодвигают засовы. Почему они так долго возятся?

Новое прикосновение к ноге. На сей раз ближе к икре.

Бум. Дверь распахнулась, ударившись о стену. В коридоре горели газовые лампы, их свет проник в палату.

Увидев ее только краем глаза в мелькающих тенях и бликах, Элси все же разглядела: это была Сара. Деревянная, размалеванная.

Она испустила новый вопль.

– Осторожнее, – тихий шепот ассистентки.

Что-то зашипело, и ее ослепила вспышка света. Она зажмурилась. Это просто лампа – в палате зажгли свет. Медленно, медленно она открыла глаза. Сара исчезла. На ее месте стояли два дюжих санитаров и мужчина с белыми манжетами.

– Начали!

Они подскочили, схватили ее за запястья. Два других санитаров держали ее за щиколотки. Одеяло упало на пол, больше не давя и не душа ее.

Она извивалась и лягалась, но не могла вырваться из их мертвой хватки. Санитары были глухи к ее мольбам, нечувствительны к ее ударам. Она пыталась укусить. Ей заткнули рот кляпом. Мгновенно задохнувшись, она попробовала вытолкнуть изо рта сухую, отвратительную на вкус тряпку, но внезапно что-то опустилось ей на лицо, под самые глаза – что-то жесткое, шершавое, вызывающее панический ужас.

Ребра тоже сильно сдавило. Руки, которыми она все еще пыталась отбиваться, засунули в длинные рукава. На миг она превратилась в привидение с неестественно длинными беспальными руками. Затем рукава скрестили на груди и связали на спине. Труп: ее связанное тело напоминало труп.

Человек в белых манжетах повернулся к ней и омерзительно осклабился, показав гнилые зубы.

– Зовите-ка доктора. Скажите, тут случилось чудо, будь я проклят. Убийца может говорить.

Кляп вынули, она попыталась что-то сказать. Слова вертелись на языке, рвались наружу: *бежать, Сара, компаньоны, близко*. Но сухой, распухший язык отказывался повиноваться.

У нее вырвался сиплый хрип, и только. Жалкая пародия на шипящий скрежет компаньонов.

– Мне не кажется, что она способна разговаривать, – с сомнением проговорила ассистентка.

Человек вперился в нее. Ухмылка на его лице стала злобной, плотоядной.

– Что ж, она, по крайней мере, может кричать.

* * *

Вновь комната с обитыми стенами. Так и есть. Она чувствовала запах соломы на полу и грязного холста на стенах. Солома, запахи пота и страха: это зловоние трудно забыть.

Пол был застелен клеенкой и поскрипывал под ее босыми ногами, когда она ходила, как зверь по клетке, взад-вперед, взад-вперед. Она слышала этот скрип, чувствовала, как трут кожу узлы смирительной рубашки. Неужели и мать Руперта тоже прошла через это? *Нет, нет, нет.* Она хочет только одного – вернуться в то время, когда мир вокруг был безопасным и тихим. И зачем только она начала писать?

Где-то в больничном корпусе раздался звонок. Громкий, очень реальный, он был слышен даже сквозь соломенные маты.

Ей нужно видеть доктора Шеферда. Если бы он тогда разбудил ее, то, возможно, смог бы успокоить и помочь снова заснуть. Тогда у нее не было бы этих ужасных кошмарных снов про Сару, и никто не стал бы заставлять ее участвовать в разбирательстве. Дознание? Суд? Он собирается выйти на кафедру и говорить о ней, как о каком-то диковинном растении, выставляя на общее обозрение все то, что было скрыто под землей. А люди вроде мистера Гринлифа, потенциального инвестора их фабрики – жирные, важные, со щетинистыми бакенбардами на лице, будут его слушать и переговариваться между собой, решая ее участь.

Какая же участь ждет ее теперь? Доктор Шеферд сказал, что лучшее, на что она может надеяться, это Бродмур: тюрьма для умалишенных преступников. Видно, по сравнению с Бродмуром, горько подумала она, больница Св. Иосифа покажется ей роскошным отелем вроде «Клариджа».

Возможно, если лекарства окажутся достаточно сильными, как бывало раньше, она сумеет выдержать. Но выживать так, как приходится сейчас – в ясном сознании и полной памяти? Немыслимо.

Щелкнул замок. В комнату влетел доктор Шеферд.

С доктором явно что-то случилось. На нем не было ни сюртука, ни жилета – только сорочка и бежевые подтяжки. Волосы растрепались. На стекле очков красовался отпечаток пальца, а руки были вымазаны чернилами.

– Миссис Бейнбридж, простите меня. Я, разумеется, должен был явиться намного раньше, едва только услышал о вашем небольшом срыве, но поверьте, меня задержали крайне важные обстоятельства. – Он окинул ее взглядом с головы до пят, будто видя в первый раз. – Смирительная рубашка? Об этом мне не доложили. Приношу вам извинения, миссис Бейнбридж, я распорядюсь, чтобы это сняли и поместили вас в удобную палату. Почему они сочли эту меру необходимой? Насколько я понял, вы просто увидели дурной сон?

Он поглядел на Элси. Она не отвела глаз.

– Ах, конечно же, вы не можете писать – ваши руки. Прошу прощения. Никак не могу собраться с мыслями.

Спохватившись, он закрыл за собой дверь. Глаза у него покраснели, как у человека, который провел ночь без сна. Впрочем, в этой коробке без окон невозможно определить время. Возможно, он явился к ней среди ночи.

– Я как раз писал свое заключение, – сказал ей доктор Шеферд. Заметив на пальцах чернила, он машинально вытер их о стену. – Видите, чернильные пятна тому доказательство! Я излагал теорию, которую мы обсуждали, о ваших родителях и мисс Бейнбридж, когда... Словом, этот фрагмент придется переписать. Или вообще не писать об этом, я пока ничего не могу сказать. Все это весьма, весьма странно.

Сейчас ей как никогда нужен был бы голос. Прошлой ночью она кричала, но и только. Ей припомнились записи в дневнике Анны о демоне, лишившем Гетту дара речи. Вот что при этом чувствуешь: смирительная рубашка на языке и никого, кто мог бы развязать путы.

Сняв очки, доктор Шеферд протер стекла рубашкой.

– Должен признаться, это оказалось чувствительным ударом по моей гордыне. Я полагал, что во всем разобрался, и все это так хорошо укладывалось в заключение. Но в подобных случаях приятно оказаться

неправым. Вы удивлены. Ну конечно, ведь я еще ничего не объяснил. – Он нацепил на нос очки, не ставшие чище. – Я попросил бы вас сесть, но, вижу, мои невнимательные коллеги не снабдили комнату стулом. Неважно. Тогда я просто прошу вас, миссис Бейнбридж, приготовиться услышать нечто невероятное и поразительное.

Неужели он говорит серьезно? Невероятное и поразительное? Полно, читал ли он вообще ее историю?

– Вчера, среди ночи – или, точнее, сегодня под утро – я получил телеграмму. Она имеет отношение к объявлению, которое я разместил в газетах, с просьбой откликнуться тех, кто имеет сведения о Саре Бейнбридж.

Стены комнаты, казалось, стали расширяться. Элси затаила дыхание.

– В это трудно поверить – столько времени прошло – но телеграмма была *от самой Сары*. Она существует, и она жива.

Жива. В одном слове было столько возможностей – дверь на волю из ее узилища, выход из гробницы.

Должно быть, она сильно побледнела, так как доктор крепко схватил ее за плечи.

– Да, я могу понять ваши чувства. Это чудо. Я так рад, так рад за вас, миссис Бейнбридж. Примите мои поздравления.

Сара сможет засвидетельствовать, что гибель Джолиона была трагической случайностью. И, хотя она не видела, как повесилась миссис Холт, но сможет рассказать, в каком состоянии находилась бедная женщина, в какие пучины отчаяния и безысходности она погрузилась, лишившись единственной дочери.

После этого никто больше не назовет Элси умалишенной преступницей. Она не убийца. По крайней мере, не в этом случае. Огласит ли доктор Шеферд публично написанное ею, в том числе и признание, касающееся смерти родителей? Она в этом сомневалась. Вот он стоит, с улыбкой до ушей, торжествуя озираясь с таким видом, будто только что сам вынул ее из петли.

– Разумеется, телеграммы не позволяют вести долгих разговоров. Я не смог задать Саре многих вопросов, но сумею сделать это лично. Она уже в пути и приезжает послезавтра. Больница обеспечит ей возможность встретиться с вами и со мной. Я понимаю, что Сара

намерена сообщить о себе в полицию, но прежде всего она хочет видеть вас.

Сара. Более не персонаж ее повести, а человек из плоти и крови, которому она не безразлична. От радости, переполнившей ее при этой мысли, Элси чуть не задохнулась.

Что она говорила, отправляясь в Торбери Сент-Джуд? Что они еще сумеют наладить новую жизнь вместе. Да, они это смогут. На основании свидетельских показаний Сары Элси могут выпустить на свободу. Теперь у нее будет кто-то, кто сможет за ней ухаживать, кто-то, ради кого она будет жить. Она не станет третировать Сару, как миссис Крэббл, обходиться с ней, как с нищей приживалкой. Все для них начнется заново, они заживут как равные.

– А теперь, – заговорил доктор Шеферд, – мне следует привести себя в порядок перед обходом. Наберитесь терпения, миссис Бейнбридж, я пришлю кого-нибудь, чтобы вас развязали. Непростительно, совершенно непростительно, что персонал обошелся с вами подобным образом.

Элси не протестовала, когда он вышел, снова погрузив комнату в полумрак. Она не обращала внимания даже на то, что из-за туго стянутой смирительной рубашки у нее совсем затекли руки. Все эти страдания временны.

* * *

Ее выкупали. Доктор Шеферд даже уговорил сиделок поменять ее больничную робу на другую, еще не вылинявшую от бесконечных стирок. На шею ей повязали голубой платок – теперь у нее был респектабельный вид, насколько это возможно для сумасшедшей. Но Элси не могла сдержать нарастающей тревоги. Как поведет себя Сара, когда, наконец, придет?

Плитки на полу и водянистый свет – эта длинная комната показалась Элси похожей на мертвецкую. Посередине стоял металлический стол. По одну его сторону сели она и доктор Шеферд, по другую, напротив, был приготовлен стул для Сары. Через приоткрытую дверь в левом углу комнаты Элси был виден коридор, а напротив под самым потолком висело круглое зеркало. Оно было

направлено так, чтобы врач или ассистент, входя, могли видеть дальние углы – на случай, если там затаился безумец, готовясь к нападению.

Элси не могла четко разглядеть в зеркале себя. Она различала только очертания лица, цветом похожего на колбасный фарш. Сама она казалась осунувшейся и поникшей – обломок той женщины, которую знала Сара. Голову покрывала белая шапочка, прячущая жалкие остатки волос.

Предупредили ли Сару, как она выглядит, подготовили ее к этому? Доктор Шеферд накрыл ее руку ладонью.

– Мужайтесь, миссис Бейнбридж. Она будет здесь с минуты на минуту.

От волнения у нее сжималось все внутри. Элси немного боялась, что Сара, увидев ее, закричит от ужаса. Но ведь Саре приходилось ухаживать за старой дамой, она испытывала жалость даже к Гетте. Она добрая. И не станет обращать внимания на уродство. После того, как пройдет первое потрясение, у них все пойдет, как прежде – только на этот раз им нечего будет бояться.

Как там сказала однажды Сара? *Огонь только усиливает их могущество.* Нет, это не так. Бридж сгорел, его больше нет, и зло ушло вместе с ним. На пепелище не нашли среди обгорелых останков компаньонов, что подтвердил и доктор Шеферд. Только кости и золу.

Заскрипели дверные петли. Доктор Шеферд вскочил на ноги. Элси побоялась, что ноги ее подведут – она просто вцепилась в край стола.

– К вам мисс Бейнбридж, доктор, – сказала ассистентка.

Элси беспокоил ее собственный внешний облик, но она думала и о том, какой предстанет перед ней Сара. Она ожидала увидеть все ту же бедно одетую, тусклую девицу, к которой относилась с некоторым пренебрежением. Но на вошедшей в комнату даме было нарядное платье из ярко-зеленого шелка, с глухой застежкой до самого горла. Свой отделанный бахромой бюст дама гордо несла перед собой. Мышиные волосы, прежде постоянно выбивавшиеся из-под шпилек, теперь были аккуратно зачесаны назад и уложены по бокам в ниспадающие каскадом букли. На голове у дамы кокетливо сидела черная шляпка с зеленым пером и вуалью.

Самозванка.

Но нет – лицо то же. Разве что немного округлилось и приукрашено румянами, но скулы по-прежнему слишком выдаются, а рот, приветливо улыбающийся доктору Шеферду, все так же велик.

– О! Миссис Бейнбридж! – Сара бросилась к Элси и сжала ее руки в своих, мягких, в тугих замшевых перчатках. – Силы небесные, я и представить не могла, что все так скверно. Бедняжка, ваше лицо! Какой ужас вам пришлось пережить.

В ее голосе появилась нотка, которой Элси не замечала прежде – теперь он звучал более кокетливо и мелодично. Хотя, возможно, она просто не слишком хорошо его помнила.

Элси стиснула руки Сары, стараясь вложить в это пожатие все свои чувства. Посмотреть Саре прямо в глаза она пока не могла, не была готова. Ей не хотелось увидеть в них жалость и отвращение.

– Не помню, упоминал ли я, мисс Бейнбридж, что после несчастного случая моя пациентка испытывает трудности с речью. Я мог бы выступить в роли ее переводчика, если вы не против.

– Да, конечно, – отняв руки, Сара опустилась на стул, который подвинул ей доктор. Затянутая в корсет, она сидела не сутулясь, совершенно прямо. – Ничего удивительного после всего, что произошло.

Доктор Шеферд вернулся на свое место.

– Да, такое и в самом деле случается нередко с пациентами, перенесшими травму, – сказал он. – Но в данном случае это обстоятельство довольно серьезно осложнило ситуацию. Не имея возможности подвергнуть миссис Бейнбридж допросу, полиция оказалась в затруднительном положении. Следствие теряется в догадках о том, что же произошло в Бридже.

– Потому-то я и здесь. Чтобы рассказать все, что знаю, – Сара улыбнулась доктору. Улыбка вышла какой-то неестественной.

– И как нельзя более вовремя! Дознаватель давит на нас. Могу ли я поинтересоваться – простите мне мою дерзость – что удерживало вас от того, чтобы появиться раньше?

– Мне кажется, причина более чем понятна, доктор. Я боялась.

– Боялись? Но чего же?

– О, это, несомненно, покажется сущей глупостью такому образованному и умному человеку, как вы, – Сара откинула локон за плечо. – Но в Бридже произошло столько смертей! Потом мистер

Ливингстон принял решение поместить свою сестру в приют для умалишенных, словом, мне показалось, что лучше держаться от этого места подальше.

Мир вокруг Элси покачнулся. Что-что она сказала?

Доктор Шеферд помолчал, приоткрыв рот.

– Вы... сбежали, верно? Вы не потерялись и не были ранены на пути в полицейский участок?

– Я понимаю, что вы должны обо мне думать, доктор. Я оказалась ужасной трусихой. Но сейчас я готова набраться храбрости. По прошествии всех этих лет я, наконец, обрела собственный голос.

Элси смотрела на Сару в изумлении. Ее силуэт плыл и колебался из-за слез, застилающих глаза Элси.

Сара бросила ее? *Намеренно?* Лгала ей в лицо, взяла у нее кошелек с деньгами и сбежала, оставив ее один на один с компаньонами? И кто – *Сара?*

Сознание предательства было таким темным и сильным, что Элси чувствовала его вкус. Ей вспомнились ее же собственные слова. *Такая у меня судьба, Джо. Я доверяюсь людям, а они злоупотребляют моим доверием.*

Доктор Шеферд взволнованно перебирал свои записи.

– Но... вы – э-э-э – вам не пришло в голову, что нужно бы дать знать о себе после пожара? Когда полиция объявляла, что собирает сведения?

– Тогда еще было непонятно, вынесет ли миссис Бейнбридж все это или нет. Я же читала, как страшно бедняжка пострадала на пожаре.

Новый удар. Она знала. И даже несмотря на сообщения в газетах о том, что Бридж сгорел дотла, навсегда избавившись от компаньонов, она не потрудилась ее навестить. Элси здесь борется за жизнь, а Сара не удосужилась шевельнуть и пальцем.

И это девушка, с которой Элси еще вчера надеялась зажить вместе, которой хотела себя посвятить! Как она могла так ошибиться в Саре?

– Гм, понятно, но как это могло... я хочу сказать, вне зависимости от того, выживет ли миссис Бейнбридж, вы же располагали информацией. Информацией о смерти мистера Ливингстона.

– Да. Да поможет мне Бог, – Сара достала носовой платок и промокнула глаза. Платье ее было таким ярким, что отражалось в ее

карих радужных оболочках, придавая им зеленоватый оттенок. – Я не хотела говорить об этом, если не окажется, что иного выхода нет. Но теперь я и сама вижу, что это мой долг. Другим людям может грозить опасность.

– Опасность от...?

Сара взглянула на Элси. Лицо ее сморщилось.

– О, простите меня! Вы ведь понимаете, что я обязана им рассказать!

Рассказать? Что она имеет в виду – рассказать о компаньонах? Элси обменялась испуганным взглядом с доктором Шефердом, щеки которого постепенно наливались краской.

– Кажется, между нами возникло непонимание, мисс Бейнбридж. Я не придавал этому большого значения, но миссис Бейнбридж рассказала мне о предметах, которых вы обе боялись – она называет их компаньонами. Это то, на что вы сейчас намекаете?

– Бедная моя, – прошептала Сара, – бедная.

– Мисс Бейнбридж?

– Именно поэтому мистер Ливингстон и написал письмо в вашу больницу, доктор. Она постоянно видела этих компаньонов, тогда как никто другой не мог их видеть.

Доктор Шеферд вздернул голову.

– Я полагал... она писала, что вы также видели их?

– Я, может быть, соглашалась, доктор, подыгрывала, чтобы как-то ее успокоить, – Сара смяла свой платок. – Я не знала, как быть. Уж очень было страшно, что, если начну ей перечить, то стану следующей.

– Следующей?

– Все эти... несчастные случаи. Было совершенно ясно, *что* происходит на самом деле, но никто не хотел этого признать. Корова, младенец Эдгар, Хелен. Мистер Ливингстон долго не желал посмотреть в лицо правде, а потом было уже слишком поздно.

– Вы... вы... – доктор Шеферд начал заикаться. Элси видела на его лице собственное смятение и шок. – Не хотите ли вы сказать...

– Я видела ее. Видела, как она выталкивает его из окна, собственными руками. И у меня нет сомнений, что она также убила и несчастную миссис Холт, перед тем как поджечь дом.

Нет. Элси не могла поверить своим ушам – как поворачивается у нее язык говорить такое? Это слово звучало у нее в голове так громко, что должно было бы отдаваться эхом от стен и разноситься по коридорам. *Нет!*

Это неправда, ни за что в жизни она не причинила бы вреда Джолиону! Она не убийца!

Но тогда почему Сара так на нее уставилась?

Элси видела, что доктор Шеферд заколебался, его уверенность пошатнулась.

– О! О, я понимаю...

Они по-прежнему сидели по одну сторону стола, но больше не были единомышленниками. Воздух в разделявшем их пространстве, потрескивал, как от электричества. Видимо, в его голове мелькали сейчас те же мысли, что и у Элси: почему я ей так безоглядно доверяла, как я могла оказаться такой дурочкой, за что она сейчас предает меня?

– Теперь вы понимаете, почему я пряталась, – сказала Сара. – Я любила миссис Бейнбридж, очень любила, и пришла в неопиcуемый ужас, когда... Я не хотела свидетельствовать против нее, чтобы хоть как-то ей помочь. Но сейчас время настало.

– Да, – доктор снял очки и потер глаза. На Элси он не глядел. – Да, насколько я знаю, дознание назначено на следующую неделю. Мы должны сообщить полиции. Вы смогли бы...

– Я готова дать показания. Ради свершения правосудия я обязана отказаться от личных чувств и привязанностей, – Сара тихонько вздохнула. – Пусть даже мне придется увидеть, как мою бедную кухню вздернут.

– Вздернут? – оторопело повторил доктор Шеферд.

Элси почувствовала, как у нее на шее затягивается петля. Дерево, вокруг дерево – у нее под ногами, пока не нажмут рычаг и внизу с лязгом не откроется люк.

– Это возможно, не так ли, доктор? Убито четыре человека.

– Гм... да, теоретически смертный приговор возможен. Но вы говорите, что она не была в здравом уме. Полагаю, присяжные признают ее невиновной из-за безумия.

– На это я и надеюсь всей душой, – Сара скосилась на Элси поверх своего длинного носа. Та похолодела под ее взглядом. – Но,

мне кажется, все будет зависеть от того, что сказать в суде.

Все это не может быть реальностью. Это просто актеры, стоят здесь, размахивают руками и произносят реплики. Визгливо скрипнули ножки стула по плиткам пола, Сара прошептала с придыханием: «Господь да помилует вас, милая миссис Бейнбридж!» – этого просто не может быть. Не здесь. Не с ней.

Элси посмотрела в зеркало в углу комнаты. За столом, горбясь сидела тощая женщина с пятнистой кожей и руками, похожими на раздвоенные копыта дьявола. Она выглядела как убийца.

Джолион. Ни в припадке безумия, ни под действием наркотических средств она никогда не смогла бы причинить ему вред. Миссис Холт, Мейбл – ну, может быть. В самом крайнем случае. Но никогда, никогда Джолиону.

Доктор Шеперд и Сара подошли к двери. Остановившись там, они продолжали разговор.

– Я могу сопроводить вас на вокзал, после того как сделаю обход.

– Это так любезно с вашей стороны. Благодарю, что вы готовы уделить мне время.

– Не за что. И еще одно – вам может потребоваться поддержка во время дачи показаний. Инспекторы порой бывают слишком настойчивы. Они могут проявить некоторую резкость, когда станут интересоваться, где вы были все это время.

– Это законный вопрос. И мне некого в этом винить кроме себя, – Сара пальцем оттянула воротник на шее. Там что-то блеснуло.

– Вас можно понять, учитывая обстоятельства.

– Умоляю, будьте к ней добры, доктор. Насколько это возможно. Я знаю, она совершила чудовищные вещи, но... мне не хотелось бы, чтобы ее неоправданно подвергали излишним страданиям.

Бриллианты. На шее у Сары было бриллиантовое кольцо.

– Здесь я сделаю все от меня зависящее. Но я не могу отвечать за Бродмур, или Ньюгейт, или еще какое-то место, куда ее отправят.

Выходя, Сара обернулась.

– До свиданья, миссис Бейнбридж. Дай вам Бог покоя. Я молю Господа, чтобы со временем вы поняли, почему я так поступила. Я не могу хранить молчание вечно. Мне необходимо освободиться. – Она вздохнула. – Вы даже не помашете мне на прощание, дорогая?

Но Элси не смотрела на Сару. Ее взгляд был прикован к круглому зеркалу и отражению двух фигур в дверном проеме.

Там в перевернутом виде отражалось все. Ядовито-зеленое платье, бюст, шляпка. Однако лицо, выглядывающее из-под полей, принадлежало не Саре. Нос короче, щеки полнее.

На месте сереньких мышиных волос были другие, золотисто-рыжие.

Она ничем не походила на Сару. Она выглядела как...

– Что ж, прощайте, миссис Бейнбридж. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали.

Когда она повернулась, чтобы закрыть за собой дверь, Элси вспомнила, где видела это лицо прежде.

Гетта.

Благодарности

За моим именем на обложке этой книги скрыто множество «безмолвных компаньонов». Я хочу воспользоваться возможностью выразить всем им свою безмерную сердечную благодарность.

Джулиет Машенс, моему чудесному агенту, которой посвящена книга. Ты поверила в мой замысел с самого начала. Без твоей помощи и поддержки я бы так ничего и не добилась. Спасибо тебе, спасибо, спасибо.

Команде издательства «Рэйвен Букс», особенно моим редакторам Алисон Хеннесси и Имоджен Денни. Вы – самые умные, самые чудесные из всех, с кем я только могла надеяться поработать вместе. Ваш энтузиазм по отношению к моему роману постоянно держал меня на плаву, превратив работу над книгой в наслаждение. Дэвид Манн – ах эта обложка! Я буду вечно благодарна за то, что вы так изумительно оформили написанную мной историю.

Я признательна Ханне Реноуден за то, что рассказала мне о существовании этих страшноватых деревянных фигур, после чего у меня заработало воображение. Первые читатели – Анна Драйзен, Лора Терри, Сара Хайорнс и Джонатан Кларк – ваши комментарии и отзывы были просто бесценны.

Я в неоплатном долгу перед Мими Мэтьюс и «Пастмастери» за глубокие и содержательные блоги, помогавшие мне при сборе материала. А также перед персоналом «Харрис&Хул» в Колчестере, где мне ежедневно помогали поддерживать должный уровень кофеина!

И, наконец, самая главная благодарность – моему дорогому мужу Кевину. Ты помогал мне разрабатывать сюжетные линии, обсуждал идеи и поддерживал меня в моменты уныния, связанные с книгой. Я люблю тебя всем сердцем.

---

notes

Примечания

1

Бомбазин – плотная шелковая ткань.

2

Гражданская война в Англии – имеется в виду ряд конфликтов между сторонниками Карла I и сторонниками парламента с 1642 по 1652 год.

3

Реставрация Стюартов – восстановление в 1660 году на территории Англии, Шотландии и Ирландии монархии, ранее упразднённой указом английского парламента от 17 марта 1649 года.

4

Вторжение в 1066 году в Англию армии Вильгельма Завоевателя, герцога Нормандии.

5

Джордж Вильерс, 1-й герцог Бекингем (1592–1628) – английский государственный деятель, фаворит и первый министр королей Якова I и Карла I Стюартов. Причина смерти – политическое убийство.

6

Кертл – средневековая верхняя одежда, длинная, с низким вырезом для шеи. Кертл носили поверх сорочки, свободно или с длинным поясом.

7

Коробка, внутри которой через смотровое отверстие можно увидеть миниатюрное – трехмерное или написанное с соблюдением перспективы – изображение улицы или интерьера типичного голландского дома.

8

Английская потливая горячка – инфекционная болезнь неясной этиологии с очень высоким уровнем смертности, несколько раз посещавшая Европу (прежде всего Англию) в XV–XVI веках.

9

Повешение, потрошение и четвертование – казнь за государственную измену и другие тяжкие преступления, принятая в Англии при короле Генрихе III.

10

Том Сэйерс – знаменитый британский боксер XIX века.

11

Знаменитая английская лечебница в графстве Беркшир, в которую в XIX веке помещали маньяков, серийных убийц и других опасных преступников с психическими расстройствами.

12

Главная тюрьма Лондона на протяжении семи столетий, где содержались приговоренные к смертной казни.

Table of Contents

[Лора Перселл Безмолвные компаньоны](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

